

ПУШКИН

Владимир
Новиков

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
60

Владимир Нобиков

ПУШКИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2014

УДК 821.161.1.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Н 73

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03691-8

© Новиков В. И., 2014
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2014

ОТ АВТОРА

Рассказать биографию Пушкина... Впервые с такой задачей я столкнулся в 1998 году в Норвегии. Лекция моя называлась «Легендарные русские поэты», аудитория — творческий семинар студентов разных факультетов, все пишут верлибры по-норвежски.

— Первый легендарный поэт России — это, конечно, Пушкин, — начал я, ожидая понимающих улыбок: мол, про него-то мы знаем.

Оказалось, слышат впервые. Написав на доске «Pushkin», я осознал уникальность ситуации и свою огромную ответственность перед отечественной культурой. То, что я скажу, станет для моих слушателей единственной правдой о нашем национальном гении. Никакой отсебятины — надо выбрать главное и изложить его самыми ясными и быстрыми словами.

Следующий, 1999 год был юбилейный, и цикл лекций о Пушкине в университете города Экс-ан-Прованс читался по-русски славистам.

— Когда Пушкин первый раз приехал в Париж? — спросил я студентов для начала.

Все на мгновение напряглись, а потом заулыбались: *jamais!* никогда! Не довелось ему во Франции побывать. Что ж, с подготовленной аудиторией — разговор совсем другой.

В том же году я написал статью «Двадцать два мифа о Пушкине», которая вышла и во Франции, и в России. Разложил по полочкам: «наше всё», «умнейший человек России», «дурак» (по Писареву и Хармсу), «донжуан», «однолюб», «оптимист», «пессимист», «атеист», «религиозный поэт», «пророк и учитель», «эстет», «новатор», «традиционалист», «декабрист», «монархист», «космополит», «патриот», «жертва», «победитель» и т. п. Вроде бы ничего не упустил, существенно новых мифов в XXI веке не появилось.

Творческие мифы — духовная роскошь? Современному читателю предлагается большой выбор пирожных, а где такая простая и внятная биографическая книжечка, которая была бы куском хлеба для неподготовленного, не слишком начитанного человека? Чтобы из нее он мог почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые первичные сведения.

Ответ, впрочем, известен: такой книжечки нет. Современная пушкинистика богата и разнообразна: разыскания, разборы, интерпретации, академическая текстология. Но всё это рассчитано на читателя-специалиста, читателя как минимум с высшим филологическим образованием. Думаю, что и серьезная книга Ю. Лотмана, вышедшая 30 с лишним лет назад в качестве пособия «для учащихся старших классов», сегодня трудна не только для подростка, но и для большинства взрослых читателей. Для передвижения по пушкинскому миру нужен компас, желателен компактный. Чтобы в карман вмещался и не требовал длительного изучения.

Вот такую карманную книжечку задумал я написать для малой серии «ЖЗЛ» (в большой серии имеется благополучно переиздающийся двухтомник

Ариадны Тырковой-Вильямс). Помимо цели просветительской была здесь и специфическая литературная задача. В судьбе писателя есть сюжет и фабула. Сюжет — это творческая эволюция художника, это единый смысл всего им написанного, это его взаимоотношения с литературной историей. Фабула — судьба личности в житейском пространстве. Пушкинский сюжет так грандиозен, что фабула в нем, как правило, растворяется. В пушкинистике «творчество» решительно доминирует над «жизнью».

Между тем наступил новый век, и литературоцентризм остался в прошлом. Новый читатель больше интересуется жизнью — и собственной, и писательской. От нее он может шагнуть и к текстам — такова теперешняя мотивация. Жизнь у Пушкина была довольно интересная и фабульная. А что, если прочертить эту фабулу, увидеть ее общим планом? Мне совсем не хотелось творить очередного «моего Пушкина» — тянуло уловить динамику реальной судьбы героя, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия».

Пушкин по своей природной сути — ныряльщик. Уловив течение жизни, он бросается в поток. Новая любовь, новая дружба, новая дуэльная вражда, новое путешествие. И точно так же — новое сочинение, стихотворное или прозаическое. Ритм не теряется ни на минуту, драйв возрастает. Течение несет Пушкина к неминуемой гибели, за которой столь же неминуемое бессмертие. Каждый пушкинский текст, любой эпизод его судьбы сохраняют заряд прижизненной динамики. Мы можем получить свою дозу и читая стихотворение, и воспринимая (или вспоминая) отдельный биографический факт. Отбор фактов для книги — профессиональный риск биографа, поскольку он может положить-

ся только на собственную интуицию. Абсолютно научной может быть разве что многотомная «летопись жизни и творчества» на тысячи страниц. Компактная же книжка всегда субъективно-изобразительна. Это относится и к повествованию Ю. Лотмана, и к повествованию И. Сурат и С. Бочарова. Единственного решения здесь быть не может.

По жанру считаю свою книжку новеллой. В ней нет подзаголовков — эпизоды обозначены просто римскими цифрами, как строфы в «Евгении Онегине» или в «Домике в Коломне». В какой-то степени мне было созвучно то понимание пушкинской судьбы, которое содержится в раздумьях автобиографичного героя повести Сергея Довлатова «Заповедник». Ясный и прозрачный стиль Довлатова-рассказчика был бы, наверное, идеален для краткой биографии Пушкина. Простота может быть способом *остранения*, свежего взгляда на знакомый предмет, многократно мифологизированный и демифологизированный. «Пишем для человека, а не для соседнего ученого», — говорил В. Шкловский. Обращение к неведомственному читателю обусловило почти «детгизовский» дискурс книги. На этот риск я пошел сознательно.

В процессе писания книжки я внутренне примирился с самыми разными существующими на счет Пушкина мифологемами — они по-своему правомерны. Пушкин как человек-мир открыт для любых художественных уподоблений. Моя книжка ни с кем не спорит — надеюсь, что и прочитавшие ее без предубеждения заинтересуются тем, что написано и пишется о Пушкине.

Это моя третья книга в серии «Жизнь замечательных людей». Предыдущими персонажами были

Высоцкий и Блок. Состав «троицы» весело предсказан Высоцким в песне «Посещение Музы»: «Ведь эта Муза — люди подтвердят! — / Засиживалась сутками у Блока, / У Пушкина жила не выходя».

Пушкин, Блок и Высоцкий, по-моему, — три самых легендарных русских поэта. Ведь, скажем, Мандельштам не является культовым для «простых» людей, а Есенин — наоборот, не «культов» для эстетов.

Степень легендарности, кстати, экспериментально проверяется по тому, насколько знамениты спутницы поэтов. Здесь Наталья Николаевна, Любовь Дмитриевна и Марина Влади(мировна) оставляют всех соперниц далеко позади.

Все три поэта делали сознательную ставку на демократизм, который был для них главным эстетическим вектором.

Еще все трое, страстно интересуясь социальными вопросами, не были политически ангажированы. «Медный всадник», «Двенадцать», вся совокупность песен Высоцкого (для примера приведу «Баньку по-белому» или «Старый дом») — структуры многозначные, в смысловом отношении амбивалентные, не сводимые к идеологическим схемам.

Пушкин, Блок и Высоцкий сходятся еще в одном отношении. Обладая несомненной харизматичностью, они не стремились к лидерству, не были кружковыми «гуру». Им больше нравилось присутствовать в разнообразных кругах и кружках, получая свежую информацию, наблюдая за новыми людьми. Любимая форма дружеского контакта у всех троих — диалог, встреча один на один. Можно даже прочертить некоторую сравнительную типологию связей. Таково, например, амплуа верного друга, лишённого конкурентно-творческих амбиций. Для Пушкина таким был Павел Нащокин, для

Блока — Евгений Иванов, для Высоцкого — Вадим Туманов.

Каждый из героев потребовал своего подхода. Больше всего филологической рефлексии в книге о Высоцком, что обусловлено полемической необходимостью: многие интеллектуалы до сих пор не видят его семантической двуплановости, его способности мыслить разными точками зрения. В книге о Блоке «жизни» и «творчества» поровну, поскольку он жил и писал в эпоху жизнетворчества.

На Пушкина, по-моему, такая «серебряновечная», модернистская модель не распространяется. Не думаю, что он творил свою жизнь по эстетическим законам, как произведение искусства. Он отдавался стихии жизни со всей человеческой непосредственностью, что и придает его многоактной биографической драме смысловую прозрачность. Впрочем, эту мысль я старался не декларировать, а передать ее в повествовании. Чтобы сама жизнь поэта сказала это читателю.

Первых читателей рукописи: Н. М. Азарову, А. В. Василевского, А. В. Кулагина, О. И. Новикову — благодарю за полезные советы и уточнения.

На Земле есть Россия, в России — Москва, в Москве — Немецкая слобода.

Там, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переуллка, стоит дом коллежского регистратора Скворцова, арендуемый отставным майором Сергеем Львовичем Пушкиным. 26 мая (по новому стилю — 6 июня) 1799 года, в день Вознесения, здесь появляется на свет его сын Александр, который станет первым поэтом России и главным ее символом.

Пушкин — будет.

I

Вспоминать о раннем детстве — не его склонность. Культ детства — религия эгоцентриков, которые всматриваются в себя, чтобы понять мир. А он из тех, чей взгляд изначально обращен вовне. Ему, чтобы осознать себя, надо стать человеком-миром.

А пока Александр — малоподвижный, толстый мальчик. Ему нравится сидеть дома с бабушкой Марией Алексеевной и смотреть, как она занимается рукоделием. Но мать насильно водит его гулять, принуждая бежать за нею. Как-то раз, отстав, он садится посреди улицы. Из окна дома на него глядит дама. Смеется. Мальчик встает со словами: «Ну, нечего скалить зубы».

Такова первая известная реплика Пушкина в его диалоге с окружающим миром. Она сохранится в памяти сестры Ольги, которая полутора годами старше брата.

А сам он в письме жене в 1834 году расскажет о первом историческом событии в собственной жизни: «Видел я трех царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...» Имеется в виду Павел I. Вскоре после рождения сына Пушкины ненадолго перебрались в Петербург, где поселились в Соляном переулке. Няня Ульяна вела барчука на прогулку, и они случайно столкнулись с едущим верхом императором. Приключилось это незадолго до цареубийства, о котором Пушкин в 1817 году выскажется в оде «Вольность». Осудит и «увенчанного злодея», и заговорщиков, его задушивших.

До нас дойдут лишь небольшие наброски пушкинских автобиографических записок. Начатые им в 1821 году воспоминания будут сожжены в 1825 году после разгрома «несчастливого заговора», то есть декабристского восстания. В 1834 году он наметит краткий план новой автобиографии, который останется неосуществленным. Его лаконично обозначенные пункты да несколько страниц воспоминаний сестры Ольги, записанных с ее слов в 1851 году мужем Николаем Ивановичем Павлищевым, — вот, собственно, все источники, по которым мы можем узнать что-то достоверное о первых двенадцати годах жизни Пушкина.

II

Гораздо богаче информация о его происхождении. Такой замысловатой и парадоксальной родословной не может похвастаться больше ни один рус-

ский классик. И Пушкин всегда был неравнодушен к своим корням, придавал им символическое значение, рассказывал о своих предках и стихами, и прозой. «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», — с гордостью отмечает он в своих записках.

Пушкин считал, что его род, как и некоторые другие дворянские фамилии, происходит от прусского выходца Радши (или Рачи), приехавшего в Россию во времена Александра Невского. Историки уточняют: Радша (возможно, он был сербом) появился в Киевской Руси еще в XII веке, а в Новгороде времен Александра Невского известны стали уже его потомки.

«Четверо Пушкиных подписались под грамотою об избрании на царство Романовых», — с гордостью отмечает поэт. Порой его рассказы о предках сопровождаются поэтическими вольностями и неточностями. «С Петром мой пращур не поладил / И был за то повешен им», — сказано в «Моей родословной». На самом деле Федор Матвеевич Пушкин за участие в Стрелецком бунте был обезглавлен, к тому же Александру Пушкину подлинным «пращуром» он не приходился, родство между ними не прямое.

Перечень реальных предков начинается с пушкинского прадеда Александра Петровича, который, как рассказывает поэт, «в припадке сумасшествия зарезал свою жену». Не менее «пылким и жестоким» оказался дед, Лев Александрович. В стихотворении «Моя родословная» поэт разрабатывает версию о том, что его дед во время дворцового переворота 1762 года выступил против Екатерины II, сохранил верность убитому Петру III и был посажен в крепость. Увы, это оказалось легендой: реального майо-

ра Льва Пушкина в 1763 году императрица пожаловала в «артиллерии подполковники».

По поводу семейной жизни Льва Пушкина внук писал, что первая его жена «умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе». Отец поэта отрицал этот весьма сомнительный факт, однако имеются и другие свидетельства жестокости Льва Александровича. Натерпелась от него и вторая жена, бабка Александра Пушкина (Ольга Васильевна успела окрестить внука и вскоре умерла). Ревнивость как фамильная черта не случайно акцентируется Пушкиным в этих записках, относящихся к осени 1834 года.

Следующее поколение Пушкиных — это дети Льва Александровича и Ольги Васильевны, два сына и две дочери. Старший сын, Василий Львович, рано выйдет в отставку в чине гвардии поручика и станет известным литератором. Сергей Львович, будущий отец поэта, к 1798 году дослужится до майора.

III

Родословная матери, по словам Пушкина, еще любопытнее. Ее дед — Ибрагим (Абрам) Ганнибал, эфиоп по происхождению, княжеского рода. В качестве пленника он в младенчестве оказался в Константинополе. Русский посол, выкупив его вместе с другими арапчаками, отправил к Петру I. Мальчик был крещен, а после смерти Петра избрал себе фамилию Ганнибал. Стал военным инженером, достиг звания генерал-аншефа. Его судьба — отдельная глава российской истории.

«В семейственной жизни прадед мой Ганибал (одно «н» в оригинале. — *В. Н.*) так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин», — рассказывает поэт, подчеркивая тем самым, что сложная личная жизнь завещана ему как по русской, так и по африканской линии. Первая жена Абрама Ганнибала сошлась с подчиненным, родила белую дочь. Подверглась жестоким истязаниям мужа и в конце концов оказалась в монастыре. Вторая жена — Христина Шеберг — «родила ему множество черных детей обоего пола».

Один из четырех сыновей, Осип Абрамович Ганибал, служил во флоте, был капитаном второго ранга. В отличие от отца грешил супружеской неверностью и даже оказался двоеженцем. Его законная супруга — Мария Алексеевна Пушкина. (Поэт ошибочно считал ее племянницей своего деда Льва Александровича. На самом деле родство более отдаленное: дед Марии Алексеевны Федор Петрович Пушкин — брат пушкинского прадеда Александра Петровича, то есть она не племянница деда, а внучатая племянница прадеда. Так или иначе, два семейных клана — Пушкиных и Ганнибалов — уже пересекались в историческом прошлом.)

Изготовив фальшивое свидетельство о кончине Марии Алексеевны, Осип Абрамович женился в 1779 году на Устинье Толстой. Мария Алексеевна воззвала к императрице, которая восстановила справедливость, аннулировала новый брак и вернула обманутой жене дочь Надежду, будущую мать поэта. Тот же своего беспутного деда, скончавшегося в 1806 году, так и не увидел.

Старший брат Осипа Абрамовича — Иван Абрамович, выдающийся флотоводец, был человеком бессемейным и при этом достойным. Опекал и не-

вестку, и племянницу, которую вывез в Петербург и благополучно выдал замуж за гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина (приходившегося невесте троюродным дядей).

Сергей Львович и Надежда Осиповна Ганнибал вступили в брак в 1796 году. Через год появилась на свет дочь Ольга, а в 1798 году глава семьи вышел в отставку. Пушкины переехали из Петербурга в Москву.

IV

Было ли детство Пушкина счастливым? Скорее нет, хотя до сих пор этот вопрос обсуждается учеными и литераторами. В конспективном плане пушкинской автобиографии, в нескольких строках о раннем детстве, звучат почти сплошь минорные ноты: «Первые неприятности»; «Мои неприятные воспоминания»; «Нестерпимое состояние».

Пункт «Гувернантки. Ранняя любовь» вызывал разные толкования, но сколько-либо достоверных фактов не обнаружено. Запись «Рождение Льва» связана с 1805 годом, а «Смерть Николая» — с летом 1807 года, когда шестилетний младший брат умер в Захарове — подмосковном имении бабушки Марии Алексеевны. Из восьми детей Сергея Львовича и Надежды Осиповны зрелого возраста достигли трое: Ольга, Александр и Лев. Вслед за Николаем еще четверо детей с 1809 по 1819 год скончались в младенчестве: Софья, Павел, Михаил и Платон.

«Охота к чтению» — вот очевидный просвет в туманно-тревожном конспекте детства. Пушкину не надо было приходить в литературу — он родился в ней. Книги окружали его с малолетства, книгам

он скажет: «Прощайте, друзья» в последние минуты жизни. Уже в девять лет он читает гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», «Сравнительные жизнеописания» Плутарха — все во французских переводах. Кабинет отца полон французских книг, в том числе не предназначенных для детского чтения — они также вызывают у сына живейший интерес.

Сергей Львович сам пописывает стихи по-французски, любит декламировать. Старший его брат Василий Львович — настоящий стихотворец, печатается в журналах. Его главное произведение — непристойная поэма «Опасный сосед» — появится в 1811 году (ее сюжет — драка в борделе). В 1816 году он напишет племяннику-лицеисту: «Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону». Тот ответит стихами: «Нет, нет, вы мне совсем не брат, / Вы дядя мой и на Парнасе».

У отца и дяди немало знакомых литераторов, причем перворазрядных: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, Жуковский. Ивана Ивановича Дмитриева даже прочтут в женихи тетушке Анне Львовне, но дело как-то не складывается. С именем Дмитриева связан потешный эпизод. Иван Иванович, глядя на курчавого и смуглого Александра, восклицает: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик!» На что мальчик тут же отвечает: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Все смеются, хотя намек на рябоватость лица солидного гостя не безобиден. Пройдут годы, и литературные отношения Дмитриева и Пушкина нельзя будет назвать безоблачными: скажется почти сорокалетняя разница в возрасте. Дмитриев, верный старине, неприязненно встретит «Руслана и Людмилу», чего Пушкин не забудет — при всей внешней почтительности к литературному патриарху. В 1826 году Пушкин с Ни-

колаем Языковым сочинят цикл ехидных пародий на дмитриевские «Апологи в четверостишиях».

Родители Пушкина — люди непрактичные, небрежные в хозяйственных делах. Дом свой надлежащим образом вести не умеют, но при этом любят светское общение. Безупречному владению французским языком придают первостепенное значение. Первый воспитатель Ольги и Александра — эмигрант из Франции граф Монфор, затем его сменяет Руссло. Немецкому языку Пушкин пытался учиться у дамы по фамилии Лорж, но не очень продвинулся. Как и в английском, который преподавала мисс Белли, гувернантка Ольги.

Важной частью образования почитаются танцы. Ольгу и Александра возят «на уроки танцевания» в дом Трубецких на Покровке (дом в Москве называют «комодом», а владельцев — «Трубецкими-Комод»), а по четвергам — на детские балы к знаменитому танцмейстеру Петру Андреевичу Иогелю. У Иогеля взрослый Пушкин потом найдет себе невесту.

Приличные манеры прививаются порой жестокими способами. Заметив у Александра привычку тереть ладони одна о другую, Надежда Осиповна связывает ему руки. Мальчик то и дело теряет платок — так этот платок пришивают к одежде, и ему приходится ходить в столь позорном виде. Временный результат достигается, но с этикетом, светскими ритуалами и стилем одежды у Пушкина будут проблемы всю жизнь.

Альтернатива домашней галломании — бабушка Мария Алексеевна, обучающая Ольгу и Александра русской грамоте. В ее имении Захарово с 1805 года Александр проводит лето. Бывшая крепостная бабушки, получившая от нее вольную, — Арина

Родионовна, осталась в доме Пушкиных в качестве няни. Пушкин к ней привязан, а со временем народные песни, сказки, присловья, услышанные от няни, найдут применение в его творчестве. Среди домашних учителей русского языка сестра поэта вспомнит некоего Шиллера и священника Александра Ивановича Беликова, преподававшего также Закон Божий и арифметику.

Сочинять Пушкин начинает по-французски. Придумывает небольшие пьесы, разыгрывает их перед сестрой Ольгой. Не обижается, когда та осмеивает комедию брата «Похититель». Тут же слагает самокритичную эпиграмму, которая в переводе на русский звучит так: «Скажи мне, почему “Похититель” / Освистан партером? / Увы, потому, что бедный автор / похитил его у Мольера». Кстати, «Похититель» так и останется единственным опытом автора в жанре комедии. При всей универсальности Пушкина, при всём обилии комизма в его поэмах, в его прозе и в знаменитом романе в стихах, — до комедии как таковой руки у него не дойдут.

Другой литературный учитель юного Пушкина — Вольтер. Следуя его примеру, он слагает целую поэму о карликах и карлицах. На беду гувернантка изымает тетрадку со стихами и передает Шеделю, учителю французского, сменившему Русло. Тот, едва начав читать, раздражается смехом. Автор в слезах предает свое сочинение огню.

Разное детство бывает у писателей. Одни дорожат им, на его основе разворачивают свою художественную вселенную. «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!» — воскликнет Лев Толстой. Другие всю жизнь наверстывают упущен-

ное в ранние годы. «В детстве у меня не было детства», — решительно отречет Чехов.

У Пушкина — случай особенный. Он отдаст дань условно-поэтическому воспеванию малолетства. «Прелестный возраст миновался...» — читаем в «Послании к Юдину» (1815), а в ранней редакции стихотворения «К Дельвигу» (1817) находим строки:

С какою тихою красою
Минуты детства протекли...

С годами этот мотив уйдет, однако на свою противоположность, на отрицание или осуждение детства не переменится. О своей жизни до 1811 года Пушкин предпочтет молчать. Возможно, ему не захочется вспоминать о том, что уязвляло его самолюбие. В 1835 году, размышляя о мемуарах Байрона, он отметит: «Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными». А с Байроном поэт себя сравнивал по многим причинам.

Из детства Пушкин выносит не сладостные воспоминания, но и не чувство тоски. Он выходит из ранней своей поры с грузом противоречий, которые будет разрешать всю оставшуюся жизнь. В этом — источник развития, непрерывность поисков того, что он назовет потом «самостоянием человека».

V

В начале 1811 года Сергей Львович и Надежда Осиповна едут в Петербург с намерением определить сына на учебу. Сначала речь идет о пансионе иезуитов, но Александр Иванович Тургенев, директор Департамента духовных дел, толкует об ином: «Лицей».

Слово греческое, так называлась роща возле храма Аполлона Ликейского в Афинах, где учительствовал философ Аристотель. В дальнейшем лицеями будут именовать средние учебные заведения, но сейчас это высшая школа для дворянских детей, которые станут государственными чиновниками. По статусу приравнивается к университету.

Поначалу планируется, что учиться там будут и великие князья — младшие братья императора. Потом от этого намерения откажутся, но Лицей тем не менее разместится в Царском Селе под Петербургом, в пристройке к дворцу.

Лицей будет либеральным. Прежде всего потому, что там нет телесных наказаний. Образование задумано широкое: Закон Божий, литература, история, право, языки: французский, немецкий, латинский. И математика тоже. Установка — на общее развитие, не на прикладные знания. Содержание лицейстов — на казенный счет.

Сергей Львович пишет прошение на имя министра народного просвещения Разумовского. А в июле Александра везет в Петербург дядя Василий Львович, сопровождаемый своей гражданской женой Анной Николаевной. Живут они в гостинице, потом в частной квартире на Мойке близ Конюшенного моста. Совсем рядом с тем домом, где Пушкин с семьей поселится четверть века спустя. В гости к дяде заглядывают Иван Дмитриев, Дмитрий Дашков, Дмитрий Блудов (оба — будущие основатели общества «Арзамас», куда вступят дядя и племянник Пушкины).

Александр проходит медицинский осмотр, сдает экзамены. Их, кстати, выдерживают не все претен-

денты. В списке прошедших отбор под номером 14 значится «Александр Сергеевич Пушкин. Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленился и отстаёт».

Двадцать второго сентября Александр I утверждает список лицеистов общим числом 30 человек.

Они съезжаются. Облачаются в форменные сюртуки, получают сапоги, ботфорты, шляпы-треуголки (со временем они сменяются фуражками). Иные довольны, поскольку дома приличной одежды не имели. Директор Лицея — добродушный Василий Федорович Малиновский репетирует в зале будущий церемониал торжественного открытия.

Наступает четверг, 19 октября 1811 года. В Екатерининском дворце — торжественное открытие Лицея. Акция проходит на высшем уровне. Император с семьей. Первые лица государства: тут и либеральный Сперанский, и свирепый Аракчеев. После освящения Лицея начинается торжественный акт. Директор Малиновский свою тщательно подготовленную (не сам писал) речь зачитывает тихо и невыразительно. Зато отличается 28-летний Александр Куницын, профессор нравственных и политических наук. Говорит об обязанностях гражданина — не по бумажке, темпераментно и от души. Ни разу не упоминает его величества. Царь не обидится, а наоборот: орден потом пожалует оратору.

Каждого из воспитанников вызывают по списку и удостоивают чести лично поклониться императору. После чего высокие гости отправляются осматривать помещение Лицея. Для них министр Разумовский учиняет роскошное угощение (история сохранила цифру бюджета этого «ВИП-стола» — 11 тысяч рублей). У педагогов — стол скромнее в

одной из классных зал. Лицейстов потчуют супом с пирожками.

Завершается день иллюминацией, а лицеисты играют в саду в снежки. Той осенью снег выпал уже на Покров.

Пушкин живет в комнате номер четырнадцать. Рядом, в тринадцатом номере, Иван Пущин, с которым они сдружились еще в Петербурге, до приезда в Царское Село. В конце октября у Пушкина появляется младший брат Михаил, которому суждено прожить совсем недолго (как и родившемуся годом раньше и вскоре умершему Павлу). 21 января 1812 года в Царское Село приедет навестить сына Надежда Осиповна с Ольгой и Львом. Родственники к нему будут наезжать, а сам он надолго останется в Царском Селе.

Его дом теперь — Лицей.

Здесь он свой, но не вполне. Кличка его — Француз. Так оценены полученные в родительском доме свободное владение языком и отменное знание французской словесности.

Пушкину не суждено сделаться здесь лидером, «премьером». Вокруг него не будут роиться товарищи. В декабре 1811 года лицеисты составляют своеобразный рейтинг — список тринадцати наиболее «успешных» из них. Пушкин в перечень избранных не попадает (и тут его номер — четырнадцатый). Судьба права в том, что не балует ранним признанием: настоящие литературные гении не бывают вундеркиндами.

Успехом как стихотворец в Лицее поначалу пользуется Алексей Илличевский — Олёсенька,

так его зовут товарищи. Пишет аккуратно, «как надо». Пушкин особенной ревности не испытывает. Ему, как ни странно, важнее отличиться в умении бегать, прыгать через стулья, бросать мячик. Вот если в этом его превзойдут, если кто-то одним ударом положит все кегли — Пушкин может впасть в бешенство.

Литературная самодеятельность цветет в Лицее пышным цветом — несмотря на попытки запрета, предпринятые начальством. Многие пишут стихи, изготавливают рукописные журналы (сам Пушкин за компанию с Дельвигом и Корсаковым издает «Неопытное перо»).

Иван Иванович Мартынов, директор Департамента народного просвещения, занимаясь с лицеистами русской и латинской словесностью, поощряет их к сочинительству. Профессор Кошанский как-то после лекции предлагает слушателям описать стихами розу — и Пушкин тут же выдает два четверостишия, которые всем нравятся.

Стихосложение постепенно становится его страстью, а учение не особенно захватывает. В сводной «табели» об успехах, прилежании и даровании тридцати лицеистов с 23 октября 1811 года по 19 марта 1812-го, где на первых шести местах Вольховский, Горчаков, Илличевский, Пушин, Есаков и Малиновский, у Пушкина скромное семнадцатое место. А в ноябре он опустится на двадцать третье.

Преподавателю математики Карцову на вопрос: «Чему равняется икс?» — Пушкин с улыбкой отвечает: «Нулю». Тот в конце концов машет на ученика рукой. Никто из профессоров не дает об этом лицеисте одобрительных отзывов. Отмечают «понятливость», «остроумие», «вкус», но все как один корят за недостаток прилежания и трудолюбия. Да-

же Куницын, лекции которого Пушкин слушает с интересом, полагает: «Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения...»

Странно, конечно. Много лет спустя Пушкин сам не раз выскажется о трудолюбии как необходимом условии творчества. Про своего героя Онегина он с легкой иронией напишет: «Хотел писать, но труд упорный / Ему был тошен. Ничего / Не вышло из пера его...» Тружеником Пушкин станет, да еще каким! Но начинается искусство всё-таки, наверное, не с прилежания, а с большой страсти.

По сердечному влечению складываются у юного Пушкина и дружеские связи. Иван Малиновский, директорский сын, отличается драчливостью и носит кличку Казак. Иван Пущин тоже не лишен резвости, однако в целом рассудителен и серьезен. Не пишет стихов, что редкость. А барон Антон Дельвиг, напротив, натура сугубо поэтическая и притом томно-ленив. Вот такие непохожие друг на друга отроки становятся короткими приятелями Пушкина. Он и в дальнейшем будет сближаться с людьми самыми разными, вбирать в себя их психологическое своеобразие и житейский опыт.

VI

В ночь с 11 на 12 июня 1812 года французские войска переходят через Неман и вторгаются в пределы России. 17 июня известие об этом доходит до Петербурга.

Лицейсты уже видели весной русские полки, проходившие через Царское Село в сторону западных границ. Теперь слово «война» входит в их детское сознание. Для начала они затевают игру в войну, назначив Илличевского генералом. А по

воскресеньям в Лицей привозят официальные ре-
ляции, которые Кошанский оглашает в зале. Лице-
исты обсуждают происходящее с профессорами,
усердно читают в библиотеке русские и иностран-
ные журналы.

Губернер Иконников сочиняет пьесу на воен-
ную тему — «Роза без шипов». Лицеисты играют
ополченцев. Министр Разумовский этим недово-
лен и выговаривает директору Малиновскому.
Между тем шесть дружин настоящих ополченцев
проходят через Царское Село. Становится известно,
что Москва оставлена русскими войсками (семья
Пушкиных уже выехала заблаговременно в Нижего-
родскую губернию). Проводив ополченцев, а также
гродненских гусар и улан Польского полка, лицеис-
ты в негодовании бросают под столы французские
учебники.

Обсуждается вопрос об эвакуации в город Або
(ныне финский Турку). Но до этого дело не дохо-
дит. После Бородинского сражения Москва осво-
бождена от французов. В воскресенье, 20 октября,
Лицей впервые празднует годовщину основания.
«Товарищеская семья», как назовет ее потом Пу-
щин, сложилась.

VII

И скрепляют эту семью дух вольнолюбия, разви-
тое чувство собственного достоинства. Сильно до-
нимает юношей инспектор Мартын Пилецкий —
надзиратель «по учебной и нравственной части». То
и дело неуважительно говорит о родителях лицеис-
тов. Склонен собирать на учащихся, говоря совре-
менным словом, компромат. Делает записи типа:
«Во время обеда г. Пушкин начал громко и насмеш-

ливо говорить, что Вольховский меня боится оттого, чтобы не потерять доброго своего имени, а мы, говорит, шалуны, его увещаниям смеемся».

Младший брат Пилецкого, Илья, служит гувернером. Однажды он отнимает у Дельвига «бранное на г. инспектора сочинение». Пушкин вспыхивает: «Как вы смеете брать наши бумаги — стало быть, и письма наши из ящика будете брать».

Однажды, в марте 1813 года, лицеисты, собравшись в зале, требуют от Пилецкого, чтобы он покинул Лицей. Иначе они сами подадут прошения об уходе. Мелкий тиран вынужден сдаться. Много лет спустя, составляя план автобиографии, Пушкин отметит как важное событие: «Мы прогоняем Пилецк<ого>».

Пушкину 14 лет. Летом вместе с другими лицеистами он оказывается в крепостном театре графа Варфоломея Васильевича Толстого. На сцене — актриса Наталья. Талантом особенным она не блещет, но женской красотой прельщает Пушкина. По всей видимости, именно ей присвоит потом он почетное имя «Наталья I» в своем полушутливом «Донжуанском списке». А написанное тем летом стихотворение «К Наталье» останется самым ранним из известных произведений поэта.

Это, конечно, легкая литературная игра. Автор становится в позу некоего женоненавистника, который смеялся над прекрасным полом, а теперь «сам попался»:

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.

В конце стихотворения автор именует себя монахом. На том же творческом импульсе принимает он за поэму «Монах», подражая Вольтеру как автору скабрёзной «Орлеанской девственницы». По написании трех песен чопорный Горчаков советует Пушкину прекратить рискованное сочинительство. Поэма сохранится в горчаковском архиве, где исследователи ее найдут только в 1928 году.

Вот и определились две главные пушкинские страсти, две линии его судьбы. Любовь к женщине и любовь к творению. Женская красота и красота поэтического слова — это концентрация жизненности. А Пушкин станет прежде всего поэтом жизни как таковой.

Пока же он пробует жизнь на вкус, играет в любовь и ищет слова для ее воспевания.

VIII

Двадцать третьего марта 1814 года умирает директор Лицея Василий Федорович Малиновский. Для Пушкина это сердечная потеря. После похорон в Петербурге Иван Малиновский и Пушкин дают друг другу клятву в верной дружбе. В Лицее два года будет длиться «междоусобица», а потом явится новый директор — Егор Антонович Энгельгардт.

С апреля при Лицее открыт Благородный пансион, куда поступает брат Александра Лев. Главное же событие этого года — пушкинский литературный дебют. Послание «К другу стихотворцу» обращено, по видимости, к чудаковатому долговязому Вильгельму Кюхельбекеру («Кюхле»), над которым подшучивают товарищи, да и сам Пушкин не прочь ужалить его эпиграммой. Речь в стихотворении

идет о тяжелой участи поэта. Замысел, естественно, почерпнут из книжных источников.

Пушкин шлет стихи без подписи в журнал «Вестник Европы». Издание престижное, основанное в 1802 году Карамзиным. Там публикуются практически все поэты первого ряда. Дельвиг отправляет туда же свою оду «На взятие Парижа» — ее ввиду злободневной темы публикуют первой. Редактор Владимир Измайлов (имя первого пушкинского публикатора достойно нашей памяти) справляется об имени автора, а поскольку лицеистам печататься не позволено, то «К другу стихотворцу» помещается в тринадцатом номере, 3 июля, с шифрованной подписью «Александр Н. к. ш. п.» (то есть согласные буквы фамилии в обратном порядке). Начало тернистому пути положено.

Осенью того же года Пушкин с ближайшими друзьями попадает в прескверную историю. Он, Малиновский и Пущин в так называемый «табельный день» (именины императрицы и отсутствие занятий) готовят «гогель-могель» из рома, яиц и сахара. Угощают товарищей. Забава оборачивается скандалом. Доходит аж до министра. Дядька Фома, купивший ром, сразу уволен, а юные эпикурейцы через месяц с лишним приговорены к двухнедельному стоянию на коленях за утренней и вечерней молитвой и к сидению на последних местах за столом. Память Пущина сохранила пушкинский экспромт, сочиненный «на мотив» одного стихотворения Дениса Давыдова — как бы от имени Малиновского:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

«Блажен муж иже сидит к каше ближе», — острит Пушкин, сидя на «штрафном» месте за столом, а в «Вестнике Европы» примерно в эти же дни опубликовано уже пятое его стихотворение — «Блаженство». Подпись под ним: «1... 14—16». Буквы заменены цифрами, соответствующими их местам в алфавите, то есть «А... Н-П». «А» — Александр. «Н-П» — перевернутое «Пушкин». Недолго осталось ждать того момента, когда имя юного поэта будет рассекречено.

Его уже признают отец и дядя. «Посмотрите, что будет из Александра», — говорит Василий Львович знакомым.

IX

Александр Иванович Галич, молодой профессор, получивший образование в Германии, с мая 1814 года заменяет заболевшего Кошанского. Живет в Петербурге, приезжает в Лицей на лекции. На дружеской ноге с воспитанниками, не прочь с ними вместе повеселиться.

Он советует Пушкину написать для предстоящего переводного экзамена «Воспоминание в Царском Селе». Сказано — сделано. В ноябре готово вдохновенное повествование о российской истории. Начинается оно с царскосельского пейзажа, с живой эмоциональной ноты:

И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Восьмое января 1815 года может считаться днем рождения пушкинской славы. Пушкин читает свое стихотворение на экзамене в присутствии приглашенного на торжественный акт патриарха россий-

30.

Воспоминания въ Царскомъ-Селѣ

Наша непобѣдимая держава
Его императору вѣрна,
Въ величавомъ величьи своемъ
Въ своемъ величавомъ величьи своемъ

Наша держава непобѣдимая
Его императору вѣрна,
Въ величавомъ величьи своемъ
Въ своемъ величавомъ величьи своемъ

Въ величавомъ величьи своемъ
Въ своемъ величавомъ величьи своемъ

ской поэзии Гаврилы Романовича Державина, который упомянут юным поэтом в строках:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Этот момент будет потом описан Пушкиным дважды. Один раз — поэтически, в восьмой главе «Евгения Онегина», где повествуется об отношениях автора с его музой:

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Гаврила Романович уйдет из жизни ровно через полтора года после сего события. Пушкинские строки станут легендарными, и выражение «старик Державин» будет в русском языке означать авторитетного литературного наставника, оказывающего поддержку дебютанту.

Второе описание — в уцелевшем фрагменте сожженных воспоминаний. В последние годы жизни Пушкин переписал его и вложил в свой рукописный сборник с английским названием «Table-Talk»:

«Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую “Водопад”. Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: “Где, братец, здесь нужник?” Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу».

Державинский вопрос о нужнике также войдет в число популярных у интеллигенции цитат. Его бу-

дут вспоминать с целью «сбить пафос». Прочтем, однако, что идет далее:

«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Семнадцатого апреля 1815 года «Воспоминание в Царском Селе» публикуют в журнале «Российский музеум» за полной подписью Александра Пушкина.

1816 год ознаменован чередой личных знакомств Пушкина с ведущими русскими поэтами. В феврале, когда он лежит больной в лазарете, его навещает Константин Батюшков. В марте, в день Благовещения, среди множества посетителей Лицея — Карамзин и Вяземский. Оба видели Александра ребенком в родительском доме, а теперь общаются с ним как с поэтом.

В мае или июне происходит встреча с Василием Андреевичем Жуковским, который станет для

Пушкина и учителем, и другом, и защитником на все оставшиеся 20 лет с половиной.

А вдохновительницей любовной лирики становится в это время двадцатилетняя Екатерина Бакунина, сестра лицейского товарища, будущая фрейлина. Ею увлечены также Пущин и Малиновский. О каких-либо реальных отношениях, естественно, и речи нет. Но стихи появляются, поэтическое мастерство набирает силу.

Возникают и первые авторские трудности. Весной 1816 года Пушкин отправляет в «Вестник Европы», где он удачно дебютировал, три стихотворения, в том числе «Гроб Анакреона». Но в журнал вернулся после болезни прежний главный редактор — Михаил Каченовский. Он не печатает ничего из предложенного. Пушкин ему этого не простит. Каченовский станет постоянной мишенью его эпиграмм, на редкость беспощадных и язвительных. «Клеветник без дарованья» — не самое резкое из выражений по адресу редактора «Вестника Европы». В 1825 году Пушкин в саркастической форме возложит на него ответственность за состояние всей отечественной литературной периодики:

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течень месячных изданий.

Х

Егор Антонович Энгельгардт, в марте 1816 года пришедший в Лицей директором, неплохо справляется со своими обязанностями. Он расположил к

себе бóльшую часть лицеистов. Между прочим, сдал в архив документы о пресловутой истории с «гогелем-могелем», чтобы эпизод не отразился на судьбе фигурантов этого дела.

Но с Пушкиным у него отношения не заладились. В личных записях, сделанных по-немецки, директор так аттестует юного поэта: «Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце».

Откуда такая запальчивая категоричность? Холодность сердца — это совсем не про Пушкина. Чем-то этот юноша раздражает людей рационального склада, и они приписывают ему бесстрастность. И еще одно симптоматичное обвинение: «Он основывает всё на поэзии и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано». Через 100 лет, во времена Серебряного века, страстная преданность поэзии как таковой не будет считаться грехом. Да и в наши дни тоже. Это потому что Пушкин отстаивал престиж поэзии, право человека быть поэтом — и только. Не для себя — для следующих поколений.

Энгельгардт, впрочем, защищает Пушкина, когда тот попадает в неприятную историю. Пушкин увлечен Наташей — горничной фрейлины Волконской. Застав красавицу в темном дворцовом коридоре, бросается ее целовать — а это, оказывается, сама немолодая княжна Волконская. Скандал. Дело доходит до государя — и тут за лицеиста вступает директор. Царь благодушно спускает дело на тормозах, говоря с улыбкой: «Между нами, старушка, быть может, в восторге от ошибки молодого человека».

В одном из «китайских» домиков Царского Села проводят лето Карамзины.

Николай Михайлович удостаивает Пушкина серьезных бесед, однажды читает ему предисловие к «Истории государства Российского». Пушкин запоминает с точностью до слова и, вернувшись в свою келью, записывает для себя заветный текст.

В доме Карамзиных он знакомится с гусарским корнетом Петром Чаадаевым — храбрецом, участником Бородинской битвы и многих иных сражений. Чаадаев мыслит независимо и парадоксально, отныне Пушкин будет пребывать с ним в постоянном диалоге.

С подачи Карамзина Пушкин получает заказ на придворную оду. Предстоит венчание великой княгини Анны Павловны с принцем Оранским. Пожилой вельможа Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий сам с этой задачей справиться не в состоянии. Приехав в Лицей, он излагает Пушкину тему и через час или два получает вполне приличный текст из восьми строф. С небольшими поправками эти стихи, положенные на музыку, исполняются на балу в Павловске. Императрица Мария Федоровна присылает юному поэту в подарок золотые часы с цепочкой. Он этой наградой, однако, нимало не гордится. Ходили слухи, что эти часы он нарочно разбил о каблук. В черновом тексте одного стихотворения будет сказано: «Простите мне мой страшный грех, поэты, / Я написал придворные куплеты».

В дом Энгельгардта приезжает его родственница француженка Мария Смит. Пушкин начинает за ней ухаживать и сочиняет стихи «К молодой вдове», где позволяет себе в мечтах зайти весьма далеко:

Нет, завистливый ревнивец
Не придет из вечной тьмы.
Тихой ночью гром не грянет,
И разгневанная тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Статуя Командора к юному Дон Жуану не является, но отношения его с директором Лицея после таких стихов лучше не становятся.

XI

В канун нового, 1817 года лицеистов впервые отпускают домой на рождественские каникулы. Пушкин проводит их у родителей в Петербурге. Сергей Львович вскоре уходит в отставку в чине пятого класса.

По возвращении в Царское Село Пушкин принимается переписывать все свои стихи в тетрадь. Ему помогают товарищи. Всего в этой лицейской тетради 41 стихотворение (потом тетрадь будет передана Жуковскому, и тот выскажет автору свои замечания; Пушкин и сам внесет в текст немало поправок). Тогда же Александр начинает писать большую поэму со сказочным сюжетом — «Руслан и Людмила».

Всё чаще он бывает у Карамзиных. Николай Михайлович к нему строг, то и дело журит за ветренность. А его 36-летняя супруга Екатерина Андреевна, мудрая и женственная, добра к юному поэту. Он тянется к ней — может быть, потому, что дома недополучил материнской ласки. Эта тяга, однако, переходит границы почтительности, и Александр пишет Екатерине Андреевне любовную записку. Та показывает ее мужу, который делает серьезное вну-

шение незадачливому поклоннику жены. Александр доведен до слез, но всё улаживается, и его дружба с Карамзиными продолжается.

Обретая самостоятельность мышления, Пушкин сможет критически посмотреть на Карамзина как историка. Вскоре он сочинит эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Это не отречение и не измена старшему другу. Это просто еще одна точка зрения. И она в какой-то степени и положила начало литературному соперничеству. Трепетная почтительность по отношению к авторитетам — это не про Пушкина.

За два дня до выпускного акта выходит высочайшее указание: выплачивать окончившим Лицей жалованье до устройства их на вакантные должности.

Тем, кто удостоен девятого класса, то есть титулярным советникам — из расчета 800 рублей в год. Коллежским же секретарям — Пушкину в том числе — 700 рублей в год.

Девятого июня во время торжественной церемонии в Лицее Александр I лично вручает выпускникам медали и похвальные листы и произносит отеческое наставление. Лицейсты хором исполняют «Прощальную песню», написанную Дельвигом. Директор просил сочинить Пушкина, но тот уклонился. Он читает на выпускном акте свое стихотворение «Безверие».

На следующий день Пушкин и шесть его товарищей определяются на службу в Коллегию иностранных дел. 11 июня Александр выезжает из Царского Села в Петербург. Живет вместе с родителями и сестрой в доме на Фонтанке у Калинкина моста (ныне № 185). У него тесная комната окнами во двор — «мой угол тесный и простой», как будет сказано в одном его стихотворном послании («Я ускользнул от Эскулапа...», 1819).

Служебная присяга принесена, но Пушкин не слишком усердствует в коллегии. Уже в начале июля он берет отпуск: надо ехать в Псковскую губернию для приведения в порядок домашних дел. Александр отправляется в село Михайловское — вместе с родителями, сестрой и братом. Семь лет спустя он напишет по этому поводу: «Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и донныне люблю шум и толпу...»

Позже в первой главе «Евгения Онегина», однако, он припишет такое настроение герою, а себя представит любителем сельской тишины:

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...

Есть ли в этом противоречие? Не совсем. Просто Пушкин может быть разным.

Неподалеку от Михайловского находится Петровское, усадьба Петра Абрамовича Ганнибала — одного из сыновей «арапа Петра Великого», дяди

Надежды Осиповны. Пушкин навещает Петра Абрамовича, о чем также потом вспомнит в Михайловском в ноябре 1824 года: «...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... Кушанья поставили...»

Примерно в это же время Пушкин навещает соседнее село Тригорское и знакомится с семейством Прасковьи Осиповой. Тригорское станет для него почти родным домом, где он найдет ту теплую семейную атмосферу, которой ему не хватало прежде. Да еще и стихию веселья, легкого непринужденного флирта.

Самой Прасковье Александровне 35 лет. Она была замужем за отставным коллежским асессором Николаем Ивановичем Вульфом. Четыре года назад овдовела, оставшись с тремя сыновьями (старшему, Алексею, пока одиннадцать; когда подрастет и поступит в Дерптский университет, станет Пушкину приятелем) и двумя дочерьми. Старшая из них — Анна Вульф, ровесница Пушкина, будет всерьез увлечена соседом-поэтом, в конце концов семейного счастья она так и не обретет. Младшая — Евпраксия, «Зизи» — под этим домашним именем она попадет в пятую главу «Евгения Онегина», ей же будет адресовано бессмертное восьмистишие «Если жизнь тебя обманет...». Она тоже будет увлечена Пушкиным, но без драматических последствий. Словно следуя стихотворному пожеланию, в 22-летнем возрасте Евпраксия выйдет замуж и будет именоваться баронессой Вревской.

Прасковья Александровна стала Осиповой, вступив в брак с отставным статским советником, слу-

жившим по почтовому ведомству. В ее доме воспитывается падчерица Саша Осипова, а до следующего приезда Пушкина в Михайловское и Тригорское многолетняя соседка успеет родить еще двух дочерей — Марию и Екатерину. Обе будут в 1837 году вместе с матерью провожать поэта в последний путь.

В 1824 году Пушкин познакомится с еще одной представительницей осиповского клана, тоже Анной Вульф, по отчеству Ивановной, племянницей Прасковьи Александровны. В стихах и письмах Пушкина она фигурирует как Netty. Без ее упоминания не обойтись, поскольку в знаменитый «Донжуанский список», составленный Пушкиным в 1829 году, войдут целых четыре имени из вышеупомянутых. Это «Евпраксея», две Анны (обе Вульф, одна — Николаевна, другая — Ивановна) и Александра (Осипова, впоследствии Беклешова). Все оставили след в душе поэта, при том что отношения с ними были, конечно, платонические. Это важно подчеркнуть, поскольку в наше время выражение «донжуанский список» порой понимают как перечень мужских сексуальных побед. Этому отдал дань даже Иосиф Бродский, бравировавший тем, что вдвое превзошел пушкинский результат. Однако Пушкин не включал в свой список тех многочисленных «прелестниц», с которыми у него были сугубо телесные контакты.

До отъезда Пушкин успевает еще во время танцев на вечере (в Михайловском или Петровском) проявить внимание к некоей девице Лошаковой и даже поссориться из-за нее со своим дядей Семёном Исааковичем Ганнибалом. Чуть до дуэли дело не доходит.

Семнадцатого августа Пушкин пишет стихотворение «Простите, верные дубравы!..», в конце которого сказано:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

В следующий раз он посетит Тригорское через семь лет и ситуация будет совершенно иной.

ХII

По возвращении в Петербург Пушкин пылко отдается всем впечатлениям бытия.

Наконец он встречается с товарищами по «Арзамасу» — литературному кружку, возникшему в октябре 1815 года и объединившему писателей-новаторов, споривших со староверами из «Беседы любителей русского слова» во главе с адмиралом Шишковым (тем самым, что предлагал галоши назвать «мокроступами»). «Арзамасское общество безвестных людей» — таково полное название литературной группы, которую основали шесть человек (Сергей Уваров, Дмитрий Блудов, Александр Тургенев, Василий Жуковский, Дмитрий Дашков и Степан Жихарев). В дальнейшем состав «Арзамаса» увеличится до двадцати одного человека.

«Шишковисты» серьезны и солидны. «Карамзинисты», собравшиеся в «Арзамасе», наоборот, веселятся. Шутейные заседания и в конце ужин, на который непременно подается гусь. Каждый вновь вступающий в «Арзамас» проходит шуточный ритуал посвящения (похожий на масонский) и получает кличку по названию или первому слову какой-ни-

будь баллады Жуковского. Сам Жуковский, секретарь общества, зовется Светланой, Батюшков — Ахиллом, Вяземский — Асмодеем, Александр Тургенев — Эоловой арфой. Дмитрий Дашков именуется «Чу!», а Василий Львович Пушкин получает имя Вот.

Его племянник с самого начала был проникнут «арзамасским» духом. Еще в декабре 1815 года он сочиняет изощренную эпиграмму на триумvirат лидеров «Беседы»:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Обществу осталось жить недолго, но Сверчок (такое имя заочно присвоено Пушкину) всё-таки успевает соединиться с литературными единомышленниками. Сохранится набросок стихотворной речи, которую он написал в канун единственного заседания, на котором ему довелось присутствовать*:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Другая компания собирается в доме Александра и Никиты Всеволожских на Екатерингофском проспекте. Это общество именуется «Зеленая лампа». Зеленый — цвет надежды. «Зеленой книгой», кстати,

* До недавнего времени вероятной датой этого события считалось 2 октября 1817 года, однако, согласно новейшим разысканиям О. А. Проскурина, официальное вступление Пушкина в «Арзамас» состоялось 7 апреля 1818 года, когда история сообщества практически завершилась.

называется устав Союза благоденствия, в 1818 году созданный будущими декабристами. Среди собирающихся под зеленой лампой — Антон Дельвиг, Федор Глинка, Сергей Трубецкой. Председательствует Яков Толстой, участник войны 1812 года, любитель искусств. Дискуссии обычно завершаются ужином. За столом среди прочих — юный калмык. На отпущенное кем-нибудь «пошлое красное словцо» он неизменно реагирует скептической улыбкой. Решено сделать его своего рода цензором. Услышав грубое слово, он должен подойти к тому, кто его произнес, и сказать: «Здравия желаю!»

Как напишет потом Яков Толстой: «Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому обычаю “здравия”. Он говорил: “Калмык меня балует, Азия претежирует Африку”». Сам же Пушкин вскоре обратится к Я. Толстому со стихотворным посланием («Горишь ли ты, лампада наша...»), которое закончит словами:

Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

В деятельности «Зеленой лампы» гармонично совмещаются вольнодумные политические разговоры, чтение стихов, споры о театральных новинках и субботние встречи с «прелестницами».

ХIII

Стихия чувственного наслаждения всё более властно захватывает юного Пушкина. Старшие его друзья этим озабочены. В сентябре 1818 года Александр Тургенев пишет Вяземскому в Варшаву: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б...,

мне и княгине Голицыной, а ввечеру играет в банк». В июне 1819 года тот же автор тому же адресату: «Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной б..., которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своею болезнью».

Иногда нравственные опекуны поэта даже радуются, когда злая горячка сводит его в постель: авось продолжит писание «Руслана и Людмилы». Но летом 1819 года все тревожатся не на шутку. И радуются, когда опасность миновала. «Пушкин спасен музами», — пишет Карамзин Дмитриеву в Москву, а тот за обедом у Василия Львовича празднует с дядей выздоровление племянника.

Пушкин в шуточных посланиях оправдывает свою «леность», отдавая любовным утехам решительное предпочтение перед литературными трудами:

Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

Так заканчивается стихотворение «Тургеневу» 1817 года. Частая тема в дружеских посланиях и экспромтах — воспоминание о разгульной жизни. «Заздравный кубок и бордель» воспеваются в послании к улану Федору Юрьеву, товарищу по «Зеленой лампе». Петру Каверину (тому самому, которого Пушкин обессмертит упоминанием в первой главе «Евгения Онегина») адресуется в мае 1819 года стихотворное воспоминание об одном «веселом вечере»:

Мы пили — и Венера с нами
Сидела прей за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б<...>ыми, вином и чубуками?

Ну, это стихи шуточные, а вполне серьезное оправдание эпикурейства звучит в стансах, адресованных Якову Толстому. Пушкину сейчас не по пути с нравственными стойками и аскетами, он за «легкокрылую любовь и легкокрылое похмелье». Молодости созвучна гедонистическая, «наслажденческая» философия:

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

И самое, быть может, главное здесь — абсолютная естественность автора. Разгулу он предается не из подражания, не из амбиции, а по внутреннему побуждению. «Разврат, бывало, хладнокровный, наукой славился любовной», — будет сказано потом в «Евгении Онегине». Пушкину хладнокровие отнюдь не свойственно. Его кровь горяча, и эта страстность располагает к нему женщин:

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

«Потомок негров безобразный», — дерзко аттестует он себя в том же стихотворении, а еще более дерзкая строка — «Любви не ведая страданий».

Есть такая жизненная стихия, как упоение телесной близостью вне любви, чувственное наслаждение без сердечной привязанности (в современном языке этому соответствует выражение «заниматься сексом»), и Пушкин проходит испытание этим соблазном.

Страсть без любви — есть в жизни такая краска, и художнику, рисующему жизнь, собственный опыт может пригодиться. А подлинными любовными страданиями Пушкин обделен не будет.

XIV

И политическое вольнодумство для Пушкина — тоже страсть.

Он часто бывает у братьев Александра и Николая Тургеневых в их доме на набережной Фонтанки. Друзья Николая — завзятые либералы, ведут смелые разговоры.

Из окна — вид на пустующий Михайловский замок, где император Павел был задушен заговорщиками. И вот кто-то предлагает Пушкину сложить стихи на эту тему. Поэт удаляется в комнату Николая, и вскоре ода наполовину готова. А наутро он приносит хозяину полный текст. Ода, названная по примеру Радищева «Вольность», будет распространяться в рукописных копиях (этот способ в XX веке назовут «самиздатом») и принесет автору опасную известность*. А напечатает ее в 1856 году Герцен в альманахе «Полярная звезда» — в Лондоне (то есть, говоря языком позднейшего времени, в «тамиздате»).

«Вольность», в цензурном отношении «непроходимая», всё-таки прямых революционных призывов не содержит. Идеал здесь — сочетание Свободы и Закона, которому должны подчиняться и народы, и цари. Более решительно звучит написанное в 1818 году послание «К Чедаеву» («К Чаадаеву») с дерзким финалом:

...Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

* По общепринятому мнению, «Вольность» написана в ноябре или декабре 1817 года. По другой версии — в 1819 году.

В том же 1818 году Пушкин откликается на возвращение Александра I из европейской поездки крамольным «ноэлем» («Noël» — «рождественская песенка»), где уже первые строки — явная крамола:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот...

«Деспот» (с ударением на втором слоге) — явный вызов. А все конституционные обещания царя названы «сказками».

Тем не менее в 1819 году пишется «Деревня», где на императора возлагается надежда как на возможного освободителя крестьян:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Александр I эти стихи доставляет князь Васильчиков, у которого Чаадаев служит адъютантом. Прочитав, царь говорит: «Поблагодарите Пушкина за благородные чувства, вдохновляющие его стихи» (по другой версии: «за добрые чувства, которые пробуждают его стихи»).

Какой-либо стройной политической программы у Пушкина пока нет. Зато — темперамент. После Лицея до 1820 года он почти не пишет любовных стихов — кроме разве что двух лирических миниатюр, адресованных условной Дориде и не имеющих ничего общего с реальными утехами автора.

А гражданские эмоции поэта так же искренни и неподдельны, как и его эротические приключения. Это чувствуют его друзья и даже шутят на сей счет, приравнивая политические «грехи» к амурным.

Александр Тургенев пишет Вяземскому в августе 1819 года, что не надо судить Пушкина «за его “Оду на свободу” и за две болезни не русского имени».

XV

Страстность и непредсказуемость пушкинской природы особенно отчетливо выражаются в его склонности к сочинению эпиграмм и к дуэлям («У г. Пушкина всякий день дуэли; слава Богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы», — пишет в марте 1820 года Е. А. Карамзина Вяземскому).

Это не случайно: удачная эпиграмма поражает соперника как выстрел. А иногда и служит поводом к поединку.

Как-то Жуковский объяснял друзьям, почему его не было на одном званом вечере. Что-то про расстройство желудка, про слугу Якова и про неожиданный приход Кюхельбекера. В общем, сущие пустяки. А у Пушкина всё это соединилось в четверостишие:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Услышав эту дружескую шутку, Кюхельбекер вызывает Пушкина на дуэль. Стреляет первым и промахивается. Пушкин от выстрела отказывается, дело заканчивается примирением.

Иное дело — с эпиграммами на «больших людей». На острый язык Пушкину попадает, например, граф Аракчеев с его девизом на гербе «Без лест-ти предан» и свирепой фавориткой Настасьей Минкиной — особой с сомнительным прошлым (в 1825 году будет убита крестьянами графа):

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести*
Б<...>и грошевой солдат.

За такое на дуэль не вызовут, но управа на остроумца найдется.

В ноябре Пушкин в компании друзей наведывается к петербургской гадалке — немке по фамилии Кирхгоф. Она предсказывает ему перемену службы, два изгнания и смерть «от белого человека». Поэту не чужда склонность к приметам и суевериям, и пророчество это ему запомнится.

Его влечет опасность. Услышав о революции в Испании, он мечтает об участии в рискованных делах:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых дней поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы
И смерти мысль мила душе моей.

Забавы уже не ограничиваются дуэльными вызовами. Пушкин коротко сходитя с поручиком лейб-гвардейского полка Павлом Нащокиным и его друзьями. В загородном ресторане «Красный кабачок» они затевают драку с немцами, о которой много лет спустя Пушкин не без гордости вспомнит в письме жене.

Тот же азарт ведет Пушкина на собрания членов Союза благоденствия. Они собираются у Ильи

Долгорукова — «у осторожного Ильи», как потом будет рассказано в десятой главе «Онегина».

Пушкин читает свои «ноэли» (кроме одного, они не сохранились), имеет неизменный успех. Для него важны не столько идейные связи, сколько человеческие. По душе ему приходится Михаил Лунин — «друг Марса, Вакха и Венеры» (то есть человек отважный и не чуждый питейно-любовных утех). Когда Лунин надолго уезжает из Петербурга, Пушкин берет себе на память прядь его волос.

XVI

Меж тем двадцатилетний поэт уже подумывает об издании сборника стихотворений. Собирает лицейские и послелицейские вещи вместе, отдает переписчику. Тетрадь готова. Книгу можно издать по подписке. Печатаются билеты для подписчиков, штук тридцать-сорок Пушкин раздает знакомым.

Но тут он проигрывает Никите Всеволожскому в карты крупную сумму. И отдает тетрадь со стихами отчасти в погашение долга, отчасти как товар, подлежащий изданию и реализации. «Полу-продал, полу-проиграл» — так потом назовет Пушкин эту сделку. Партнер, однако, с изданием не поспешит, и рукописи (пушкинисты станут называть ее «тетрадь Всеволожского») предстоят еще долгие приключения.

А в ночь на 26 марта закончена шестая песнь поэмы «Руслан и Людмила». Автор читает ее Жуковскому, после чего тот дарит ему свой портрет (рисунок Е. Эстерейха) с исторической надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в

тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница».

Учителю 37 лет, ученику скоро исполнится 21.

Комплиментарная надпись не исключает претензий, которые у Жуковского к этой поэме еще будут. Но передача творческой эстафеты состоялась. И этот факт не менее значим, чем ставшее поговоркой «старик Державин нас заметил».

Через четыре с лишним года, по прочтении первой главы «Онегина», Жуковский в письме Пушкину подтвердит свою высокую аттестацию: «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе». При этом он, правда, призовет младшего друга с «высокостью гения» соединить «высокость цели», но высший оценочный балл останется неоспоримым.

В середине апреля 1820 года «Руслан и Людмила» пускается в плавание по журнальным страницам. В «Сыне отечества» публикуется отрывок из третьей песни поэмы, в «Невском зрителе» — ее краткое изложение и фрагмент первой песни. О поэме говорят, ее упоминают в письмах. «Как только смогу, я Вам пришлю экземпляр. Вы будете иметь удовольствие заставлять эхо Швейцарии повторять звуки Вашей родины», — пишет из России одна дама своей приятельнице, матери дипломата.

Петр Каверин переписывает в свою тетрадь пародийные (точнее сказать, «пародические») стихи неизвестного автора:

Не за Людмилою Руслан
С душою едет беспокойной;
Нет, ночью с бала по Мильонной
Гвардейский едет капитан...

Такое шутливое переименование — верный признак успеха литературной новинки, ее вхождения в «классику».

«По литературе» Пушкин — отличник. Но не по поведению. Его неопубликованными стихами уже интересуются «наверху», а он подливает масла в огонь демонстративными жестами. В апреле 1820 года из Парижа приходит известие об убийстве герцога Беррийского (сына наследника французского престола) пролетарием Лувелем. Убийца казнен. Пушкин является в театр с литографированным портретом Лувеля, написав на нем: «Урок царям». Ходит меж рядами, демонстрируя свою прокламацию.

XVII

Рок отвечает на вызовы, брошенные ему Пушкиным.

В начале апреля министр внутренних дел Виктор Павлович Кочубей получает письмо от Василия Назаровича Каразина (человека очень путаного, просветителя и мракобеса одновременно; за критику существующего общественного строя он вскоре угодит в Шлиссельбургскую крепость, а после освобождения будет выслан из столицы). В нем говорится, что государь воспитывает недоброжелателей себе и отечеству «в самом лицее Царскосельском». Имя Пушкина здесь на первом плане как нарицательный символ вольнодумства: «...Из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин». Это будет иметь самые серьезные последствия. А между делом автор письма упоминает сплетню, которая долго будет преследовать самого знаменитого из лицеистов: «Говорят, что один из них, Пушкин,

по высочайшему повелению секретно наказан». Молва о том, что Пушкина высекли в тайной полиции, доставит немало мук его самолюбию.

Кочубей докладывает о доносе Каразина Александру I. Того задевают эпиграммы. «Холоп венчанного солдата...» То ли за «холопа» Аракчеева царь обижен, то ли за то, что сам он разжалован стихотворцем в «солдаты».

Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович приказывает своим подчиненным добыть злополучные тексты: оду «Вольность», эпиграммы, «песни». В дом Пушкина в его отсутствие наведывается сыщик, пытается подкупить слугу Никиту 50 рублями, чтобы тот дал почитать сочинения барина. Верный слуга отказывается, а барин по возвращении сжигает рукописи.

Уже на следующий день Пушкина вызывают к генерал-губернатору. По дороге к Невскому проспекту он проходит Театральную площадь, где живет поэт Федор Глинка, с которым они дружны по «Зеленой лампе» и не только. Глинка служит адъютантом у Милорадовича.

Встретились.

— Я к вам! — говорит ему Пушкин.

— А я от себя! — отвечает Глинка.

Пушкин излагает свою историю. С Милорадовичем он знаком только «по публике», но не лично. Как быть?

— Положитесь безусловно на благородство его души, — советует Глинка.

Так Пушкин и поступает. На вопрос Милорадовича о крамольных стихах отвечает, что сжег их, но все они найдутся «здесь» (при этом показывает на

свой лоб). Ему подают бумагу, и он исписывает стихами целую тетрадь. Тут всё им сочиненное, кроме напечатанного. Или почти всё: эпиграммы на Аракчеева, по всей видимости, там нет. Для потомков эта тетрадь не сохранится.

«Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения», — признается Милорадович своему адъютанту через несколько часов после встречи. На следующий день он доставляет тетрадь императору со словами: «Вам, государь, лучше этого не читать». Александр отвечает улыбкой, затем выслушивает рассказ генерал-губернатора. Узнав, что Милорадович от его имени объявил поэту прощение, спрашивает: «Не рано ли?» Но дело сделано, и теперь император решает отправить Пушкина служить на юг — «с соответствующим чином и соблюдением возможной благородности».

Суровее высказывается он в разговоре с директором Лицея Энгельгардтом: «Пушкина надо сослать в Сибирь, он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный поступок его с Милорадовичем. Но это не исправляет дело».

Слова о Сибири оказываются лишь угрозой. У Пушкина находится немало защитников. Хлопочет Жуковский. Чаадаев, едва услышав о случившемся, бросается к Карамзину. Тот не одобряет пушкинских стихов, написанных «под знаменем либералистов», однако же соглашается замолвить за него слово перед государем. Перед тем он получает от Пушкина обещание уняться на время и «два года ничего не писать противу правительства» (слова Пушкина из письма Жуковскому 1825 года).

Граф Иван Антонович Каподистрия, статс-секретарь Коллегии иностранных дел, принимает душевное участие в своем подчиненном Пушкине. Добивается его отправки в Екатеринослав, к генерал-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову. Генералу предложена новая должность — полномочного наместника Бессарабской области. Депешу об этом назначении и повезет Пушкин. На дорожные расходы ему выписана тысяча рублей. Едет он в сопровождении Никиты Козлова. До Царского Села его провожают Антон Дельвиг и Павел Яковлев (брат лицеиста).

Дорога занимает дней десять или одиннадцать. За это время в Царском Селе приключается пожар, сгорает здание Лицея. Жуковский сдает «Руслана и Людмилу» в Цензурный комитет, получает разрешение и передает тысячу рублей гонорара Сергею Львовичу — с тем, чтобы тот отправил их сыну.

XVIII

Генерал Инзов заранее расположен к Пушкину и через несколько дней пишет Каподистрии, что видит в юном поэте не «испорченность сердца», но чрезмерную «пылкость ума». Он собирается опекать и «держат его более на глазах», но тут происходит непредвиденное. Выкупавшись в Днепре, Пушкин заболевает лихорадкой. В горячке встречает свой двадцать первый день рождения.

Вечером к нему навещают отца и сына Раевские, следующие из Киева на Кавказ. Старший Николай Николаевич — знаменитый генерал и герой 1812 года. Младший Николай Николаевич, как и его брат Александр, были с отцом на театре

военных действий и, по преданию, приняли участие в бою под Дашковкой («Певец во стане русских воинов» Жуковского содержит о том упоминание).

С Николаем Пушкин дружен с лицейских времен, а в киевском доме Раевских совсем недавно останавливался по пути. Еще здесь две дочери генерала — Мария и Софья. Сопровождает семейство доктор Рудыковский, который имени Пушкина пока не слышал и лечит его «как самого простого смертного».

Раевский-сын предлагает Пушкину присоединиться к ним и ехать к Кавказским Водам. Инзов благословляет. В путь! Раевские и их свита разместились в двух каретах и коляске. Пушкин сначала садится с Николаем в коляску, но, когда его начинает трясти лихорадка, пересаживается в карету.

Первая встреча с морем неподалеку от Таганрога. Юная Мария Волконская бежит по берегу, играя с набегающими волнами. Пушкин ею любит. Эпизод этот будет запечатлен в «Евгении Онегине»: «Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами!»

В Таганроге Пушкин с Н. Н. Раевским ночуют в резиденции на Греческой улице — пять лет спустя здесь простится с жизнью император Александр. Дальше их путь лежит через Ростов к Новочеркаску. На обеде у атамана Денисова Пушкин не удерживается от своего любимого бланманже, что приводит к новому приступу лихорадки. Она отпустит его только по прибытии в Горячие Воды.

Генерала Раевского, бывает, встречают в городах с большим почетом, с хлебом-солью. Во время одной из таких церемоний триумфатор подшучивает над Пушкиным:

— Прочти-ка им свою оду. Что они в ней поймут?
Да, «Вольность» в патриархальной провинции
едва ли имеет шанс на успех.

Кавказ. Два месяца новой жизни. Что здесь особенно нравится Пушкину?

Воды. Теплые кисло-серные, железные, кислые, холодные. «Чрезвычайно помогли», как сообщает он в письме брату Льву.

Горы. Пятихолмный Бешту, Машук, Железная, Каменная, Змеиная.

Казачьи. «Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности!» — говорится в том же письме.

Раевского со свитой сопровождают 60 казаков, позади — заряженная пушка с зажженным фитилем. Это реальные меры безопасности. Известный генерал — желанная добыча для горцев, за него можно затребовать большой выкуп. «Тень опасности» возбуждает поэтическое воображение.

В конце июля или в начале августа 1820 года в Петербурге выходит первая книга Пушкина — «Руслан и Людмила». А незадолго до того он в духе слышит рассказ казака-ветерана о том, как горцы на аркане увели его за Кубань, как его спасла черкешенка, распилившая кандалы... Сюжет для новой поэмы. А к первой он дописывает эпилог, где говорит уже новым языком:

Забывтый светом и молвою,
Далече от берегов Невы
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.

Под прошлым подводится черта, автор как бы навсегда прощается с поэтическим вдохновением:

И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

Но не точка всё-таки в конце, а многоточие.

XIX

Из Пятигорска в начале августа (5-го или 6-го числа) Раевские и Пушкин отбывают по направлению к Крыму. 14-го приезжают в Тамань, а наутро отплывают морем в Керчь, куда прибывают вечером.

Пушкин видит развалины Митридатовой гробницы, а поодаль от Керчи — остатки древнего города Пантикапея. Наверное, под землей, насыпанной веками, что-то скрывается. Но сами по себе археологические объекты его не очень трогают. Через несколько лет он напишет Дельвигу: «Я видел следы улиц, полужаросший ров, старые кирпичи — и только». Пушкину не свойственны, говоря современным языком, туристская любознательность и абстрактное почтение к древностям. Его больше трогает то, что создано чьей-то фантазией, что пробуждает его собственное воображение. Как, например, те развалины, которые он увидит чуть позже около Георгиевского монастыря. По преданию, это храм Артемиды (Дианы). Пушкин, вспоминая о нем, напишет: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы, я думал стихами».

День и две ночи Раевские и Пушкин проводят в Феодосии (она в то время именуется Кефе), откуда

на военном бриге отплывают в Юрзуф (тогдашнее название Гурзуфа). На корабле Пушкин слагает элегию, впоследствии ставшую легендарной:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Гурзуф принадлежит герцогу де Ришелье, премьер-министру Франции, а в прошлом — градоначальнику Одессы. Раевские и Пушкин приезжают в двухэтажный дом, построенный герцогом для гостей. Там их встречают прибывшие ранее жена генерала Софья Алексеевна, дочери Екатерина и Елена.

О тех трех неделях Пушкин вскоре напишет брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского».

«Семейство». Это слово еще дважды повторится в том же послании, причем в пределах одного предложения: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море: друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся?»

Чувство семьи — вот что здесь главное. Недаром вслед за рассказом о Раевских автор письма тут же испытывает прилив родственной нежности к своему брату.

Генерал Раевский дорог Пушкину не только как военный герой, но и как «попечительный друг» и «ласковый хозяин». Сердечное к нему отношение

он готов перенести и на недоброго и демоничного Александра: «Старший сын его будет более нежели известен» (правда, это предсказание не сбудется). Как единое целое воспринимает Пушкин и четырех сестер Раевских: «Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная». Особо отмечена Екатерина (будущая Орлова), которая впоследствии попадет в «Донжуанский список»: она на два года старше Пушкина, и в ней он видит уже сформировавшуюся значительную личность. Но можно ли говорить о его истинно мужской влюбленности в какую-либо из сестер? Наверное, стоит всё-таки поверить словам Марии Николаевны (с 1825 года Волконской) в ее «Записках»: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел».

Чем еще останется в памяти Пушкина Гурзуф?

Виноград, которым он обедался. Шум моря, который он слушал «целые часы». Молодой кипарис в двух шагах от дома, к которому он «привязался чувством, похожим на дружество».

Пятого сентября Пушкин с отцом и сыном Раевскими отбывает из Гурзуфа. Едут на лошадях до Никитского сада, минуют Ялту — маленькую деревушку на морском берегу. Ночевка на татарском дворе, следующая — в Георгиевском монастыре. По дороге в Бахчисарай Пушкин заболевает лихорадкой. В письме Дельвигу он потом припомнит: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавленной железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат». Тем не менее импульс для сочинения поэмы о бахчисарайском фонтане получен. «Отчего так сильно во

мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?» — спрашивает Пушкин не только Дельвига. Письмо это — литературный факт, оно будет напечатано в «Северных цветах на 1826 год» под названием «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.».

XX

В Симферополе Пушкин расстается с Раевскими и отправляется в Одессу, где проводит несколько дней, а 21 сентября приезжает в Кишинев. Живет поначалу в заезжем доме, а с октября пользуется гостеприимством Ивана Никитича Инзова.

«Проклятый город Кишинев!» — напишет Пушкин три года спустя — уже из Одессы — в стихотворном послании к Филиппу Филипповичу Вигелю, своему давнему знакомцу еще с «арзамасских» времен. Послание шуточное: недаром в конце автор довольно фамильярно касается сексуальной ориентации адресата (который ее не скрывал и порой даже раздражал собеседников разговорами на нескромную тему): «Тебе служить я буду рад / Своей беседою шальною — / Стихами, прозою, душою, / Но, Вигель, — пощади мой зад!»

Да, в Кишиневе Пушкину было скучновато. Отсюда его повышенная дуэльная активность. Уже в конце октября он после дружеской пирушки с женой ссорится с почтмейстером Алексеевым и отставным полковником Федором Орловым: он мешает им играть в бильярд, а они за это обзывают его «школьником». Пушкин отвечает вызовом, но, к счастью, приглашенный им в секунданты под-

Александр Пушкин. Гравюра Е. И. Гейтмана. 1822 г.

Надежда Осиповна
Пушкина.
Миниатюра
К. де Местра.
1810 г.

Сергей Львович
Пушкин.
Художник
К. К. Гампельн.
1824 г.

Ольга, сестра поэта

Лев, брат поэта

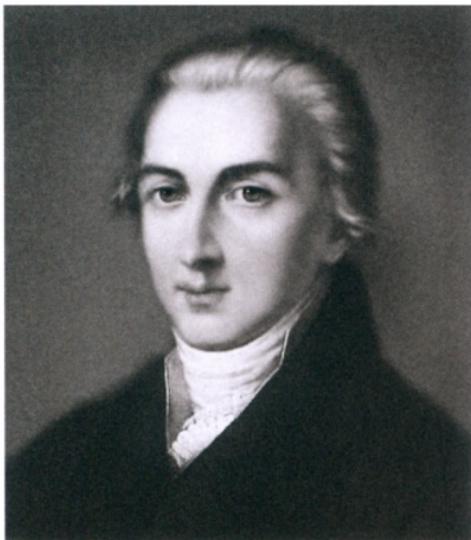

**Василий Львович
Пушкин**

**Егор Антонович
Энгельгардт,
директор Лицея
в 1816—1822 годах**

Василий Федорович
Малиновский,
первый директор
Царскосельского
лицея

Царскосельский
лицей.
Гравюра Ж. Мойера

Иван Пушкин.
Художник Ф. Верне.
1817 г.

Антон Дельвиг.
Рисунок П. Яковлева.
1818 г.

Петр Чаадаев

Вильгельм Кюхельбекер

**Николай
Карамзин**

**Василий
Жуковский**

Екатерина
Карамзина

Петр Вяземский

Александр I

Иван Никитич
Инзов

Бес с молодым
человеком
в борделе.
Рисунок Пушкина

Дом
на **Фонтанке**,
где Пушкин жил
в 1817—1820 годах

Николай Раевский-старший

Александр Раевский

Николай Раевский-
младший

Пушкин
в семье Раевских.
Художник Н. Горлов

Михаил Воронцов

Кабинет Пушкина
в Михайловском

Елизавета Воронцова

Пушин в гостях
у Пушкина
в Михайловском.
Художник Н. Ге

Александр Пушкин. Художник П. Соколов

полковник Иван Липранди уводит Пушкина в свой дом, а потом примиряет противников.

Самая интересная фигура в Кишиневе в это время — Михаил Федорович Орлов, генерал-майор, командир пехотной дивизии. Бывший «арзамасец», вольнодумец, активный участник тайного общества — Союза благоденствия. За него вскоре выйдет замуж одна из дочерей генерала Раевского — Екатерина.

В середине ноября 1820 года Инзов разрешает Пушкину поездку в Каменку — имение братьев Александра и Василия Давыдовых в Киевской губернии. Оба Давыдовы — сводные братья Николая Раевского-старшего. Александр — отставной генерал, Василий — отставной полковник, с 1821 года один из руководителей тайного Южного общества.

Александр Давыдов держится с Пушкиным несколько покровительственно, за что ему потом изрядно достанется от поэта. «И рогоносец величавый» — такой строкой припечатает он его в первой главе «Онегина». Достанется и супруге, Аглае Давыдовой, которая старше Пушкина на 12 лет. Затеяв с ней интрижку, он не удерживается от злой эпиграммы «Иной имел мою Аглаю...» с убийственным пуантом: «Скажи теперь, мой друг Аглая, / За что твой муж тебя имел?» Есть еще одна эпиграмма на Давыдову, крайне грубая.

У Давыдовых двенадцатилетняя дочь Адель, которой поэт посвящает знаменитый впоследствии мадригал: «Играй, Адель, / Не знай печали...» Для забавы Пушкин дразнит девочку, притворяется влюбленным в нее. Делает он это неловко, по мнению даже расположенных к нему очевидцев. Причина проста: страсти в поэте бушуют, но любить он еще не умеет. Вскоре, впрочем, научится — когда изведает любовное страдание.

В Каменке гостят Николай и Александр Раевские. Вскоре туда приезжают Михаил Орлов и Иван Якушкин. Тот самый, который будет упомянут в десятой главе «Онегина»:

Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

«Noël», к удовольствию автора, Якушкин цитирует наизусть. Да и прочие вольнодумные пушкинские стихи, по его словам, в армии знает всякий сколько-нибудь грамотный прапорщик. Однако посвящать поэта в тайны политического заговора он не спешит. Более того: собравшиеся в Каменке заговорщики устраивают розыгрыш. Затевают беседу о том, нужно ли в России тайное политическое общество. Якушкин делает вид, что такового нет. Пушкин с наивной страстностью доказывает, что тайное общество могло бы принести России большую пользу. Александр Раевский, также не посвященный в секретные дела, говорит о своей готовности вступить в тайное общество, если бы оно существовало. «В таком случае давайте руку», — отвечает ему Якушкин. А потом объявляет, что это шутка.

Пушкин чуть не плачет. Он уже видел высокую цель перед собой, а его разыграли как ребенка. «В эту минуту он был точно прекрасен», — вспомнит Якушкин 30 лет спустя.

XXI

Пребывая «далече от берегов Невы», Пушкин заочно участвует в столичной литературной жизни, и притом активно. «...Нового в литературе ничего у

нас нет, кроме поэмы Пушкина “Руслан и Людмила”, которую хвалят и хулят без милосердия», — пишет в сентябре поэт, издатель журнала «Благонамеренный» Александр Измайлов Павлу Яковлеву (тому самому, что вместе с Дельвигом провожал Пушкина в дальнее странствие).

Хвала и хула. Из них составляется литературная слава. Первое критическое нападение на Пушкина еще в июне предпринял в «Вестнике Европы» критик, подписавшийся «Житель Бутырской слободы» (А. Г. Глаголев). Прочитав отрывок из поэмы, он упрекает автора за «плоские шутки старины». Пушкинское остроумие и речевая раскованность еще полтора десятилетия будут выводить чинных критиков из себя.

По выходе книжного издания подробный разбор «Руслана и Людмилы» помещает в четырех номерах «Сына отечества» Александр Воейков — поэт (арзамасская кличка «Дымная печурка»), автор легендарного сочинения «Дом сумасшедших». Статья высокомерна, комплименты дарованию Пушкина сочетаются с категоричными поучениями и неосновательными мелочными придирками. В печатную полемику с Воейковым вступает Алексей Перовский (будущий прозаик, который под псевдонимом Антоний Погорельский опубликует знаменитую сказку «Черная курица, или Подземные жители»). А «живой классик» Иван Крылов прихлопнул занудство Воейкова эпиграммой, обыгрывая французское изречение «Критика легка, искусство трудно»:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Эта эпиграмма без подписи публикуется в сентябре в «Сыне отечества» — вслед за авторскими «прибавлениями» к поэме (отрывки из шестой песни и эпилог), вместе с такой же защитительной эпиграммой Дельвига. Это утешит Пушкина, о чем он напишет в декабре Гнедичу. В том же письме известит о том, что у него готова или почти готова новая поэма. Будущий «Кавказский пленник».

XXII

В конце января 1821 года Пушкин вместе с братьями Давыдовыми едет из Каменки в Киев в гости к Николаю Раевскому-старшему. 2 февраля знакомится с Каролиной Собаньской — женой одесского богача, оставившей мужа и сожительствующей с графом Иваном Виттом, генералом, начальником военных поселений. Витт — интриган, шпион по призванию, втершийся в доверие к вожакам тайного общества. Собаньская тоже авантюристка (кстати, родная сестра Эвелины Ганской, которая станет женой Бальзака). Пушкину эта роковая женщина будет интересна, ее хищный облик отразится в героине «Бориса Годунова» Марине Мнишек.

Поэму «Кавказский пленник», посвященную Николаю Раевскому-младшему, Пушкин заканчивает 3 февраля.

В начале марта Пушкин вновь приезжает в Кишинев. Сильное впечатление на него производят события в Греции. Александр Ипсиланти, с которым Пушкин был хорошо знаком, генерал русской армии, потерявший руку в сражении под Дрезденом в 1813 году, перешел с кавалерийским отрядом границу России, чтобы возглавить восстание своих соплеменников-греков против турецкого владыче-

ства. «На берегах Дуная бунтует наш безрукий князь», — пишет Пушкин в стихотворном послании к Василию Давыдову. (О самом Пушкине в Москве пойдут слухи: дескать, убежал на помощь восставшим грекам.) И хотя он увидит потом в действиях Ипсиланти и излишнюю жестокость, и нерешительность, всё-таки эта фигура надолго сохранит для него героический ореол. Девять лет спустя Пушкин напишет повесть «Выстрел», главный герой которой так закончит свои дни: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».

Девятого апреля Пушкин записывает в дневнике: «Утро провел я с Пестелем, умный человек во всём смысле этого слова. <...> Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» Политический разговор, однако, не коснулся Южного общества, созданного подполковником Пестелем в марте — взамен распущенного в январе Союза благоденствия. Об этом Пушкин узнает после, как и о том, что Пестель, как потом он отметит в дневнике 1833 года, «предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма». Александр Ипсиланти рассчитывал на поддержку русской армии, но по результатам донесения Пестеля таковая оказана не была.

А на следующий день, согласно воспоминаниям Ивана Липранди, происходит комический эпизод: «Попугая в стоявшей клетке на балконе Инзова Пушкин выучил одному бранному молдаванскому слову. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вышел на балкон, за

ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Дмитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал Пушкину: “Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок”. Тем всё и кончилось».

Жизненные силы бушуют в молодом Пушкине. Его влечет стихия тайных обществ и заговоров. Естественно, что 4 мая он «принят в масоны», согласно его дневнику. Во главе ложи «Овидий» генерал-майор Павел Пущин, в составе ложи и сам Иван Инзов. С римским поэтом Овидием, некогда сосланным императором Октавианом Августом на берег Черного моря у устья Дуная, изгнанник Пушкин часто себя сравнивает в стихах. Так, послание «Чаадаеву», написанное в апреле 1821 года, начинается словами:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.

А некоторое время спустя Пушкин напишет послание «К Овидию». Что же касается названной в честь римского классика ложи, то она проживет недолго — до ноября, а в 1822 году Александр I вообще запретит в России масонскую деятельность.

XXIII

В начале июня у Пушкина приключается ссора с живущим в Кишиневе бывшим французским офицером Дегильи. Тот уклоняется от дуэли на саблях. Разыгрывает слезную сцену, составляет на глазах у

жены завещание и пр. Дело замято. Пушкин раздосадован самим фактом срыва поединка. Он пишет несостоявшемуся противнику гневное послание, заканчивая его словами: «Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли».

Фраза, как будто адресованная многим будущим обидчикам.

С осени 1820 года Пушкин часто бывает в доме бессарабского помещика Захара Ралли. Танцует с его дочерью Мариолой. Дружит с одним из трех его сыновей — Иваном. А летом 1821 года Иван приглашает его в свое имение Долну. Они навещают-ся в цыганский табор, это крепостные Ралли.

У их старосты (по-цыгански «булибашу») есть дочь Земфира. Она одевается по-мужски, курит трубку. Пушкин живет с ней в одном шатре. Земфира вдруг убегает из табора, Пушкин безуспешно пытается ее искать.

Через два года он получит известие о том, что Земфиру зарезал ее возлюбленный. А в 1824 году напишет поэму «Цыганы», где в эпилоге вспомнит:

...Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.

Одно из значимых в пушкинской политической биографии событий 1821 года — знакомство с майо-

ром Владимиром Федосеевичем Раевским, участником войны 1812 года, членом Южного общества и масоном той же логи, что и Пушкин. По поручению Михаила Орлова майор обучает юнкеров и солдат и в свою просветительскую миссию вкладывает немалую долю вольнодумства. Сам он — стихотворец старомодного склада: Пушкин ему кажется чересчур радикальным поэтом. Эстетические разногласия, однако, не препятствуют человеческой близости.

Над Владимиром Раевским скоро сгустятся тучи. 5 февраля 1822 года Пушкин услышит в доме Инзова разговор хозяина с генерал-лейтенантом Сабанеевым о грозящей другу расправе. Инзову защитить майора не удастся, а Пушкин спешит предупредить Раевского. Того на следующий день арестовывают. Он будет сослан в Иркутскую губернию и войдет в историю как «первый декабрист» задолго до декабристского восстания.

XXIV

Пятого ноября в Кишиневе происходит землетрясение, второе за год. Дом Инзова поврежден, хозяин из него выезжает, а Пушкин остается там жить еще несколько месяцев. Из столицы у Инзова требуют объяснения насчет масонских лож и, в частности, по поводу Пушкина. Губернатор уверяет, что Пушкин «ведет себя изрядно». И даже после некоторых колебаний отпускает его в декабре в десятидневную поездку в Аккерман и Измаил с подполковником Иваном Липранди.

Для Пушкина это прежде всего возможность оказаться поближе к Овидиевым местам, он жалеет, что не захватил с собой томик римского поэта. Сти-

хи так и льются: попугчик то и дело видит Пушкина пишущим на «лоскутках» бумаги. Погруженность в творческие думы не мешает поэту живо реагировать на бытовые подробности. Перед возвращением в Кишинев Пушкин с Липранди обедают в городе Леово в доме командира казачьего полка. Икра, балык, до которого Пушкин большой охотник, прекрасное донское вино. По выезде из города Пушкин начинает неистово хохотать. Что такое? Оказывается, суп на обеде был из куропаток с картофелем, а жаркое из курицы. «Я люблю казаков за то, что они своеобразничают и не придерживаются во вкусе общепринятых правил, — говорит Пушкин, смеясь. — У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!» «Своеобразничать» — это по-пушкински.

XXV

Начало 1822 года отмечено обилием дуэлей.

Пятого января в клубе под названием «Казино» у Пушкина приключается стычка с молоденьким офицером. Пушкин велит музыкантам играть мазурку, а офицер — кадрили. За офицера вступается его командир, подполковник Семен Никитич Старов. Требуя извинений от Пушкина, а тот: будем стреляться.

Наутро выезжают с секундантами за город. Метель. Оба противника дважды промахиваются. Поединок откладывается. Пушкин, зайдя к приятелю Алексею Полторацкому, оставляет записку: «Я жив. / Старов / здоров. / Дуэль не кончена». Звучит шутиливо.

Через два дня Полторацкий вместе с пушкинским секундантом Николаем Алексеевым в ресто-

ране Николетти примиряют противников. А еще через два дня Пушкин в том же ресторане уже грозит дуэлью двум юнцам, обсуждающим инцидент и нелестно отзывающимся о Старове.

(Старов проживет долгую жизнь, дослужится до генерала и в семидесятилетнем возрасте будет благодарить судьбу, которая уберегла его от страшной участи оказаться убийцей великого поэта.)

Проходит немного времени, и за обедом у Инзова Пушкин сцепляется с престарелым статским советником Лановым. Тот обзывает поэта «молокососом», в ответ получает прозвище «винососа». Инзов решительно гасит вспышку, и Пушкину остается ограничиться эпиграмматической рифмой «Ланов» — «болван болванов».

Продолжительная ли неволя тому причиной или избыток жизненных сил, не находящих достойного применения? Так или иначе, поведение Пушкина с житейской точки зрения неадекватно, что отмечают и те, кто с ним в конфликты не вступал. После одного из обедов у Инзова князь Павел Долгоруков, нормальный здравомыслящий чиновник, записывает в дневнике: «Он перестал писать стихи, но этого мало. <...> Вместо того, чтобы прийти в себя и восчувствовать, сколь мало правила, им принятые, терпимы быть могут в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку».

Но Долгоруков ошибается в одном: стихов Пушкин писать не перестал (в работе «Бахчисарай-

ский фонтан»). Это занятие будет всё больше поглощать его, уводя от бесполезных споров с недалекими ретроградами.

А пока — новый скандал в начале марта. На вечеринке в доме знатной молдаванки Смранды Богдан Пушкин повздорил с ее дочерью Марией, с которой давно вел «свободные речи». Возможно, она сказала ему что-то обидное потому, что он вызвал в ней ревность вниманием к другой даме, а также ухаживал за юной дочерью Марии. Пушкин не находит ничего лучшего, как искать управу на обидчицу у ее мужа — Тодора Балаша (лица влиятельного: вскоре он станет гетманом Молдавии). Тот отвечает крайне грубо. Павел Пущин увозит Пушкина подальше от греха, но через два дня участникам конфликта приходится объясняться, и Пушкин оскорбляет Балаша действием. Дело заходит так далеко, что Инзов сажает Пушкина под домашний арест. Даже часового у дверей ставит, но разрешает по саду гулять и принимать посетителей. Пушкин сочиняет веселые стихи:

Мой друг, уже три дня
Сию я под арестом,
И не видался я
Давно с моим Орестом...

Под «Орестом», вероятно, имеется в виду верный друг Николай Алексеев.

А для более широкого читательского круга слагается стихотворение, которое переживет века и будет известно каждому носителю русского языка: «Сию за решеткой в темнице сырой...». Успевает Пушкин в неволе сочинить также непристойную сказку «Царь Никита и сорок его дочерей».

На Страстной неделе Пушкин говеет, то есть постится, готовится к причащению. 28 марта прихо-

дит в церковь на заутреню, после чего Инзов объявляет об окончании трехнедельного ареста. По выражению Долгорукова, «он, как птичка из клетки, порхнул из генеральского кабинета на улицу искать прежних рассеяний и удовольствия в кругу своих приятелей...».

Пушкин ходит по городу с тяжелой железной палкой — тренирует твердость руки. Фехтует на рапирах с прапорщиком Лугининым. Готовится к новым баталиям.

XXVI

Седьмого мая 1823 года государевым рескриптом наместником Бессарабии (и одновременно генерал-губернатором в Одессе) назначается генерал-адъютант Михаил Семенович Воронцов — вместо Ивана Никитича Инзова. Александр Тургенев пишет по этому поводу Вяземскому: «Граф Воронцов сделан Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и бес арабский?»

Отойдет. «Бес арабский» вызовет у графа сильное раздражение и пробудит в его душе самые недобрые чувства. А начинается всё по-хорошему. Пока Пушкин набрасывает первые строфы «Евгения Онегина», Вяземский и Тургенев в столице хлопочут о его переводе из Кишинева в Одессу. Воронцову о поэте рассказано, на прощальном вечере перед отъездом новоиспеченного губернатора на юг должна быть исполнена кантата Верстовского «Черная шаль», сочиненная на пушкинские стихи.

В Одессу Пушкин отправляется в начале июля на морские ванны. Завязывает там множество знакомств. Обедает в ресторане Отона с шампанским

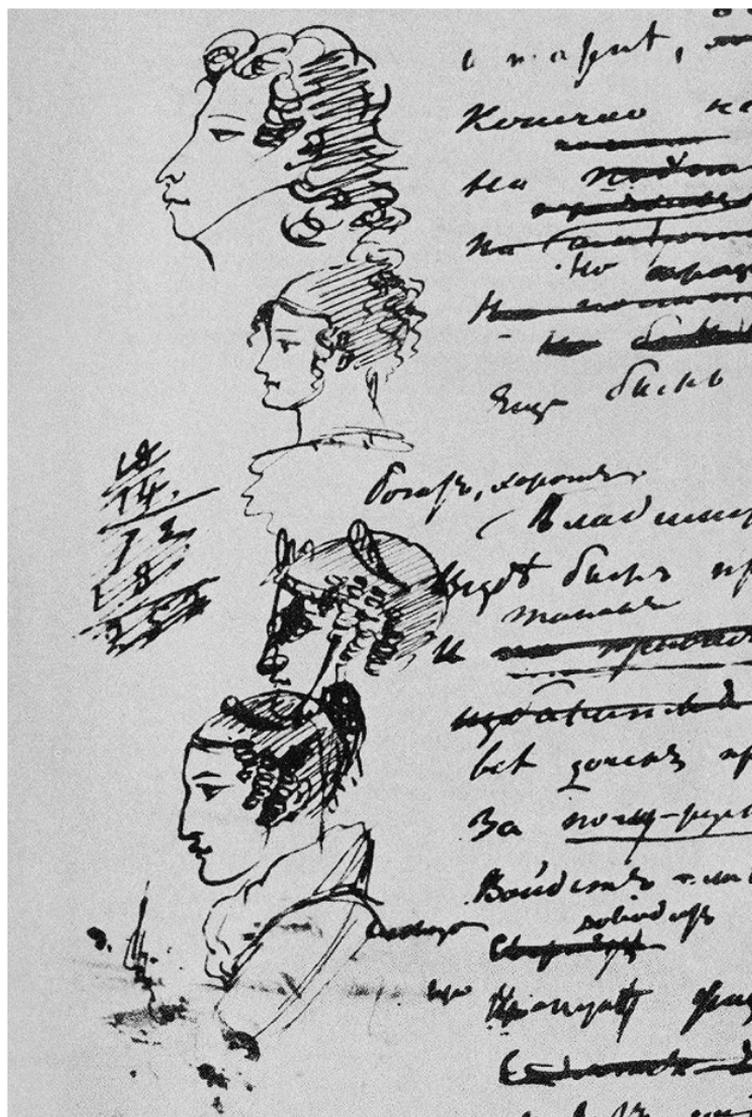
«Сан-Пере». Посещает Итальянскую оперу, где блистает примадонна Анжелика Каталани — ее имя через четыре года войдет в одну из эффектных пушкинских строк: «Как мимоездом Каталани»... А в ложе — «Негоциантка молодая». Это Амалия Ризнич, высокая, стройная, с длинной косой. Жена Ивана Ризнича, крупного коммерсанта и меломана, не жалеющего денег для поддержки оперного театра.

В двадцатых числах июля Пушкин впервые встречается с новым генерал-губернатором. «Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство...» — пишет он в августе брату.

Пушкин окончательно перебирается в Одессу. В сентябре он знакомится с приехавшей туда женой графа Воронцова — Елизаветой Ксаверьевной. Ей 31 год, у нее вот-вот должен появиться третий ребенок.

Пушкин пока еще увлечен Амалией Ризнич. В приступе ревности он однажды, как поведает потом его младший брат, пробегает «пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем по 35 градусам жара». Портреты Амалии мелькают на страницах его рукописей, но вскоре с ними начинает соперничать характерный профиль графини Воронцовой: прямой античный нос, резко очерченный подбородок. Она не считается красавицей, но знавшие ее отмечают чарующую улыбку и своеобразное «польское кокетство» (она дочь богатого магната графа Браницкого).

В декабре графиня возвращается к светской жизни, и Пушкин часто видится с ней в доме Воронцовых. Что за отношения у них? Иногда ссылаются на строки из письма В. Ф. Вяземской мужу:

Черновая рукопись второй главы романа «Евгений Онегин»

«Не говори ничего об этом, при свидании потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны».

Весомо, но всё-таки это не абсолютное доказательство платоничности отношений Пушкина и Воронцовой. Главное же — что это первая в жизни Пушкина глубокая привязанность к женщине. Он взрослеет. Любовь к графине Элизе дарит ему и истинное, возвышающее страдание, и ощущение душевной взаимности. И еще прелесть эмоционального контакта со «старшей» женщиной: это молодой Пушкин умеет находить в самых разных отношениях: с Екатериной Андреевной Карамзиной, княгиней Евдокией Ивановной Голицыной, Прасковьей Осиповой, а в какой-то мере — и с княгиней Верой Федоровной Вяземской.

Пушкин впервые становится участником сложной любовной драмы. Его соперником делается не только граф Воронцов, но и Александр Раевский, когда-то вызывавший у Пушкина восторг, а теперь удручающий его своим цинизмом и безверием:

Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Эти строки стихотворения «Демон» сложились под впечатлением бесед с Раевским. Сам же Пушкин, пройдя испытание скепсисом, станет мудрее, но цинизм его души не коснется. Пока в Петербурге Рылеев и Пущин обсуждают, как «действовать на ум народа», а в Каменке на Украине Южное общество во главе с Пестелем строит конституционные проекты, Пушкин думает об ином.

«Это мой последний либеральный бред», — пишет он А. Тургеневу по поводу собственных стихов на смерть Наполеона и их финала: «И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал». Вспоминая евангельскую притчу о сеятеле, поэт серьезно сомневается в том, что революционная пропаганда пойдет впрок:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Но этот скорбный сарказм никогда не перейдет у него в оправдание зла и тирании.

XXVII

С весны 1823 года жизнь и судьба Пушкина начинают измеряться не только годами, но и главами «Евгения Онегина». В мае начата первая глава. Поначалу автор называет новое сочинение поэмой. Визитеры иногда застают его лежащим в постели и пишущим новые строфы на клочках бумаги. Порою он сам смеется над удачными остротами.

В октябре первая глава дописана, 3 ноября готовы 17 строф второй главы. А на следующий день Пушкин посылает Вяземскому в Москву для опубликования текст «Бахчисарайского фонтана», прося приписать к нему предисловие или послесловие. Попутно сообщает: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница». Роман в стихах — это пока непривычное выражение станет именем нового жанра.

Пушкин опережает самого себя. Заглядывает в неведомое будущее — жизненное и литературное.

В январе 1824 года офицер Петр Муханов, толковый читатель, которого поэт познакомил с первой главой «Онегина», пишет Рылееву в Петербург: «Пушкин гигантски идет к совершенству».

Десятого марта в Москве выходит «Бахчисарайский фонтан», сопровождаемый вступительной статьей Вяземского. Тиражом 1200 экземпляров, по цене пять рублей. Авторский гонорар — три тысячи, то есть по пять рублей за каждый стих. Вяземский доволен коммерческим результатом. Книга расходуется удачно наравне с такими бестселлерами, как два тома «Истории» Карамзина и новейшее издание Жуковского.

Тем временем над Пушкиным-чиновником стучатся тучи. В конце марта 1824 года Воронцов адресует графу Нессельроде просьбу удалить Пушкина из Одессы. Для его же, Пушкина, пользы.

«Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Здесь находятся люди (и их будет еще больше во время купального сезона), которые, будучи чрезмерными поклонниками его поэзии, думают, что оказывают ему дружескую услугу, восхваляя его, а на деле поступают как враги, заставляя его терять голову и убеждая его, что он видный писатель, в то время как он всего лишь слабый подражатель мало достойного оригинала (лорда Байрона), и только труд и упорное изучение подлинных великих классических поэтов могут сделать плодотворным счастливым дарованием, в котором ему нельзя отказать».

Прямо-таки учительская интонация: пусть, мол, не зазнается и больше учится у классиков. Что же это на самом деле? Ревность? Досада на эпиграммы, которыми Пушкин больно колет начальника?

Подчиненного в числе других чиновников отправляют в степные уезды «для собрания сведений» о саранче, заполонившей поля. За Пушкина пробует вступиться Вигель. И слышит в ответ от Воронцова: «...Если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце». После чего следует добавление: «Также и о достойном друге его Раевском».

Ревность к Раевскому имеет больше оснований, но отвечать за всё будет Пушкин.

XXVIII

400 рублей на прогоны получены. Херсон. Оттуда — в Елисаветград, по пути остановка в Сасовке — имении помещика Добровольского. Пушкинская слава уже обитает в этом доме. Хозяин показывает истрепанную тетрадку «Кавказского пленника», а его трехлетняя дочка декламирует:

Ты говорила: «Пушкин милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись головой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь»...

«Пушкин» вместо «пленник» вставила — может быть, старшие научили. Красавицей будет! Поэт целует девочку, читает ей в ответ: «Играй, Адель, / Не знай печали...»

Здесь встречает Пушкин свое 25-летие — в задушевной компании, с венгерским вином. На прощание дамы засыпают его цветами, а мужчины сопровождают до Елисаветграда.

Через два дня он возвращается в Одессу. Потом, со слов чиновника Писаренко, также выезжавшего

на борьбу со зловредными насекомыми, пойдет легенда о стихотворном командировочном отчете Пушкина, представленном Воронцову: «Саранча летела, летела и села; сидела, сидела — всё съела и вновь улетела».

Какая-то переписка между начальником и подчиненным всё же была, а 2 июня Пушкин пишет на гербовой бумаге достоинством в два рубля прошение об отставке. На высочайшее имя.

Он не видит уже необходимости в служебном жалованье, надеясь, что литературные занятия принесут бóльший доход. А главное — свое положение при Воронцове он считает невыносимо унижительным. «На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости», — пишет Пушкин правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, с которым у него сложились добрые отношения.

Жена Вяземского приезжает с двумя детьми в Одессу. Ей 33 года, она берет на себя роль строгой воспитательницы Пушкина, пишет о нем мужу: «Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не может совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит». Вера Федоровна становится доверенным лицом Пушкина в сердечных делах. Она, как и ее муж, проживет долгую жизнь, будет потом рассказывать одному из первых пушкинистов Петру Бартеневу: «Пушкин говаривал, что как скоро ему понравится женщина, то, уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то

месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руку и проч.».

Однажды Пушкин отправляется на прогулку к морю с Вяземской и Воронцовой. Девятый вал обдаёт их с головы до ног. Природа пророчит неладное.

В Министерстве иностранных дел прорабатывается вопрос: что делать с Пушкиным? Составляется даже справка о его материальном положении: от родителей не получает ничего, живет на скромное жалованье в 700 рублей в год да на гонорары.

Еще один документ фигурирует в деле: перехваченное полицией письмо поэта неизвестному адресату со злополучной фразой: «...Пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма». Упомянут «умный афей» — это домашний врач Воронцовых англичанин Хатчинсон. Человек, который отрицает существование «разумного Творца и правителя» и тем производит на поэта впечатление. «Афеизм» считается крамолой (слов «атеист» и «атеизм» в русском языке пока еще не существует).

Итоговое решение государя: Пушкина «уволить вовсе от службы» и выслать в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии. Под надзор местных властей.

По Петербургу ходят слухи, что Пушкин застрелился. Сам он в это время набрасывает предисловие к первой главе «Евгения Онегина», кутит с моряками причаливших в Одессе кораблей, выигрывает в одной компании 900 рублей в карты. Получает от Вяземского через Веру Федоровну 1260 рублей, созывает к своему окну извозчиков, чтобы отдать им долги.

К слову, о картах в жизни Пушкина. Выигрыши у него случались реже, чем проигрыши. Игра, как

правило, приводила к долгам и безденежью. Умом Пушкин понимал опасность «игромании», которая у него станет сюжетом «Пиковой дамы», а в эпиграф к первой главе повести он вынесет собственную эпиграмму на картежников с ироническим финалом: «Так в ненастные дни / Занимались они / Делом». Но, говоря словами Грибоедова, был у него «ум с сердцем не в ладу». Страсть к игре не отпускала Пушкина, а бурный темперамент не способствовал удаче — тем более что партнерами нередко оказывались явные мошенники, обыграть которых заведомо невозможно. Карты в XIX веке — это определенная область культуры, некий вид спорта. Некрасов, например, в нем будет добиваться стабильного успеха, а Достоевский окажется незадачливым игроком в рулетку.

Графине Воронцовой предстоит отъезд из Одессы. Она дарит Пушкину кольцо и золотой медальон со своим портретом.

Пушкину объявляют о его назначении в Псков. Он без шляпы и перчаток мчится к Вере Федоровне с этой новостью. Хочется бежать куда угодно, хоть за границу. Но...

Первого августа отставленный от службы коллежский секретарь со своим неизменным дядькой Никитой Козловым отправляется на север.

Через восемь дней Пушкин прибывает в Михайловское, где его встречают родители, сестра, брат и няня Арина.

Небольшая комната с окном на двор. Кровать с пологом, письменный стол, шкаф с книгами. Весь Пушкин здесь. Так же будет, когда он останется один.

XXIX

В красной, подпоясанной кушаком рубаше, в белой шляпе, небритый, с тяжелой железной палкой в руке (для непрерывного упражнения) — таким предстает он во время своих прогулок. По ночам пишет и читает.

Наведывается в соседнее Тригорское, с обитателями которого давно знаком. Прасковья Александровна Осипова, 42-летняя помещица, недавно овдовела. У нее семеро детей от двух браков. И к Пушкину она относится с материнской нежностью.

Старший ее сын, девятнадцатилетний Алексей Вульф, делается близким приятелем Пушкина. Он слушает лекции в Дерптском университете вместе с поэтом Николаем Языковым («визитной карточкой» которого потом станет стихотворение «Пловец», оно же песня «Нелюдимо наше море...», мелодия народная). Вульф зазывает Языкова в гости. Два поэта обменивались стихотворными посланиями, а встречаются впервые. Языков Пушкина принимает с оговорками («Бахчисарайским фонтаном», например, был недоволен), а тот к нему — со всею душой.

Местные власти ищут кого-нибудь «из благонадежных дворян» для наблюдения за Пушкиным. Назначают одного, а он тут же отказывается, ссылаясь на болезнь. В итоге эта роль достается не кому иному, как статскому советнику Сергею Львовичу Пушкину. Он будет иметь «бдительное смотрение и попечение за сыном своим», как сказано в рапорте псковского гражданского губернатора.

Сын возмущен тем, что отец согласился за ним шпионить. Происходит объяснение, не без жестикуляции. Отец выбегает из комнаты и кричит на весь дом, что сын хотел его «прибить».

Чем так, то уж лучше в крепость. Пушкин письменно просит об этом губернатора, но послание, по счастью, не дойдя до адресата, возвращается, и автор его уничтожает. А потом пишет в Петербург брату Льву, что не хочет «выносить сору из Михайловской избы». Вскоре в столицу отбывают и Сергей Львович с Надеждой Осиповной. Отец официально отказывается от наблюдения за сыном.

А тот уже подумывал о бегстве за границу, о чем говорил П. А. Осиповой. Она обращается к Жуковскому, который и сам озабочен произошедшим. Увещевая Пушкина, он делает резонную ставку на его творческий пыл и писательскую гордость. Жуковский пишет: «На всё, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья и *обратить в добро* заслуженное...» И далее: «По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе. И какое место, если с *высокостью гения* соединишь и *высокость цели!*»

Непрерывно подвигает Пушкина к новым свершениям и Вяземский. Когда тот был еще в Одессе, он настойчиво требовал от друга поэтического отклика на кончину Байрона. Дождался. В Михайловском закончено стихотворение «К морю», где английский поэт получает афористическую характеристику «властитель наших дум». Вяземский откликается: «Твое “Море” прелестно! Я затвердил его наизусть тотчас...»

Посылая другу стихотворное «поминаньице за упокой души раба божия Байрона», Пушкин сообщал и о завершении большого произведения. Причем в тоне весьма раскованном: «...Кончил я поэму

“Цыгане”. Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть заповревшие <....>».

Вяземский ждет «Цыган», просит: «Давай мне всё печатать». Рассуждает как деловитый литературный агент, акцентирует материальный стимул: «И тебе не худо хлопотать о грошах или о денежках на черный день...» Перечислив всё написанное Пушкиным, подытоживает: «Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром!»

«Евгений Онегин», однако, уже передан через брата Петру Плетневу, а все элегии собрать пока трудно: тетрадь стихов, как известно, проиграна четыре года назад в карты Никите Всеволожскому. Выкупив ее при посредничестве брата Льва, Пушкин получит рукопись в марте 1825 года.

Так или иначе, участие друзей помогает Пушкину существовать в столичной литературной жизни, не чувствовать холода одиночества. А дружеское общение он всегда находит в Тригорском. С юной Евпраксией Вульф, как с гордостью сообщает Пушкин в письме брату, он «мерялся поясом», и их талии оказываются одинаковыми. Про старшую сестру там же: «...с Анеткою бранюсь; надоела!» (Заметим, что такие небрежные суждения о дамах — шутливая игровая условность, принятая в дружеской переписке. Это относится и к более раскованным выражениям, ставшим легендарными. Не стоит их понимать слишком буквально.)

С Алексеем Вульфом Пушкин обсуждает новый план побега за границу: через Дерпт, под видом слуги Алексея. В письме брату есть список вещей, которые он просит ему доставить. Помимо сотерна и шампанского, лимбургского сыра и табака, там

упоминаются чемодан, походная чернильница, дорожная лампа...

И примерно в то же время он пишет: «Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо!»

Таков поэт. Его влечет большой и неведомый мир. И такой же мир он непрерывно открывает в себе самом.

XXX

Лицейский друг Иван Пущин собрался навеситить Пушкина. Шаг смелый. Александр Тургенев не советует ехать: поэт под двойным надзором — полицейским и духовным. Дядя Василий Львович тоже испугался, услышав от Пущина о его намерении, но потом прослезился и просил расцеловать племянника.

И вот Пущин со слугой Алексеем (который наизусть знает творения Пушкина!) и с тремя бутылками клико въезжает в заснеженный, нерасчищенный двор усадьбы. Хозяин выходит на крыльцо босиком, в одной рубашке. Объятия, поцелуи.

Взаимные расспросы. Пушкина занимает, что говорят о нем в столицах. Верно ли, что император испугался, увидев фамилию Пушкина в списках приехавших в Петербург, и успокоился, узнав, что это всего лишь его брат?

Пущин честно отвечает другу, что тот «напрасно мечтает о политическом своем значении». Главное, что стихи «приобрели народность по всей России», а друзья ждут его возвращения из изгнания. О своем участии в тайном обществе Пущин говорит сдержанно. Пушкин, возбудившись было, скоро успокаивается: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь».

В няниной комнате собрались швеи. Одна из них явно выделяется среди прочих. Друзья обмениваются понимающими взглядами, без слов. То Ольга, восемнадцатилетняя дочь Михаила Калашникова, крепостного в статусе управляющего господским имением. Девушка красивая.

После обеда Пушкин с удовольствием читает вслух привезенный ему в подарок рукописный текст грибоедовского «Горя от ума». Азартно комментирует. Тут некстати заявляется настоятель монастыря Иона, которому уже донесли о госте. Завидев священнослужителя в окне, Пушкин успеваает на всякий случай раскрыть лежащую на столе книгу «Четьи mineи» — жития святых для ежедневного чтения. Пушин неприятно удивлен такой пугливостью друга. Тот же приказывает подать к чаю рома — к вящему удовольствию монаха, а потом, по уходе незваного гостя, возвращается к «Горю от ума». После чего читает своё. Надиктовывает Пушину начало поэмы «Цыганы» для рылеевского альманаха «Полярная звезда».

Хлопнула третья пробка. Пушин в санях, Пушкин на крыльце со свечой в руке: «Прощай, друг!»

В Москве тем временем энергичный литератор Николай Полевой начинает издавать журнал «Московский телеграф». В первом номере Пушкин представлен недурно: в обзрении литературы за прошлый год «Бахчисарайский фонтан» назван «жемчужиной», «Черная шаль» — народной песней. Плюс опубликовано полученное через Вяземского пушкинское стихотворение «Телега жизни», где сам автор попросил пропустить «русский титул» во второй строфе:

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: валяй, <.....>!

В журнальном тексте: «Кричим: валяй по всем, по трем!» Потом Пушкин слегка переделает (введя авторское отточие: «Кричим: пошел!....»), и многие поколения читателей будут угадывать, что рифмуется с глаголом «сломать».

О Пушкине говорят, пишут, спорят. Он — реальный участник литературного процесса. От суеты свободен, а уединение дает простор для творческих дум. В Михайловском он получил то, что Лев Толстой обретет потом в Ясной Поляне. Но — дьявольская разница — выехать отсюда он не волен, да и посетители не донимают. Вслед за отважным Пушкиным в апреле в Михайловское явится Антон Дельвиг, вместе с Пушкиным съездит в Тригорское. Прочие опасаются — включая брата Льва. Он с успехом играет роль поэта Пушкина в Петербурге: читает публично «Цыган», другие произведения. Старший брат только строго ему наказывает не давать никому читать вещи, еще неопубликованные.

С посвящением Льву Сергеевичу Пушкину выходит 16 февраля в свет первая глава «Евгения Онегина». Маленькая книжечка стоит пять рублей, тираж ее 2400 экземпляров. Авторский гонорар — три тысячи рублей (за 600 строк текста). Между предисловием и самой главой помещено новое стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», где автор отстаивает свое право быть литератором-профессионалом. Легендарными станут строки, вложенные поэтом в уста книгопродавца:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Предисловие, написанное как бы от имени «издателя» (мистификация, конечно), начинается словами: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено».

Почему? Автор достаточно молод, чтобы довести до конца самое пространное сочинение. Потому, может быть, что это произведение пишется в необычном жанре. Роман-жизнь. У такого «стихотворения» не должно быть конца.

Деньги. Приходится всё время о них думать. Пушкин постоянно печется о своем авторском праве, заботится, чтобы его не обокрали. В прошлом году Ольдекоп, издатель немецкой газеты в Петербурге, тиснул, не спросив автора, немецкий перевод «Кавказского пленника» вместе с оригиналом. Это отсрочило переиздание поэмы, Пушкин исчисляет убыток в три тысячи. То и дело поминает этого Ольдекопа, нелестным образом рифмуя его фамилию.

И на волю тянет. Пушкин пишет письмо на высочайшее имя, но не отправляет его. По его просьбе к царю обращается мать. Ссылаясь на болезнь сына, просит разрешить ему выехать в Ригу. Ответ: пусть лечит свой аневризм во Пскове. Нет, уж лучше в Михайловском остаться. Номер с аневризмом не проходит.

XXXI

В середине июня в доме Осиповой Пушкин встречается с ее племянницей Анной Петровной Керн. Знаком он с ней уже шесть лет: впервые увидел ее в Петербурге у Олениных. Анне Петровне 25 лет,

она замужем за шестидесятилетним генералом. Пока муж был по службе в Риге, она в Полтавской губернии сошлась с соседом по поместью ее родителей Аркадием Родзянко, пушкинским приятелем. Вместе они написали Пушкину шуточное послание, и он отвечает стихами, где весьма фамильярно проходится насчет двусмысленности поведения «умных жен» и их «домашних друзей».

Пушкин, как потом вспомнит Керн, «неровен в обращении» и не склонен к сердечному сближению. Но когда Прасковья Александровна затевает поездку в Михайловское и Пушкин с Анной Петровной оказываются в одном экипаже, он вдруг делается веселым и любезным. Во время прогулки по саду вдруг вспоминает давнюю встречу у Олениных, когда его собеседница была совсем невинной девочкой и носила что-то вроде крестика. Мгновенная вспышка...

На следующий день Анне Петровне предстоит вместе с ее кузиной Анной Николаевной ехать в Ригу. Пушкин приносит ей в подарок неразрезанный экземпляр первой главы «Евгения Онегина» со сложенным вчетверо листком почтовой бумаги. На нем — текст, которому предстоит стать русским любовным стихотворением номер один:

Я помню чудное мгновенье...

Женщина тянется к шкатулке, чтобы спрятать туда стихи, но автор вдруг выхватывает их у нее из рук и отдает, лишь уступив уговорам.

Чудное мгновенье — в прошлом. Дальше — уже любовная игра. Пушкин пишет в Ригу Анне Вульф, упоминая ее кузину: «Камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле увядшего ге-

лиотропа». Анна Петровна много лет спустя уточнит в своих мемуарах, что камня не было, а запнулась она за переплетенные корни деревьев.

Потом Пушкин шлет в Ригу письма самой Анне Петровне — французские, с вольными двусмысленностями и куртуазными любезностями. Притворно ревнует к мужу и в шутку предлагает бежать от того в Михайловское. Когда же в начале октября Керны появляются в Тригорском и Пушкин знакомится с пожилым Ермолаем Федоровичем, он вполне ладит с ним.

Заглянем в будущее. Меньше чем через два года Пушкин и Анна Петровна будут снова встречаться — уже в Петербурге. А в феврале 1828 года Пушкин в письме Сергею Соболевскому напишет фразу, которая в XX веке сделается легендарной. Ее будут цитировать письменно и устно, удивляясь, как это поэт смог сказать такое про адресата стихотворения о «чудном мгновенье»! Злополучная фраза такова: «Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о М-ме Керн, которую с помощью Божией я на днях у<..>».

Меж тем удивляться особенно нечему. Анна Петровна ведет весьма раскованный образ жизни. Среди отмеченных ее благосклонностью — Алексей Вульф (в письме к нему в мае 1826 года Пушкин осведомляется: «...что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?»), и не он один. Не будучи одержим любовью, Пушкин, однако, испытывает ревность: это чувство может питаться и уязвленным самолюбием. И вот запоздалая мужская победа, которая не доставляет радости, но дает возможность бравировать ею в развязной приятельской переписке.

Стихотворение, начинающееся строкой «Я помню чудное мгновенье...», появится в альманахе

«Северные цветы на 1827 год» под названием «К***» и будет так именоваться впредь.

Анна Керн — женщина незаурядная, но она, как и многие другие, — биографический повод. Человек-мир в своих любовных стихах ведет разговор с одной женщиной — Женщиной-Жизнью, которая является перед ним в самых разных ликах. Она целомудренна и порочна, наивна и умна, доверчива и вероломна. Пушкин умеет насладиться всеми вкусовыми оттенками этого спектра.

Но пушкинистам XX века почему-то захочется представить своего героя однолюбом. В книгах и статьях начнутся поиски некоей «утаенной» любви, которую поэт пронес через всю жизнь. Начнется это с «вдохновительницы» поэмы «Бахчисарайский фонтан», продолжится как расшифровка «Донжуанского списка», где по-разному могут быть поняты такие записи, как «Анна», «Мария» и тем более «N. N.». Претендентками на исключительную роль в сердечной жизни поэта будут объявлены и юная Мария Раевская, и ее старшая сестра Екатерина, и Наталья Кочубей (в замужестве Строганова), и Елизавета Воронцова, и Каролина Собаньская. Юрий Тынянов в статье «Безыменная любовь» отстаивает гипотезу, согласно которой с лицейских лет и до последних дней Пушкин пронес страстное чувство к Екатерине Андреевне Карамзиной. Вероятно, если бы Тынянову довелось закончить роман «Пушкин», там эта мысль могла бы обрести убедительное художественное воплощение. Однако с однозначной научной точностью «назначить» кого-либо женщиной номер один в судьбе Пушкина (во всяком случае до женитьбы) едва ли возможно. Любовь как таковая не поддается строгому определению и описанию, к тому же человек (особенно

К*** ***

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетная восточная
Красавица из восточной страны.

В то мгновенье души безразличной,
В те минуты шумной суеты,
Звучала мне душа восточной
А. С. Пушкина из восточной страны.

Мне ты казалась, быть может, англичанкой,
Рассказывала мне о восточной

И о заботе твоей о восточной
Твоя восточная страна

В те минуты восточной восточной
Минуты твоей души
Будь восточной, будь восточной
Будь восточной, будь восточной, будь восточной

«К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Автограф

творческий) может испытывать одновременно несколько любовных переживаний, подолгу хранить в душе интимные воспоминания. Поиски единственной «утаенной любви» — явное упрощение, не приближающее нас к внутреннему миру великого человека и немного дающее для понимания его творений.

Что же касается Анны Петровны Керн, то ее отношения с Пушкиным после взаимной вспышки страсти приобретают ровный дружеский характер. Поэт впишет ей в альбом несколько шуточных мадригалов. Станет заходить к ней в гости по пути к родителям, обитающим в дугообразном доме на Фонтанке у Семеновского моста. Порой они будут встречаться за столом у Надежды Осиповны, о чем в воспоминаниях Анны Керн будет зафиксирована трогательная подробность: мать «заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник».

А тогда, в июле 1825 года, Пушкин узнает, что доктор хирургии, профессор Дерптского университета Мойер собирается по просьбе Жуковского приехать в Псков, чтобы оперировать пресловутый аневризм и «спасти первого для России поэта». Приходится больному учтиво отказаться от благодеяния.

XXXII

Пушкин пишет «Бориса Годунова» и любит апельсины. На ярмарке в Пскове его видят в красной рубашке и таких же штанах. В обеих руках держит по апельсину. Так сдавливают их, что сок течет

по одежде, и тамошний капитан-исправник делает ему замечание: мол, неприлично благородному лицу так себя вести. Пушкин смеется.

Тем же летом к соседу Пещурову в их село Лямоново приезжает племянник Александр Горчаков. Узнав, что лицейский товарищ неподалеку, туда устремляется Пушкин. Преуспевающий дипломат Горчаков кажется каким-то высохшим. Пушкин читает ему сцену из «Годунова», а тот критикует простонародную грубость выражений. Прощаются холодно.

Простота выражения — это пушкинский конек. И на нем он далеко ускакал. Где-то позади остались и «Кавказский пленник», и «Цыганы», по которым сейчас судят о Пушкине. А он садится в седло и сочиняет во время прогулки верхом сцену разговора Самозванца с Мариной Мнишек у фонтана. По возвращении домой спешно записывает, но недоволен: что-то пропало.

Пройдет столетие, и Пушкина станут называть создателем русского литературного языка. Эта красивая гипербола, понятая буквально, превращается в научный миф. Создать новый национальный язык в одиночку не может даже гений. Точнее будет сказать, что Пушкин, уловив внутреннее движение русского языка, придал ускорение этому естественному процессу. Он творит в соавторстве с языком, достигая гармоничного баланса высокого и «низкого» стилей, поэтической и разговорной стихий, исконно русской и иноязычной лексики. Использование простонародных и бранных слов для Пушкина не самоцель, а определенный эстетический расчет. Вяземский потом вспомнит, что Пушкин «в речи своей мало простонародничал». Письма — дело другое, это своеобразный полигон для творческих экспериментов с экстремальной лексикой.

Седьмого ноября «Борис Годунов» был закончен. В развеселом письме Вяземскому автор извещает: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя встанет — ибо она полька, и собою преизрядна...»

Подурачившись, Пушкин тут же всерьез призадумывается о будущем своего творения. И тревожится: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Вспомним: юродивый у Пушкина жалуется царю Борису на уличных ребятишек: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». Не увидит ли император здесь намек на то, что он в 1801 году не помешал заговорщикам задушить своего отца Павла I?

Но не успевает царь прочитать это сочинение. 19 ноября он скоропостижно умирает в Таганроге. Эта новость нескоро доходит до Псковщины. В Новоржеве солдат, приехавший из Петербурга, рассказывает о кончине императора Александра. Пушкин посылает кучера Петра — проверить.

Что-то важное сейчас произойдет в Петербурге. Ехать туда?

Пушкин оформляет себе «билет» на имя Алексея Хохлова, крепостного Прасковьи Осиповой, и с садовником Архипом Курочкиным 1 или 2 декабря отправляется из Михайловского в Петербург. Но вскоре велит повернуть назад. Потом сошлется на дурную примету: дескать, заяц дорогу перебежал.

Зайцу этому — реальному или «виртуальному» — суждено будет войти в историю культуры как спаси-

телю великого поэта. Мол, не останови он Пушкина — тот бы угодил в самое пекло истории, приняв участие в восстании декабристов. В общем, это резонно и подтверждается словами самого поэта о том, что он делал бы 14 декабря, находясь в столице.

Однако о предстоящих потрясениях никому еще не ведомо. Пушкин полагает, что престол по законному праву унаследует Константин Павлович: «Радуюсь восшествию на престол Константина I» (из письма П. Катенину). К нему можно обратиться с просьбой о снятии опалы, о разрешении жить в Петербурге, а то и о поездке за границу. Но всё-таки, наверное, уместнее действовать через друзей. К ним Пушкин и взывает в письме Петру Плетневу в начале декабря, после импульсивного порыва ехать в столицу: «Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха*: если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне... Если братъ, так братъ — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? *а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях*».

Четырнадцатого декабря Пушкин заканчивает написанную «в два утра» небольшую поэму «Граф Нулин». Вызывающе простая фабула. Приехавший из-за границы граф, поклонник всего иностранного и довольно пустой человек (фамилия ему дана «говорящая»), случайно попадает в дом провинциальной барыни Натальи Петровны. Она с ним кокетничает, и он по недоумию отправляется к ней ночью в спальню. Получает пощечину и со стыдом ретируется. Утром возвращается с охоты муж хозяйки. Граф срочно уезжает, отказавшись от обеда. За столом Наталья Петровна рассказывает о ночном инциденте мужу. Тот возмущен. И тут появля-

ется припасенный для финала новый персонаж — Лидин, «их сосед, помещик двадцати трех лет». Почему он смеется — читатель должен уразуметь сам.

Еще, по замыслу Пушкина, читатель должен уловить здесь намек на поэму Шекспира «Лукреция». О ночном приключении Нулина говорится: «К Лукреции Тарквиний новый / Отправился, на всё готовый». Лукреция — жена римского патриция, изнасилованная царским сыном Тарквинием и покончившая с собой. После этого события в Риме начинается бунт, который приводит к свержению власти и установлению республики.

Тонкая «интертекстуальная» игра, однако, сразу понята не будет, и автору придется в 1830 году в «Заметке о “Графе Нулине”» разъяснить — уже не современникам, а потомкам — свое намерение «пародировать историю и Шекспира». «Заметка», впервые опубликованная лишь в 1855 году, заканчивается словами: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. “Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

Под «странным сближением» (само это сочетание войдет в разряд «крылатых слов») Пушкин имеет в виду иронию судьбы, иронию самой истории. Ведь веселую поэму с историческим подтекстом автор завершает как раз в тот момент, когда после воцарения Николая II восставшие полки вышли на Сенатскую площадь.

Пушкин узнает об этом через три или четыре дня, находясь в Тригорском, от приехавшего из Петербурга повара Осиповой — Арсения. Пока он дописывает четвертую главу «Евгения Онегина», читает «Бориса Годунова» Алексею Вульффу («Ко мне забредшего соседа, / Поймав нежданно за полу, / Душу трагедией в углу»).

В Петербурге 30 декабря поступает в продажу книга «Стихотворения Александра Пушкина». Поэт благодарит Плетнева за ее издание и жалуется на молчание друзей: «Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую».

Нерчинск — город в Забайкалье, где вскоре окажутся многие декабристы. Их судьба вызывает у Пушкина искреннюю тревогу — и в то же время он излагает здесь ту версию своих отношений с декабристами, которую надлежит транслировать наверх: «...Не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы теплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?»

Ту же версию — о ссылке за «неверие» — Пушкин разрабатывает и в письме Жуковскому. Пушкин не уверен, что его не прочитают «третьи лица», по отношению к которым он выдерживает здесь дипломатичный тон: «Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности».

Самому же Жуковскому он дает честный отчет: о том, что в Кишиневе был дружен с В. Ф. Раевским, Пушкиным и Орловым, что был масоном в кишиневской ложе, что находился в связи с большей частью заговорщиков. Такая откровенность бывает в разговоре подсудимого с адвокатом. В качестве еще одного адвоката Пушкин надеется привлечь Карамзина: «Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?»

Неизвестно еще Пушкину, что Карамзин тяжело болен — после того как простудился 14 декабря, придя на Сенатскую площадь. 22 мая Карамзин уйдет из жизни, о чем Пушкин с изрядным опозданием узнает из письма Вяземского. «Карамзин принадлежит истории», — напишет Пушкин в ответ, а впоследствии издание «Бориса Годунова» будет открываться так: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

XXXIII

В январе 1826 года закончена четвертая глава «Евгения Онегина». Тут же стремительно пишется пятая. Знаменитое впоследствии описание «Зима! Крестьянин торжествуя...». Сон Татьяны... Пушкин в отличной форме.

В феврале уже распроданы все 1200 экземпляров книги «Стихотворения Александра Пушкина». Издание приносит ему восемь тысяч рублей гонорара.

Тем временем ведется следствие по делу декабристов, по ходу которого проясняется степень по-

пулярности среди них пушкинских стихов. В апреле Пушкин уничтожает свои записки, где слишком много свидетельств его связи с бунтовщиками.

Одиннадцатым мая 1826 года датирован следующий документ:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10 класса Александр Пушкин».

Сие на отдельном листе приложено к прошению на высочайшее имя. Пушкин там утверждает, что в 1824 году заслужил «гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме», ссылается на свой аневризм, требующий лечения, и просит «позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

Прошение идет по инстанциям, по пути к нему добавляется свидетельство Псковской врачебной управы о том, что заявитель «затрудняется в движении вообще» (в дальнейшем Пушкин о своем аневризме не вспомнит никогда).

XXXIV

В конце апреля или начале мая Пушкин пишет близкому другу: «Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покамест дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая де-

вушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно».

Первого июля у Ольги Калашниковой рождается сын Павел. Прожить ему суждено лишь два с половиной месяца...

А с 19 по 24 июля вокруг да около Михайловского приехавший из столицы коллежский советник Бошняк под видом «путешествующего ботаника» собирает информацию о ссыльном. На руках у него «открытое предписание», карт-бланш, куда надо только вписать имя «одного чиновника, в Псковской губернии находящегося». Однако, не найдя ничего компрометирующего Пушкина, Бошняк «к арестованию» не приступает и возвращается восвояси.

В конце июля Пушкин узнает о том, что в Италии умерла Амалия Ризнич. Пишет стихи о любви, которая давно прошла:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

(«Под небом голубым страны своей родной...»)

Под стихами, названными поначалу «29 июля 1826», в рукописи две пометки. Одна — о смерти Ризнич, другая: «у о с. Р. П. М. К. Б.: 24». Это означает: «услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля».

Пятеро декабристских вожakov были повешены в кронверке Петропавловской крепости ранним утром 13 июля. Приговор жестокий: ведь в России смертной казни не было со времен Елизаветы Петровны. В порядке монаршей «милости» четвертование заменено повешением.

Пушкин долго будет пребывать под впечатлением от этого события. Рисунки с виселицей и телами казненных не раз появятся на страницах его рукописей. Он думает и о друзьях, сосланных в Сибирь. Напишет Вяземскому: «Еще и таки я всё надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Коронация состоится 22 августа. Чаемой амнистии декабристам не последует.

XXXV

Меж тем у царя доходят руки до опального поэта, до прошения, поданного его матерью. «Пушкину прибыть прямо ко мне» — таково высочайшее распоряжение.

Третьего сентября 1826 года Пушкин еще гуляет в Тригорском, возвращается домой поздно вечером. А ночью в Михайловском появляется фельдшер. Времени на сборы Пушкину почти не дают.

Он берет с собою пистолеты, спешно сжигает некоторые рукописи, в том числе тетрадь с автобиографическими записками.

Около пяти часов утра 4 сентября Пушкин отправляется в Москву. Что его ждет? За два года им столько написано, прочитано, продумано. Он полон мыслей и энергии. Творец собственного поэтического царства, он не страшится встречи с царем. Предстоящее скорее вызывает азарт. Что бы ни произошло — игра предстоит крупная.

Пятнадцать лет не видел Пушкин Москвы. Эмоциональную остроту встречи с этим городом он передает потом в седьмой главе «Евгения Онегина», описывая приезд Лариных «на ярманку невест».

Восьмое сентября. Кремлевская канцелярия, а потом Чудов монастырь, где обитает Николай Павлович. «Император принял меня самым любезным образом», — напишет потом Пушкин П. Осиповой.

Действительно, в отличие от Александра I, не раз решавшего участь поэта, но при этом не удоставившего его беседы, новый царь целых два часа говорит с глазу на глаз с изгнанником и отныне дает ему свободу передвижения. Одного этого достаточно, чтобы расположить к себе поэта, уже шесть лет лишенного возможности жить в столицах.

Император задает Пушкину прямой вопрос: что бы он делал, если бы 14 декабря был в Петербурге? Тот откровенно отвечает: «Неизбежно, Государь, все друзья мои были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них» (так передаст много лет спустя пушкинские слова Анна Хомутова, слышавшая их 26 октября 1826 года на вечере в честь поэта в доме Марии Римской-Корсаковой).

Заходит речь о цензурных притеснениях, и Николай обещает оградить Пушкина от них. Он берет-

ся сам быть его цензором. Предложение неожиданное и необычное.

Пушкин в приподнятом настроении отправляется в гостиницу «Европа» на Тверской улице. А царь во время вечернего приема у французского посла говорит Дмитрию Блудову (некогда товарищу Пушкина по «Арзамасу», а теперь влиятельному сановнику), что разговаривал нынче «с умнейшим человеком России».

Кажется, что царь и поэт хорошо поняли друг друга. Может быть, между поэтом и царем возможно равноправное сотрудничество?

Теперь, почти два столетия спустя, мы располагаем множеством фактов и сюжетов на тему отношений художника и власти. И знаем, что в российской истории это опыт исключительно негативный.

Но Пушкин пробует. Рискует.

И еще Пушкин наконец встречается со своей славой. В провинции он о ней только слышал и читал. А теперь въяве ощущает всю прелесть положения «живого классика».

Друзья старые и новые. Блестящий и остроумный Сергей Соболевский становится «путеводителем Пушкина по Москве», по выражению Ксенофонта Полевого. Через него отправляется вызов на дуэль Федору Толстому, которого Пушкин считает главным распространителем гнусной сплетни шестилетней давности о том, что поэт был подвергнут телесному наказанию. Соболевский, однако, улаживает конфликт. Через полгода с небольшим он предотвратит еще одну дуэль. Если бы он оказался рядом с Пушкиным и десять лет спустя...

Дома у Соболевского Пушкин читает «Бориса Годунова». Слушают и старые, и новые знакомые. Чаадаев. Композитор-дилетант Михаил Виельгорский, сочинивший музыку к песне Земфиры. Двадцатилетний Иван Киреевский, будущий критик, а пока служащий архива Министерства иностранных дел. Его ровесник Дмитрий Веневитинов, дальний родственник Пушкина, талантливый поэт, который напечатал дельный разбор первой главы «Онегина» — лучшее пока, что написано на эту тему. Ему предстоит переезд в Петербург, а через полгода — безвременная кончина на двадцать втором году жизни.

Веневитинов — глава кружка «любомудров» (русская калька греческого слова «философ»). Еще любомудров с легкой руки Соболевского называют «архивными юношами» — по месту службы некоторых из них. Затевадается журнал «Московский вестник», издавать который будет писатель и историк Михаил Погодин. С ним Пушкин знакомится у Веневитинова. В этом доме, что в Кривоколенном переулке, где живут Дмитрий и его брат Алексей, 12 октября происходит пятое уже чтение автором «Бориса Годунова», самое историческое.

Присутствуют братья Иван и Петр Киреевские, братья Федор и Алексей Хомяковы, Степан Шевырев — цвет будущего славянофильства. Как скажет потом Шевырев, во время этого вдохновенного чтения Пушкин выглядит «красавцем». Помимо «Годунова» звучат «Песни о Стеньке Разине», впервые исполняется недавно сочиненный пролог к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый...». Всеобщий восторг, полный триумф.

Вскоре Алексей Хомяков собирает у себя на Петровке будущих сотрудников «Московского вест-

ника». Среди гостей — Пушкин и польский поэт Адам Мицкевич. Между лидерами двух славянских литератур сразу возникает близость, человеческая и творческая.

Создатели нового журнала рады участию в нем Пушкина. С ним заключается особый договор на десять тысяч рублей в счет предстоящих публикаций (реально, как свидетельствует Шевырев, будет выплачена одна тысяча, которая уйдет на оплату картонного долга).

Пушкину интересны «любомудры», молодые, образованные, полные вольнолюбивых мечтаний («ребята теплые, упрямые», — напишет он о них потом Дельвигу). Но их увлеченность немецкой философией, умственными абстракциями ему чужда. Вспомним, с какой легкой иронией описан во второй главе «Онегина» Владимир Ленский, «с душою прямо геттингенской». Эта глава, кстати, как раз в октябре 1826 года выходит отдельным изданием.

Пушкин способен увлечься самыми разными идеями, но ни к одной он не попадает в зависимость. Воплощать философию в образах и сюжетах — это не для него. Пушкин творит свободно, а его произведения (по отдельности и в целом) потенциально философичны. То есть они многозначны и могут трактоваться разными способами. Такое искусство по большому счету и сложнее, и выше «идейного». Недаром одним из самых преданных Пушкину писателей в XX веке стал Владимир Набоков, ни грош не ставивший «литературу больших идей».

В «Московском вестнике» появятся пушкинские тексты: это и сцены из «Бориса Годунова», и отрывки из «Евгения Онегина», и программные стихотворения «Пророк» (под названием «Поэт»), «Поэт и толпа» (под названием «Чернь»), «Поэту» и

многое другое. Но не удастся Пушкину внедрить в журнал близких ему поэтов: не приживутся там Баратынский и Языков. После смерти Веневитинова, отъезда за границу некоторых молодых и активных сотрудников журнал начинает хиреть. Читательского успеха нет. Тираж — всего 600 экземпляров, а потом и вполовину меньше. Пушкин отдаляется.

Куда более успешен «Московский телеграф», издаваемый Николаем Полевым, сделавшим ставку не на поэзию и прозу, а на критику, публицистику, материалы по науке и истории, экономике, торговле («бизнесу», как сказали бы сегодня). Журнал боевой, чуткий к духу времени. До некоторой степени здесь предвосхищен тот идейный вектор, который сто с лишним лет спустя обнаружится в шестидесятилетнем «Новом мире» Александра Твардовского. Плюс к тому богатый визуальный ряд: модные картинки, гравюры, портреты знаменитостей, рисунки мебели и экипажей.

Там на первых ролях Вяземский, через него Пушкин передавал свои стихи. Будут в этом журнале и статьи Пушкина. Еще живя в Михайловском, он в письме Полевому назвал «Московский телеграф» лучшим «из всех наших журналов». Но при личной встрече в Москве у Пушкина с Полевым сближения не происходит, несмотря на явный пиетет издателя по отношению к поэту. Младший брат издателя Ксенофонт Полевой видел возможную причину в аристократическом высокомерии Пушкина: Полевые по происхождению были купцами. Но дело, по-видимому, в другом. Для Николая Полевого ориентиром остается романтизм, а Пушкин уже живет чем-то другим.

Пушкин постепенно приближается к своему литературному одиночеству. И понимает его неизбеж-

ность. «Итак, никогда порядочные литераторы у нас вместе ничего не произведут! Все в одиночку», — сетует он в письме Вяземскому по приезде в Михайловское 9 ноября.

XXXVI

В Михайловском он пишет заказанную Николаем I через Бенкендорфа (начальника Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии) записку «О народном воспитании». Скованный официальным «форматом», Пушкин тем не менее проводит здесь некоторые искренние идеи. Критикует домашнее воспитание, доказывает необходимость общественных учебных заведений. Предлагает отменить экзамены на чин, ставшие вследствие общей продажности «новой отраслью промышленности». Естественно, высказывается против телесных наказаний. Защищает заграничное образование и приводит как положительный пример учившегося в Геттингене Николая Тургенева — в то время, как того, находящегося в Англии, начали заочно судить за участие в декабристском движении.

Некоторые положения записки сохранят актуальность и много лет спустя. Например, такое: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное?» В дальнейшем же, советует он, следует историю изучать по Карамзину.

Царь через Бенкендорфа вежливо благодарит Пушкина, но не поддерживает идею «просвещения»,

предпочитая ей «нравственность». «Мне вымыли голову» — так резюмирует ситуацию сам Пушкин.

Николай I не очень понимает поэта, а поэт хочет понять царя.

Пушкин вернулся из ссылки зрелым человеком и художником. Он уже выстроил свой мир, который еще можно дополнять, расширять. Литературные рамки ему уже тесны, хочется мысленно сравнивать себя не с коллегами по цеху, а с вершителями истории. Это не гордость, не амбиция, а тяготение к простору, к глобальному масштабу. У него уже есть опыт творческого перевоплощения и в царя Бориса, и в Самозванца.

Возможен ли диалог властелина с властелином? Властителя дум с властителем огромной страны?

«Он верит в знанье друг о друге / Предельно крайних двух начал», — скажет через 110 лет Борис Пастернак, когда так же будет пытаться разгадать тайну властной харизмы, проникнуть во внутренний мир тирана. Но Пастернаку-то хорошо известен пушкинский опыт, и он с горькой иронией перифразирует пушкинские «Стансы»: «Столетье с лишним — не вчера, / А сила прежняя в соблазне / В надежде славы и добра / Смотреть на вещи без боязни». После чего будет стараться уйти в тень, погрузиться в неизвестность. До поры это ему удастся.

Пушкин — первопроходец на роковой тропе. Его «Стансы» — не почтительная ода, а разговор с императором на равных. Сопоставление Николая с Петром I — это аванс, который нынешний правитель еще должен отработать:

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь прашуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Последний стих — недвусмысленный совет проявить милосердие по отношению к декабристам.

Пушкин получил уникальную возможность быть прочитанным царем, и он этой возможностью пользуется, что называется, по максимуму. При всех тактических оговорках «Стансы» — стратегически честный и мудрый поступок. Независимо от результата. Когда через десять лет поэт станет подводить итог своего пути, он будет вправе написать: «И милость к падшим призывал».

Как достойно держаться писателю по отношению к власти и по отношению к оппозиции?

Вопрос, не имеющий однозначного теоретического решения. Бывают писатели верноподданные — это либо люди ограниченные, либо циничные приспособленцы. Бывают борцы и бунтари — некоторые ригористы считают, что все творческие люди обязаны быть таковыми. А возможна ли позиция «над схваткой», позиция разумного компромисса, когда единственная цель писателя — человечность, ослабление жестокости и смягчение политических нравов?

Эту «нишу» и стремится создать Пушкин, угодивший в политический водоворот по воле судьбы. Одновременно со «Стансами» он адресует с сердечным приветом к Пушкину, ждущему отправки в пожизненную каторгу («Мой первый друг, мой друг бесценный!»), потом пишет легендарное послание декабристам «Во глубине сибирских руд...».

Двадцать шестого декабря Пушкин встречается в доме Зинаиды Волконской с уезжающей в Сибирь к мужу Марией Волконской (знакомой ему со времен, когда она была Марией Раевской). А 2 января 1827 года в Сибирь отправляется жена Никиты Муравьева — Александра. С ней Пушкин передает свое

послание, говоря на прощание: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести». Сказано с аристократической широтой и великодушием, но не без боли сердечной. Муравьева расскажет потом, что, прощаясь, Пушкин так сжал ее руку, что она не могла после этого продолжить начатое ею письмо.

Тринадцатого июля 1827 года исполняется год со дня казни пятерых декабристов. 16 июля Пушкин пишет стихотворение «Арион», где использует миф о певце, которого хотят во время путешествия по морю убить перевозчики, но он бросается в воду, и его спасает дельфин.

Миф у Пушкина радикально трансформирован: в его произведении певец находится среди единомышленников, среди равных («Нас было много на челне»), причем у него особая, творческая роль: «Пловцам я пел». Так Пушкин обозначает свою роль в истории декабризма, и его творческая версия не лишена оснований: действительно, в его крамольных стихах рядовые участники тайных обществ видели выражение собственных чаяний. Многие из них версифицировали на самостоятельном уровне и в Пушкине видели корифея вольнодумного стихотворного хора. Но отношения поэта с «кормщиками», то есть с лидерами декабризма, были не так просты.

Стоит прислушаться к позднему мнению Вяземского: «Рылеев и Александр Бестужев, вероятно, признавали себя такими же вкладчиками в сокровищницу будущей русской литературы, как и Пушкин...» То есть представление о том, что декабристы берегли Пушкина как исключительное дарование и будущую славу России, довольно упрощенно.

И смысл стихотворения «Арион» шире, чем манифестация верности декабристским идеям. По-

добно тому как шедевры пушкинской любовной лирики становятся независимыми от адресатов и биографических «поводов», так и это символическое стихотворение — свидетельство верности поэта своему высшему призванию:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Художник-гений в своем развитии устремлен к сердцевине мироздания. На этом таинственном пути он не может полностью отождествить себя ни с оппозицией, ни с властью.

А исторический сюжет «Пушкин и декабристы» складывается из множества «личных» линий. Вот случайная и в то же время символичная встреча 14 октября 1827 года. Приведем фрагмент из официального донесения, поданного начальству фельдъегерем Подгорным: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать».

Пушкин пытается передать другу денег. Фельдъегерь отказывает ему в этом. Пушкин грозит пожаловаться государю императору, Бенкендорфу. Зачем-то говорит, что сам был посажен в крепость, а потом отпущен. После этого Подгорный еще решительнее велит растащить друзей в разные стороны.

«Свидания с тобою, Пушкин, век не забуду», — напишет потом Кюхельбекер.

XXXVII

Александр Пушкин — человек-мир. Он вбирает в себя всё сущее, ни одна из жизненных сил и стихий ему не чужда. Ему интересны самые разные люди — и царь, и бунтарь.

Пушкин — первый русский писатель, выстраивающий универсальную картину бытия. И он не может пренебречь новым опытом, пусть самым горьким. Он открыт всем людям, но уже ни с кем не сойтись ему полностью и безоговорочно. Его цель как художника больше, чем слава, она выше любого общественного статуса.

Император Николай — человек-частица, элемент властной системы. Он может по-актерски играть, примерять разные личины, но в целом поведение его фатально обусловлено довольно элементарной стратегией: сохранить власть во что бы то ни стало. Он не может себе позволить роскошь личного выбора (как это позволяли себе его пращур Петр I или его наследник Александр II).

«Николай I был карьеристом», — скажет потом Юрий Тынянов. Этот иронический парадокс содержит глубокую мысль. Всем правителям свойственна та или иная степень властолюбия, но оценивается их деятельность по тому, что у них имелось сверх этого. И тот, кто стремился только к сохранению власти, действительно может быть назван карьеристом.

Равенство между этими двумя людьми невозможно, даже условное. Дальнейшие отношения поэта с властью развиваются уже в форме бюрократически-полицейского контроля. Прямого контакта между Пушкиным и Николаем нет: всё через Бенкендорфа.

Пушкину поставлено в вину несанкционированное чтение в Москве «Бориса Годунова». В ответ он шлет Бенкендорфу рукопись с первоначальным

названием «Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве».

Текст передается на отзыв «эксперту» (по всей видимости, им выступил Фаддей Булгарин). Рецензия составлена довольно хитро. К политическому содержанию претензий как будто нет: «Дух целого сочинения монархический, ибо нигде не выведены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора...» Претензии эстетические, к «литературному достоинству»: «Всё — подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало».

И кому же подражает Пушкин, по мнению строгого судьи? «Кажется, это состав вырванных листов из романа Вальтера Скотта». Это довольно абсурдное утверждение приходится по вкусу августейшему цензору и покровителю поэта. Тем более что вникать в сам пушкинский текст, не очень к тому же аккуратно переписанный, ему недосуг. Он уже от своего имени повторяет рецензентскую пошлость и пишет карандашом на полях: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или в роман, наподобие Вальтера Скотта».

Нормальная практика для самодержцев — подхватить чужое словечко и с ним войти в историю культуры. Когда через 100 лет Маяковский будет высочайше назван «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» — это тоже будет сделано с чужих слов, по чужой наводке.

Выход в свет «Бориса Годунова» будет отсрочен на четыре года. Любимое, заветное произведение, сочетающее философическую глубину с разговорной простотой языка, при жизни автора так и не будет оценено по достоинству.

XXXVIII

Царская опека не ограждает Пушкина от судебных преследований. В январе 1827 года его вызывают к московскому обер-полицеймейстеру. Заведено дело об элегии «Андрей Шенье», написанной Пушкиным в Михайловском летом 1825 года. Андрей Шенье — французский поэт, казненный якобинцами во время революции. Он привлек внимание Пушкина своей внутренней свободой, неприятием какой бы то ни было жестокости. Однако стихи сразу показались цензору подозрительными, и большой кусок при издании «Стихотворений Александра Пушкина» был оттуда изъят. Этот фрагмент стал распространяться в списках с заглавием «На 14 декабря».

Пушкину приходится письменно разъяснять, что, например, строки «Убийцу с палачами / Избрали мы в Цари» относятся к Робеспьеру и Конвенту. «Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря», — пишет он в своих показаниях. Но сам-то в декабре писал Плетневу: «Я пророк, ей-богу, пророк!» Имея в виду не тронутые цензурой слова «Падешь, тиран!» и смерть Александра I.

Антитиранические стихи — это всегда потенциальная крамола: не в того царя попадут, так в другого.

Дело протянется до июня 1828 года, в итоге за Пушкиным будет установлен секретный надзор. И тут же добавится скандал с «Гавриилиадой» — шуточной поэмой, написанной в Кишиневе весной 1821 года. Там дерзко обыграны и ветхозаветный сюжет грехопадения, и евангельский сюжет Благовещения. Сатана, архангел Гавриил и Святой Дух в образе голубя отдают должное прелестям Девы Ма-

рии, которая весьма прозаично подводит итог: «Досталась я в один и тот же день / Лукавому, Архангелу и Богу».

Написано в духе французской фривольной поэзии, не без влияния Эвариста Парни с его «Войной богов». Но в России к таким кощунственным проделкам относятся строже. «Гавриилиада» ходила в списках, один из которых оказался в руках отставного штабс-капитана Митькова. Его крепостные люди, желая за что-то отомстить барину, выкрадывают рукописную книгу, где среди прочих «сладострастных» сочинений была и пушкинская поэма. Пожаловаться на господина холопы могут только по церковной линии — вот эти люди из народа и пишут донос в духовную консисторию: дескать, Митьков читал им крамольную поэму, чтобы внушить «презрение к религии». На самом деле этого не было.

Митрополит Серафим дает жалобе дальнейший ход и в письме статс-секретарю Муравьеву восхищается «благородными чувствованиями» доносчиков и проклинает поэта: «Поистине, сам Сатана диктовал Пушкину поэму сию!» И, конечно, злит иерарха тот факт, что «Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца!».

Вызванный к петербургскому генерал-губернатору Голенищеву-Кутузову, Пушкин отрицает свое авторство. Отвечает, что видел и переписывал поэму, будучи лицеистом. Но в покое его не оставляют. Пушкин даже решает приписать авторство «Гавриилиады» покойному сатирику князю Дмитрию Горчакову и пишет Вяземскому: «...Я, вероятно, отвечаю за чужие проказы» (чтобы Вяземский держался той же версии да и на случай, если письмо будет вскрыто).

В конце концов в дело вмешивается царь и велит петербургскому главнокомандующему графу Петру Толстому «призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Толстой, сообщая это Пушкину, говорит о царском «благоснисхождении» и требует открыть истину. Пушкин долго молчит и раздумывает. Потом пишет царю письмо с признанием в своем авторстве и в запечатанном виде передает Толстому.

На этом дело прекращено. Автор «Гавриилиады» отныне с неохотой будет говорить об этом сочинении. Не только потому, что оно доставило ему столько тревог и опасений, но и потому, что он далеко ушел от юношеской беззаботной шутливости. Его уже не тянет иронически говорить о любви и о семейной жизни так, как это сделано в последних строках злополучной поэмы:

...Даруй ты мне блаженное терпенье,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь.

XXXIX

Пушкин повзрослел. Неожиданно для него самого его посещает стремление к женитьбе и созданию семьи. Осенью 1826 года он по приезде в Москву знакомится в доме Василия Зубкова на Малой Никитской с двадцатилетней Софьей Пушкиной, дальней своей родственницей. «Я вижу ее в ложе, в другой на бале, в третий раз сватаюсь» — так три

План поэмы «Гаврилиада». 1821

года спустя сам Пушкин изложит эту историю. Свадьба не увенчалась успехом, Софья вскоре выйдет замуж за другого.

А в декабре того же года, приехав в Москву и остановившись у Соболевского в его доме на Собачьей площадке, Пушкин бывает на балах в Дворянском собрании. Там он знакомится с семнадцатилетней Екатериной Ушаковой. Наведывается в дом Ушаковых на Средней Пресне, пишет стихи в альбомы Екатерине и ее младшей сестре Елизавете. Будет и потом заглядывать сюда, приезжая в Москву.

В альбоме Елизаветы в 1829 году появится легендарный пушкинский «Донжуанский список» — шуточный и серьезный одновременно. Запись «Екатерина IV», по мнению некоторых пушкинистов, относится к старшей из сестер Ушаковых. Слухи о возможной женитьбе Пушкина на Екатерине до 1830 года циркулируют в разговорах и письмах друзей.

Можно, однако, предположить, что Пушкина привлекла скорее сама семейная атмосфера ушаковского дома. Два экспромта, адресованные Екатерине, пылкими чувствами не проникнуты. В сборник стихотворений 1829 года будет включено под названием «Е. Н. У***вой. В альбом» послание, адресованное Елизавете («Вы избалованы природой...»), а Екатерине эта книга будет подарена с достаточно сдержанной надписью, завершающейся латинскими словами «Nec femina, nec puer» («Ни женщина, ни мальчик»), взятыми из оды Горация.

Сергею Киселеву, который в 1830 году женится на Елизавете, Пушкин незадолго до того напишет с легкой шутливостью: «Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым».

Всё это свидетельства скорее сердечной дружбы, чем страстной влюбленности. А Екатерина выйдет

замуж уже после смерти Пушкина, по требованию жениха уничтожит альбомы с рисунками и стихами поэта, не сохранится и ее переписка с Пушкиным.

XL

Живя в доме Соболевского, Пушкин задумывает подарить другу свой портрет. И заказывает его за 350 рублей художнику Василию Тропинину. Тот наведывается в дом на Собачьей площадке, делает первый этюд. Потом Пушкин позирует ему в мастерской на углу Ленивки и Волхонки. Получается изрядно: и по-домашнему, и возвышенно. Поэт вроде бы в халате, а складки его напоминают тогу. Два любимых перстня на пальцах тщательно прорисованы. Кому-то потом не понравится, что взгляд голубых глаз неподвижен, а Пушкин вообще-то живчик, так и стреляет глазами в разговорах. Но почему бы ему и задумчивым не предстать: может быть, сочиняет в эту минуту.

А летом того же 1827 года, когда Пушкин в Петербурге, Дельвиг заказывает его портрет другому мастеру — Оресту Кипренскому. Ну, тот романтик: поэт у него байроничен, руки по-наполеоновски скрещены, через плечо красно-зеленый шотландский плед. Пишется портрет в доме Шереметева на Фонтанке. Потом Дельвиг просит добавить на заднем плане статую музы с кифарой.

Пушкин откликается стихотворным посланием. Кипренский собирается выставлять работу в западноевропейских музеях, о чем речь в конце:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастъя важных аонид.

Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

Пушкин потом выкупит эту картину у вдовы Дельвига. В конце концов портрет, созданный в Петербурге, поселится в Москве, в Третьяковской галерее. А писанный в Москве портрет кисти Тропинина окажется в собрании Музея А. С. Пушкина в Петербурге.

XLI

Два увлечения переживает Пушкин в 1828 году. Эти истории развиваются по сути параллельно. За ними — две стороны пушкинской натуры и две грани женственности, его привлекающей. Первая — «Аграфена» из второй, «дополнительной» части «Донжуанского списка». Аграфена Федоровна Закревская, урожденная графиня Толстая — жена генерала, министра внутренних дел. Ровесница Пушкина. Светская львица, среди поклонников которой и Баратынский, и Вяземский, сообщавший в письме жене о том, что Пушкин «отбил» у него Закревскую. Вяземский прозвал ее «медной Венерой», а Пушкин 1 сентября пишет ему: «Если бы не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники...»

Из этих слов следует, что отношения доверительны. Под «стихами» имеются в виду три энергичных восьмистишия («Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...»). Любовная искушенность «медной Венеры» поражает «наперсника»: «Боюсь узнать, что знала ты!» Богатый любовный опыт раскованной женщины и художническое всезнание поэта вступают в своеобразный резонанс.

«Портрет» завершается словами, которые станут крылатыми и будут цитатно применяться отнюдь не к женщинам «с большим прошлым», а к политическим смельчакам и дерзким новаторам в искусстве:

Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

А с девятнадцатилетней Анной Олениной Пушкин был знаком давно, еще в своей юности и ее младенчестве. Осенью или в начале зимы 1827 года он вновь встречается с ней. «Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин. Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью...» — так в «литературной» форме от третьего лица рассказывает в своем дневнике юная Оленина.

Пушкин начинает посещать дом Олениных. Отец Анны — важная персона: член Государственного совета и президент Академии художеств. Наведывается Пушкин и в Приютино — летнюю резиденцию Олениных под Петербургом. В мае Пушкин и Анна в дружеской компании едут морем в Кронштадт. Прямо на пароходе слагаются два стихотворения. Одно из них обращено к попутчику по поездке художнику Джорджу Доу (тому самому, кто создал около трехсот портретов русских военачальников 1812 года для галереи Зимнего дворца). Доу делает набросок пушкинского портрета, а тот советует ему:

Рисуй Олениной черты
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Юность и красота — вот всё, чем мог в данном случае увлечься Пушкин. Он готов поэтизировать любую мелочь. Как-то Анна по ошибке называет его на «ты», и тут же рождается знаменитое впоследствии «Ты и вы». Ситуация обозначена афористически («Пустое *вы* сердечным *ты...*»), но довольно обобщенно.

Пушкин подумывает о сватовстве, примеряет к своей фамилии имя предполагаемой невесты: Annette Pouchkine. Эта запись в тетради потом тщательно зачеркивается. Что происходит дальше? На этот счет имеются три версии: а) Пушкин сватается, но родители Анны отвергают его как нежелательную для дочери партию; б) он делает устное предложение, а потом уходит в сторону; в) формального предложения со стороны Пушкина не было, а отношения истаяли сами собой. Последняя, наверное, ближе всего к истине.

В 1829 году Пушкин вписывает в альбом Олениной восьмистишие «Я вас любил, любовь еще, быть может...» — стихотворение, которое займет второе место по легендарности в пушкинской любовной лирике (после стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»). Эти стихи тоже предельно обобщенные: всякий читатель имеет возможность применить их к себе и своему собственному любовному опыту. По позднему свидетельству внучки Олениной, в 1833 году автор подписал под этим текстом в альбоме: «pluqueparfait» («давнопрошедшее» — французский вариант наименования глагольного времени плюсквамперфект). Не хотелось ему вспоминать... Но так или иначе, в первой, главной половине «Донжуанского списка» имя Анна занимает предпоследнее место. После него следует уже окончательное: Наталья.

XLII

Еще летом 1827 года, приехав в Михайловское после дачи показаний по делу об «Андрее Шенье», Пушкин затевает большое прозаическое повествование об эпохе Петра I. Главное действующее лицо — пушкинский прадед Ганнибал. Его красавица жена родила ему белого ребенка и за то была отправлена в монастырь. Это автор хочет использовать для романного сюжета. Интересный замысел останется незавершенным. Пушкин опубликует два отрывка из начатого исторического романа и отложит работу. После его смерти эта вещь получит название «Арап Петра Великого».

А в апреле следующего года Пушкин берется за поэму «Полтава» — об украинском гетмане Мазепе, о русской победе над шведами в Полтавской битве 1709 года. Откладывает ее и возвращается к работе хмурой петербургской осенью, в октябре. Пишет стремительно, не успевая порой переложить эпизоды стихами и делая прозаические конспекты будущих сцен.

Просыпается ночью, чтобы записать новые строфы. Едва успевает утолить голод в трактире — и снова за стол. К лицейской годовщине 19 октября «Полтава» уже в основном готова.

Написанная на едином дыхании поэма полна нешуточных драматических страстей. Любовь старого Мазепы к юной Марии (крылатыми станут слова, произнесенные героем: «В одну телегу впрячь неможно / Коня и трепетную лань»). Вражда Мазепы и Кочубея — отца Марии. Казнь Кочубея по приказу Мазепы. Безумие Марии... Но главное для автора всё же не это, а динамичное описание Полтавского боя и величественная фигура российского императора:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Пушкин ищет поэзию в державной истории. В отличие от Рылеева, видевшего в Мазепе героя-цареворца, он считает амбициозный индивидуализм злом. Мазепа, мстящий Петру за давнюю обиду, оказывается и политическим изменником, и губителем любимой женщины.

Посвящение к поэме пишется в Малинниках — деревне в Тверской губернии, куда поэта пригласила Осипова. Здесь же завершается седьмая глава «Евгения Онегина», которая перекликается с «Полтавой» ненатуральным патриотическим пафосом в описании Москвы, в строфе о Петровском замке, где «напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленопреклоненной»...

Пушкин-государственник. Несколько необычное амплуа для вольного поэта, для профессионального литератора, не состоящего на службе. Но без этой краски пушкинский мир был бы неполон, не был бы универсален. Так что поэт не изменяет здесь ни самому себе, ни искусству.

Политиком Пушкин не становится. Прежде всего потому, что хорошо понимает: его исторические думы, лелеемый им образ России всё равно не впишутся в государственную конъюнктуру. В 1828 году он пишет стихотворение «Друзьям», где объясняется с единомышленниками-вольнодумцами по поводу своих «Стансов» и вообще отношений с властью:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Но при всех комплиментах царю, при всех попытках выдать желаемое за действительное («Тому, кого карает явно, / Он втайне милости творит») завершает поэт свое послание довольно безрадостной констатацией:

Бедя стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Сказано вроде бы о некоей «другой» стране, но Николай I на всякий случай не дает стихам полной гласности. «Это можно распространять, но нельзя печатать» — таков его вердикт.

XLIII

В 1828 году Пушкин-эпик ищет, что называется, «позитив», базовые ценности, на которые можно опереться в жестокой жизни. А Пушкин-лирик погружается в глубокие сомнения. И в этом нет противоречия. Два творческих вектора дополняют друг друга.

Среди стихотворений этого года «Воспоминание» — психологически точное изображение самоанализа. Того, что потом станут называть нравственной рефлексией:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Эти строки станут как бы эпиграфом к русскому психологическому роману. Лев Толстой, цитируя их в беседе, гиперболически заменит слово «печальных» на «позорных».

Еще «Анчар» — философская притча о том, что рабство и угнетение вечны, что они коренятся в самой природе вещей.

Еще «Чернь» (стихотворение, впоследствии названное автором «Поэт и толпа») — диалог с «читателями», которые требуют от художника обслуживания их сиюминутных потребностей и неспособны понять высшую и таинственную цель творчества. Поэт в финале бросает решительный вызов плоско-му пониманию задач искусства:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Строки эти будут цитировать и с сочувствием, и с возмущением. Это эмоциональное преувеличение, поэтическая гипербола. Такая же, как слова «Глаголом жги сердца людей!» в финале «Пророка». Казалось бы, две диаметрально противоположные точки зрения. В «Пророке» утверждается, что искусство должно служить высшей нравственной цели, в «Черни» отстаивается принцип свободного вдохновения. По-своему верно и то и другое. Пушкин вживается в разные истины и находит для них точные и вечные слова. В этом высшая мудрость поэзии.

Особенная судьба будет у стихов, сложенных 26 мая 1828 года, в день, когда автору исполнилось 29 лет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,

Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Здесь не простое житейское уныние, а глубокое философское сомнение, без которого невозможно духовное развитие личности. Настоящий художник переживает такое разочарование во всём всякий раз, когда переходит к решению новых творческих задач. Это стихотворение нельзя назвать мрачным: в нем есть внутренний свет. И, конечно, музыкальность стиха несет в себе жизнеутверждающее начало. Гармония звуков преобразует смысл.

Стихотворение печатается в альманахе «Северные цветы на 1830 год» (вышел в декабре 1829 года). Оно становится известным митрополиту Филарету — благодаря Елизавете Хитрово. Эта немолодая дама (между прочим, дочь полководца Кутузова) с недавних пор приятельница Пушкина. Он к ней относится не без иронии, но преданность ее ценит. Хитрово взяла на себя роль посредницы между поэтом и священнослужителем, пылая, по словам Вяземского, «к одному христианскою, а к другому языческою любовью».

Митрополит воспринимает пушкинские стихи как кощунственное сомнение в высшей силе и отвечает на них поучением, облеченным в довольно кустарные стихи. Ответ этот выглядит с сегодняшней точки зрения довольно комично, поскольку в нем слишком много пушкинских слов, а от самого Филарета там главным образом речевые неуклюжести:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без правды Им же тайно
На печаль осуждена...

Пушкин продолжит полемику новым стихотворением — «В часы забав иль праздной скуки...», которое опубликует 25 февраля 1830 года в «Литературной газете» (она недавно основана Дельвигом, Пушкин во время отъезда друга редактирует несколько номеров совместно с Орестом Сомовым). Не митрополиту отвечает он, а тому, кто гораздо выше. Тому, кто дарует человеку сомневающемуся и мучающемуся нечаянную радость, просветление, благодать:

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

«Дар напрасный, дар случайный...» и «В часы забав иль праздной скуки...» — своеобразная диалогия, части которой фиксируют два настроения, чередующиеся в жизни человека. Это и две фазы духовной жизни художника — от сомнения к истине, от отчаяния к надежде. «Арфа серафима», перекликающаяся с «шестикрылым серафимом» из «Пророка», — метафора высшего предназначения искусства. Эти стихи могут быть поняты и приняты самыми разными людьми — и верующими, и неверующими, и пребывающими в зыбком пространстве между верой и неверием.

«Дар» — так назовет Владимир Набоков свой роман, законченный в 1937 году и адресованный читателю, который мгновенно услышит в самом заглавии пушкинскую ноту и вспомнит стихотворение 1828 года. Роман светлый, утверждающий ценность жизни как таковой и неминуемость счастья для того, кто наделен еще и поэтическим даром.

XLIV

«Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно», — пишет Пушкин Павлу Нащокину в конце марта 1834 года, вскоре после женитьбы друга. Сказывается личный трехлетний опыт. За «лучший университет» ему пришлось изрядно побороться.

На тридцатом году жизни его стремление к гармоничной семейной жизни наконец совпадает со страстным увлечением. 6 декабря 1828 года он приезжает в Москву и останавливается в гостинице «Север» в Глинищевском переулке. В том же месяце на общественном балу у танцмейстера Иогеля он знакомится с шестнадцатилетней Натальей Гончаровой. Девушка исключительно красива, ее манеры исполнены внутреннего достоинства. Ничего вульгарного.

Пушкину сразу становится ясно, что завоевать любовь «самой романтической красавицы нашего поколения» (как назовет ее потом друг Вяземский) будет нелегко. Мать девушки Наталья Ивановна — дама властная и капризная, отец Николай Афанасьевич некогда был человеком добропорядочным и

образованным, но вот уже 15 лет как пребывает в клиническом безумии. Семья большая и отнюдь не благополучная. Но для Пушкина истинное счастье — это сбывшееся желание, осуществленное намерение. Он не отступит.

Желание обрести семейный покой парадоксальным образом сочетается в его настроении с «охотой к перемене мест» — свойство, которым он в восьмой главе наделяет Онегина. В марте он выписывает подорожную в Тифлис, о чем агент Третьего отделения незамедлительно информирует управляющего фон Фока.

Остановившись в Москве, Пушкин почти каждый день бывает у Ушаковых. Услышав, что Екатерина помолвлена с князем Долгоруковым, восклицает: «С чем же я-то остался?» — «С оленьими рогами», — в тон отвечает ему Елизавета, намекая на Анну Оленину. Но это теперь уже только шутки.

В это время становится известно о гибели русского посольства в Тегеране. В доме почтового директора Булгакова его юная дочь Катя поет романсы на стихи Пушкина, а потом говорит поэту, чтобы он не ездил на Кавказ и в те края, где убили Грибоедова. «Будьте покойны, сударыня, неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев! Будет и одного», — отвечает Пушкин.

В Петербурге тем временем выходят поэма «Полтава» и второе издание первой главы «Онегина». Реализацией переиздания занимается книгопродавец Смирдин, уже выпустивший вторыми изданиями «Бахчисарайский фонтан», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу».

Пушкин подумывает об издании трехтомника, советуется на этот счет с Плетневым. Решено, что лучше будет новое четырехтомное издание только

лирических стихотворений. Теперь забота о гонора-рах становится еще насущнее.

В середине апреля Пушкин встречается в Благородном собрании Наталью Гончарову и беседует с ней. После чего поручает Федору Толстому (бывшему врагу, в какой-то степени прототипу Зарецкого в «Онегине», а ныне приятелю) отправиться к матери девушки — Наталье Ивановне с целью сватовства. Та дает ответ невнятный, неопределенный. Пушкин адресует Наталье Ивановне весьма учтливое письмо, сообщая в конце: «Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного Вам жизнью».

Перед отъездом Пушкин успевает встретиться со знаменитым поэтом-партизаном Денисом Давыдовым, о чем тот потом вспомнит с гордостью и напишет Вяземскому: «Пушкин хвалил стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливать к оборотам моим». «Круче» — примечательное словцо.

С московского почтамта на Мясницкой улице Пушкин отправляется 1 мая в южном направлении. Проезжает Калугу, в Орле встречается с легендарным генералом Ермоловым, пребывающим в опале. Между ними происходит сердечный разговор.

Воронежские степи. Зеленая равнина.

В Новочеркасске у поэта обнаруживаются поклонники — дьяки канцелярии донского атамана. А в книжной лавке он, не представляясь, спрашивает, есть ли книги Пушкина. Купец заламывает цену в четыре или пять раз выше обычной. «Очень уж приятная книжка», — говорит.

По пути Пушкину встречается калмыцкая кибитка. Он, затеяв разговор с девушкой, пробует калмыцкого чая с бараньим жиром и солью. Этот

эпизод найдет отражение и прозаическое, и стихотворное («Прощай, любезная калмычка...»).

Пушкин начинает вести путевые записки, которые потом превратятся в «Путешествие в Арзрум». Ждет okazji в Екатеринодаре, останавливается во Владикавказе. В дороге встречает свое тридцатилетие. Меж тем в Петербурге выходит первая часть «Стихотворений Александра Пушкина» и продается по цене десять рублей за экземпляр. Автор встретится со своей новой книгой только осенью.

Почти две недели Пушкин проводит в Тифлисе. Военный губернатор Стрекалов организует за ним тайный надзор. Приглашает к себе на обед. «И за столом у них гостям носили блюда по чинам», — шутил Пушкин во второй главе «Онегина» насчет патриархальных обычаев Лариных. А тут он сам оказывается жертвой лакейского чиновничества. «...По несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!» — читаем в «Путешествии в Арзрум».

Но бывают и совсем другие приемы. Пушкина то и дело зовут на частные завтраки, обеды и ужины, а однажды ему устраивают персональный праздник «в европейско-восточном вкусе». Более тридцати гостей. Музыканты и танцовщики разных азиатских народов. Виноградный сад, освещенный фонарями и восковыми свечами. В центре сада — вензель с именем виновника торжества.

На поэта надевают венок из цветов, сажают в кресло, которое поднимают на плечах под общее ура. «Я не помню дня, в который я был бы веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и

ценят, — и как это делает меня счастливым!» — так зафиксировал потом ответ увенчанного поэта публике Константин Савостьянов — молодой чиновник канцелярии военного губернатора и горячий пушкинский поклонник.

XLV

Пушкин получает от Николая Раевского записку с предложением приехать в Карс и присоединиться к армии. 9 июня он выезжает из Тифлиса, а на следующий день происходит знаменательная встреча, которая потом в «Путешествии в Арзрум» будет описана так: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил я их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию.<...> Он был печален и имел странные предчувствия. <...> Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игральщиком тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею»*.

* Некоторые исследователи считают данный эпизод художественным вымыслом Пушкина. По этому поводу можно сказать: «*Se non è vero, è ben trovato*» («Если и неправда, то хорошо придумано»). Непосредственно за этим рассказом следует авторское размышление о судьбе Грибоедова, о превратностях литературной славы, чрезвычайно ценное само по себе. Итоговый вывод: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Творческое воображение то и дело получает новую пищу. Вот автор «Путешествия в Арзрум» пробуждается утром в селении Гумры: «Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце взошло. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...»

На самом деле из Гумров виден Арагац (он же Алагез). То ли казак оговорился, то ли Пушкин ослышался. Но «действие звуков» — реально.

Чувство границы... Это, быть может, самое сильное переживание Пушкина во время путешествия. О побеге из России помышлял он и в Одессе, и в Михайловском. Для ссыльного за граница была отдаленной мечтой. А тут она предстает физической реальностью: «Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. “Вот и Арпачай”, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России».

«Увидеть чуждые страны» поэту так и не доведется.

В Карсе Пушкин после долгого перерыва встречается с Николаем Раевским. Тот был три года назад арестован за связи с декабристами, но вскоре освобожден. Недавно дослужился до генерал-майора (в сентябре 1829 года его отстранят от службы за контакты с декабристами, на этот раз ссыльными).

У Раевского адъютантами служат Лев Пушкин и Михаил Юзефович, с которым поэт знакомится, придя навестить брата. Подходящая компания для того, чтобы почитать вслух «Годунова», поделиться планами завершения «Онегина». Когда Пушкин хочет подарить Юзефовичу на день рождения чистой автограф «Кавказского пленника», генерал Раевский отнимает у адъютанта рукопись, мотивируя это тем, что именно ему посвящена поэма. Юзефовичу приходится довольствоваться автографом стихотворения «К морю».

Пушкин захватил с собой в путешествие Шекспира в оригинале. Читает брату и его другу отдельные сцены и тут же переводит. Произношение его кажется Юзефовичу, некогда учившему этот язык, странным. На следующий день он зазывает для «экспертизы» своего родственника Чернышева, свободно владеющего английским. Тот смеется, услышав пушкинское чтение, да и сам поэт хохочет, объясняя: английский язык он освоил самоучкой, не имея представления о произношении. Зато понимание языка и качество перевода у Пушкина «эксперт» находит безупречным.

Поэта представляют генерал-фельдмаршалу Паскевичу, графу Эриванскому, командующему отдельным Кавказским корпусом. Тот встречает гостя ласково.

Здесь Пушкин находит товарища по Лицею Владимира Вольховского, младшего брата Ивана Пу-

щина — Михаила, тоже декабриста, разжалованного по суду в рядовые, а теперь дослужившегося до поручика.

Четырнадцатого июня происходит перестрелка с турками. Пушкин садится на лошадь и скачет к аванпостам. Хватает пику убитого казака и рвется в бой. Раевский посылает майора Семичева унять «новобранца-поэта». Но стихотворение «Делибаш» по свежим впечатлениям написано. И рисунок Пушкина останется: там он на коне, в бурке, в круглой шляпе и с пикой в руке.

Не раз доводится Пушкину наблюдать «жаркое дело». 19 июня он по поручению Раевского везет Паскевичу донесение «о совершенном поражении неприятеля». 25 июня объявляется поход на Арзрум, а через два дня, как потом напишет Пушкин, «русское знамя развилось над арзрумской цитаделью».

Пушкин покидает Арзрум 19 июля (по другим данным, 21-го). О своем прощании с Паскевичем он напишет потом: «Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. <...> В тот же день я оставил Арзрум». При этом присутствовал Вольховский, с его слов будет передана иная версия: Паскевич, уставший от безрассудного поведения поэта и не нашедший с ним общего языка, настоял на отъезде, говоря, что жизнь Пушкина «дорога для России».

Пушкин приезжает в Тифлис, где проводит «несколько дней в любезном и веселом обществе». Потом едет на воды. Во Владикавказе встречается с Михаилом Пушиным, у того на столе находит русские журналы. В «Вестнике Европы» — недоброжелательная статья Надеждина о «Полтаве». «Таково было мне первое приветствие в любезном отечест-

ве», — напишет потом Пушкин, завершая «Путешествие в Арзрум». А в «Невском альманахе» за 1829 год помещены шесть виньеток — иллюстраций к «Евгению Онегину», выполненных художником Нотбеком. На одной из них Пушкин и Онегин стоят на набережной Невы с видом на Петропавловскую крепость. Пушкин и сам когда-то сделал набросок на эту тему и просил брата, чтобы тот заказал рисунок профессиональному художнику: «Найди искусный и быстрый карандаш». Но первая глава, как и последующие, вышла без картинок. Теперь же замысел поэта предстал искаженным: и место не совсем то, и Пушкин стоит спиной к Неве. У него тут же рождается эпиграмма, которую он вписывает рядом с картинкой (текст приводим так, как он представлен в воспоминаниях Пущина):

Вот перешедши мост Кокушкин,
Опершись ж<...>й о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С monsieur Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой!

Заметим, кстати, что это редкий случай, когда поэт называет себя по имени, отчеству и фамилии (примечательно, что в комическом контексте). Как поэт он — Александр Пушкин, в быту — Александр Сергеевич. Официально-помпезная модель именованья «Александр Сергеевич Пушкин» утвердится позже. Вообще-то классик — это тот, кого называют одним словом, чья фамилия и есть имя: Пушкин, Гоголь, Лермонтов. (За исключением разве тех случаев, когда имеются однофамильцы, тогда говорят: Лев Толстой.)

А еще одна иллюстрация, где Татьяна (почему-то пышнотелая и с обнаженной правой грудью) пишет письмо Онегину, просто насмешила автора. Он тут же выдает эпиграмму, которую Пушкин запоминает не полностью, не с начала: «Пупок чернеет сквозь рубашку. / Наружу титька — милый вид...» и т. п.

XLVI

Пушкин с Михаилом Пушиным и Руфином Дороховым едут в Горячеводск (позже он будет называться Пятигорском). Потом Пушкин отправляется в Кисловодск, а Пушкин с Дороховым прибывают туда позже, успев проигратися в карты «до копейки». «Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им у Раевского на дороге», — вспомнит потом Пушкин.

Среди новых знакомцев Пушкина — Василий Дуров, младший брат «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Отчаянный игрок и женолюб. Пушкин запомнит и запишет потом в своем фрагментарном цикле «Table-Talk» рассказ Дурова о том, как, будучи городничим в Елабуге, он освободил от наказания кнутом одну рыжую бабу, уже привязанную к столбу, после чего жил «несколько дней с прекрасной каторжницей». Вспомнит Пушкин и бесшабашные фантазии Дурова о том, какими способами он собирается добыть 100 тысяч рублей. И вот этот, как сказали бы сегодня, совершенно отвязный человек становится попутчиком Пушкина, обыгрывает его в карты на пять тысяч.

Из Новочеркасска Пушкин отправляется в Москву один и прибывает туда примерно 20 сентября. Пять месяцев длилось путешествие.

Происходит первая встреча автора с книгой «Стихотворения Александра Пушкина», которая вышла в конце июня. Из гостиницы «Англия» в Глинищевском переулке Пушкин устремляется к Гончаровым, где Наталья Ивановна принимает его весьма прохладно, а с Натальей Николаевной увидеться совсем не удается. Матримониальные планы откладываются на неопределенный срок.

XLVII

В октябре Бенкендорф адресует Пушкину строгий письменный выговор — от имени государя и своего: «...Покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении Вашем сделать сие путешествие». Приходится письменно оправдываться: мол, хотел встретиться со служащим в армии братом, но не застал в Тифлисе армию и т. д., каяться в опрометчивости. Всё это довольно унижительно.

Но состоявшееся путешествие — уже неотъемлемая часть пушкинской жизни. И теперь он отправляет в странствие своего Онегина, по другому, правда, маршруту, намереваясь сделать это восьмой главой романа (потом план перестроится: вместо намеченных девяти глав будет восемь, а «Отрывки из путешествия Онегина» в отдельном издании станут своеобразным «приложением» к основному тексту). А сам автор, наведавшись в Тверскую губернию к Осиповым—Вульф, пофлиртовал в очередной раз с «потолстевшей» Netty — Анной Ивановной Вульф («Вот уж третий день, как я в нее влюблен» — из письма Алексею Вульфу), едет в Пе-

тербург, где останавливается всё в той же гостинице Демута.

Пушкин вновь вливается в литературную жизнь столицы. Дельвиг берется издавать «Литературную газету» по образцу французских периодических изданий. Без политики и без полемики. Злые языки говорят, что барон для такой работы слишком ленив. В качестве редактора Дельвиг привлекает Оresta Сомова, сотрудничавшего прежде с «Сыном отечества» и «Северной пчелой», но выжитого оттуда Булгариным. Услыхав о новой должности Сомова, Булгарин озлобляется и открыто грозит новому изданию своими будущими нападкамии. Публике обещано участие в «Литературной газете» Пушкина, Баратынского и других знаменитостей.

Первый номер выходит 1 января 1830 года. Через два дня Дельвиг уезжает в Москву, оставляя новорожденное издание на попечение Пушкина.

Так начинается год, кульминационный для Пушкина во многих отношениях.

После долгого перерыва он встречается с Каролиной Собаньской, та просит его написать свое имя на странице альбома. Пушкин отвечает стихотворением «Что в имени тебе моем?», которое Собаньская вклеивает в свой альбом, сопровождая датировкой: 5 января 1830.

Сохранились также два черновика пушкинских посланий к Собаньской, написанных по-французски. Они напоминают набросок литературного произведения, адресату дано имя Элеонора. Любовная игра на грани реальности и вымысла облекается в эмоционально напряженные фразы: «Сегодня 9 годовщина того дня, когда я Вас увидел в первый раз. Этот день решил мою судьбу... Я рожден, чтобы Вас любить и следовать за Вами...»

И всё же это, по-видимому, последняя вспышка былого чувства. Пушкин, как это не раз бывало прежде, и в стихах, и в письмах, создает обобщенный образ Женщины, образ женственности как таковой. Каролина Собаньская — одно из воплощений этого «сборного» пушкинского идеала. Она привлекала его и неотразимым кокетством, и авантюристкой характером. Большой степенью витальности, говоря современным языком. Это свойство Пушкин ценит не только в женщинах.

Он не оставляет намерения вырваться за границу. 7 января обращается к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему путешествие во Францию или Италию. Как альтернативный вариант — поездка в Китай в составе отправляющегося туда посольства. Но — увы! Вскоре Пушкин получает ответ: «Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить Вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий». Отказ командировать его в Китай мотивируется тем, что состав делегации уже утвержден и не может быть изменен без согласования с Пекином.

Да, в те времена власть еще не додумалась до того, чтобы отправлять писателей в зарубежные поездки за счет государства, а за это требовать от них идеологического послушания. Пушкина донимают мелочной опекой, делают замечания даже по поводу его манеры одеваться. На балу у французского посла Пушкин появляется во фраке. Это воспринимается как отклонение от «дресс-кода», и царь через Бенкендорфа поучает поэта: дворяне должны в таких случаях надевать «мундир тех губерний, в коих они имеют поместья».

В начале марта Пушкин без спросу отлучается в Москву, заезжая по пути в Малинники. Является в Благородное собрание на благотворительный концерт, где встречается с Натальей Николаевной. Мероприятие отмечено «государевым визитом» — возможно, юная Гончарова именно здесь впервые попадает в поле зрения царя.

И за эту самовольную отлучку Пушкин получит нагоняй от Бенкендорфа. Оправдываясь в ответном письме, он попросит царя защитить его от нападков Булгарина и разрешить поездку в Полтаву, для встречи с опальным Николаем Раевским. Но даже в такой поездке ему будет отказано.

XLVIII

Литературные войны уже утомляют Пушкина. Ему хочется покоя, а путь к мирной жизни — женитьба. Знакомый офицер Иван Лужин беседовал в Москве с матерью и дочерью Гончаровыми и услышал от них «благосклонное слово» о претенденте на руку Натальи Николаевны. Пушкин пользуется этим малым поводом и пишет Наталье Ивановне большое письмо, где не утаивает своих сомнений насчет благополучия чаемого брака, но всё же стоит на своем. А 6 апреля, в Пасхальное воскресенье, отправляется на Большую Никитскую свататься. По дороге заезжает к Нащокину в Николопесковский переулок, чтобы тот одолжил ему фрак. «Нащокинский фрак» отныне станет его талисманом, поскольку на этот раз дело увенчивается успехом.

Родители Пушкина в восторге. Надежда Осиповна обещает, что мадемуазель Гончарова будет ей так же дорога, как родные дети. Сергей Львович, отвечая письмом на известие от сына, впадает в вы-

сокий стиль: «Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день...» Пафос становится умереннее при переходе к материальным расчетам. В итоге отец передаст сыну «в вечное и потомственное владение» 200 душ в сельце Кистеневе Нижегородской губернии.

Пушкин «очарован и огончарован» — острит брат Лев. Эту шутку подхватывают и дядя Василий Львович, и Екатерина Ушакова, всё еще полагая насчет «нашего самодержавного поэта», что он, «наверное, притворяется по привычке» (из ее письма брату). На обеде у Ушаковых Пушкин ни словом не обмолвился о предстоящей женитьбе.

Вслед за родителями он оповещает о предстоящем событии верховную власть. Пишет Бенкендорфу 16 апреля 1830 года: «Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую Вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное положение и мое положение относительно правительства». Пушкин, по сути, просит о политической реабилитации, при этом отнюдь не желая превращаться в чиновника: «Мне не может подойти подчиненная должность, какую я только могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности».

Такова позиция литератора-профессионала, отстаивающего свое право полностью посвятить жизнь главному делу. Для сравнения: Вяземский в то же самое время после долгого перерыва возвращается на госслужбу. Он становится чиновником по особым поручениям Министерства финансов, во главе которого стоит Е. Ф. Канкрин. «Я также со

вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее», — невесело шутит он в письме Пушкину. Тут же он советует: «Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей».

Совет дельный, но запоздалый: Пушкин уже завершил свое письмо Бенкендорфу именно просьбой об издании «Бориса Годунова». Причем он желает «напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным». «Эстетические» придирики царя (или его «экспертов») он вежливо, но решительно отклоняет.

И добивается своего. 28 апреля получает от царя через Бенкендорфа снисходительное одобрение женитьбы вкупе с отеческими наставлениями, а главное — в самом конце одна фраза о трагедии: «Его Императорское Величество разрешает Вам напечатать ее за Вашей личной ответственностью».

Шестого мая — помолвка. Затем — хлопоты по имущественным делам. Переписка с Плетневым и Погодиным по поводу гонораров: друзья бьются за то, чтобы выжать для Пушкина максимум доходов от всех изданий, в том числе будущих. Родители невесты дать приданое не в состоянии. Правда, дед Натальи Афанасий Николаевич Гончаров, уже растративший изрядное состояние, сулит молодым 300 душ и в придачу — бронзовую статую Екатерины II, которую можно продать на переплавку (Николай I даже даст на это разрешение, но до конца дело доведено не будет). Невеста и жених отправляются с визитом в имение деда невесты Полотняный Завод, что в Калужской губернии.

А 26 мая, в день рождения Пушкина*, двое калужан — владелец книжного магазина Антипин и мещанин Абакумов — пешком приходят в Полотняный Завод (а это верст двадцать от города), чтобы выразить почтение поэту. Получают от него автограф — записку с благодарностью за лестное внимание почтенных соотечественников. Уносят как реликвию.

«Поэт, не дорожи любовью народной...» — так начнется знаменитый пушкинский сонет «Поэту», который он напишет буквально через месяц, в начале июля. Опять-таки это гипербола мысли, художественное ее заострение. Любовью реальных читателей, особенно из народа, поэт отнюдь не тяготится.

Пушкин проводит три недели в Петербурге. О его настроении свидетельствует, например, такая запись в дневнике австрийского посла Фикельмона: «...Он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, и теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда еще он не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре».

Тридцатого июля Пушкин пишет из Петербурга невесте: «Прекрасные дамы просят меня показать Ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на Вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей». Это о старинной копии с «Бриджутерской мадонны» Рафаэля, выставленной на продажу в витрине книжной лавки на Невском проспекте.

К этому времени уже написано стихотворение «Картина (Сонет)», которое потом будет названо «Мадона» [так], завершающееся строкой «Чистойшей прелести чистейший образец». Оно для рус-

* По старому стилю.

ской культуры станет знаковым: это своеобразная эмблема любовно-эстетического отношения поэта к его избраннице.

В Москву Пушкин приезжает вместе с Вяземским и останавливается в его доме. Навещает смертельно больного дядю Василия Львовича. Тот, увидев племянника и коллегу, вдруг оживает для профессионального разговора. «Как скучен Катенин!» — отзывается он о критических статьях известного поэта и критика, опубликованных в «Литературной газете».

Так прощаются два Пушкина. На следующий день Василий Львович угасает в возрасте шестидесяти четырех лет. Похороны оплачивает племянник.

Траур по дяде отдаляет свадьбу. И вообще над ней нависает угроза. Наталья Ивановна устраивает будущему зятю «нелепую сцену», как он о том пишет княгине Вере Вяземской, добавляя: «Ах, что за проклятая штука счастье!»

Пушкину надо ехать в Нижегородскую губернию, и на прощание он пишет невесте: «Если Ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а Вы решили повиноваться ей — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера...» И дальше, уже без сарказма, с отважной прямоотой: «Во всяком случае Вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам, или никогда не женюсь».

С юга по Волге идет холера. Но Пушкина это не останавливает. Вяземский и Погодин провожают его. По дороге он видит, что Макарьевская ярмар-

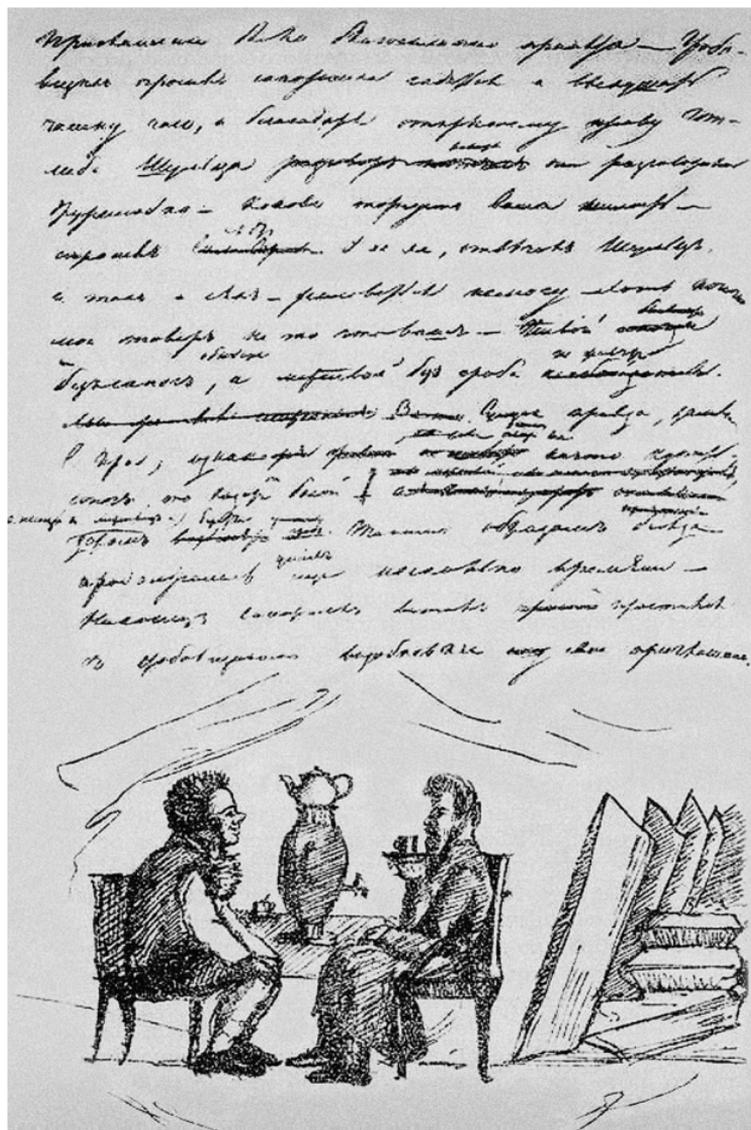
ка, проходившая в Нижнем Новгороде, уже разогнана страхом холеры. Возвращаться Пушкин считает малодушием — он едет, как потом напишет в своих записках, словно на поединок. 3 или 4 сентября прибывает в наследственное имение Болдино, само название которого впоследствии станет символом бурного вдохновения и фантастической литературной продуктивности.

XLIX

Небогатый одноэтажный дом с мезонином. Тихо. Степь кругом. Соседей ни души. Можно вволю ездить верхом и писать. Настроение Пушкина противоречиво: то он рад тому, что убежал от жизни, то снова скучает по ней. Эта непрерывная смена намерений и создает необходимый ритм письма. У человека-мира два полюса: склонность к уединению и общительность. Напряжение между ними — источник творчества. Той осенью оно достигло максимума — в этом возможное объяснение болдинского прорыва.

Седьмого сентября готово стихотворение «Бесы» — самое, быть может, тревожное из пушкинских произведений. Новый трагический символ потом даст имя пророческому роману Достоевского. «Закружились бесы разны...» — это отзовется и в русской поэзии XX века, особенно в блоковских «Двенадцати».

А уже на следующий день рождается «Элегия», исполненная мудрости и философского стоицизма. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» — в этом стихе поначалу было «мыслить и мечтать», но замена глагола укрупнила смысл, придала ему парадок-

«Гробовщик». Рисунок Пушкина на рукописи

сальную новизну. Необходимость страдания — это опять-таки предсказывает «достоевскую» этику. А финал трогательно прост:

И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Девятого сентября с налету пишется повесть «Гробовщик», герой которой Адриан Прохоров переезжает с Басманной (неподалеку от которой родился автор) на Никитскую (где обитает его невеста). И тут же автор получает желанное послание: под текстом «Гробовщика» в тетради значится: «Письмо от Nat.». Письмо не сохранится, но главное его содержание станет известно из письма Пушкина Плетневу того же дня: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого».

Теперь можно и пошутить: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать». И закончить письмо другу весьма ирриво: «Прости ж, моя милая».

Затем пишется «Сказка о попе и работнике его Балде». При жизни поэта она опубликована не будет, да и потом, чтобы протащить ее в печать, Жуковский самочинно заменит «поп толоконный лоб» на «купец Кузьма Остолоп». Сатира на лиц духовного звания недопустима.

Далее — проза. «Станционный смотритель». Еще одна новая экологическая «ниша» русской прозы. С главного героя Самсона Вырина начнется литературная история «маленького человека». Хотя глубинный смысл повести всё-таки в том, что маленьких людей не бывает. Так ее прочтет Достоевский и свою интерпретацию вложит в уста Макара Деушкина в «Бедных людях».

Рассказчик в новой пушкинской прозе не тождествен автору. «Я» здесь совсем не то, что в «Евгении Онегине». Для «Гробовщика» и «Станционного смотрителя» придумывается особенный фиктивный «соавтор». Поначалу он назван Петром Ивановичем, но вскоре станет Иваном Петровичем и получит фамилию Белкин. 20 сентября к двум повестям добавится «Барышня-крестьянка», а до и после нее стремительно пишутся строфы «Евгения Онегина».

Онегин отправлен в путешествие (оно пока числится восьмой главой), затем пишется последняя, девятая. 25 сентября подведена черта под романом в стихах, подсчитано, что писался он «7 лет, 4 месяца, 17 дней».

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Так начинается шестистрочное прощание автора с любимым произведением. Стих — стилизация в античном духе, сочетание гекзаметров с пентаметрами. В Болдине Пушкин читает «Илиаду», переведенную год назад Николаем Гнедичем. Эпопея Гомера — всемирный символ и эталон художественности. «Евгений Онегин» станет таковым для отечественной словесности. «Свой подвиг свершив» — в этих словах осознание поэтом масштаба завершённого труда. Много лет спустя и Лев Толстой скажет о «Войне и мире»: «Без ложной скромности это — как “Илиада”».

Главный творческий прием Пушкина — поэтический нарратив, соединение стихового ритма с повествованием. «Евгений Онегин» — самое пушкинское из всех произведений автора. Оно дает ключ ко всему, что написано до и после.

Л

Начинается череда прощаний с женщинами, оставившими след в судьбе Пушкина. 4 октября дана «домовая отпускная» Ольге Калашниковой (получив вольную, она через год выйдет замуж за мелкопоместного дворянина). А на следующий день — окончательное расставание с ЕВ (монограмма Елизаветы Воронцовой): «В последний раз твой образ милый / Дерзаю мысленно ласкать...»

Роман с этой женщиной продолжался и на расстоянии, оказался он длиною в семь лет — примерно как «Евгений Онегин». Страсть, соизмеримая с целой жизнью, — вот что такое у Пушкина подлинная любовь. Потому поэтическое прощание с Женщиной-Жизнью вбирает всё, что было с автором и что еще может произойти:

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

А в конце ноября Пушкин напишет последнее стихотворение, обращенное к Амалии Ризнич, — «Для берегов отчизны дальней». Она умерла пять лет назад, и любовь, казалось, прошла бесповоротно. «Не нахожу ни слез, ни пени», — написано в 1826 году. Теперь же — мысль и чувство движутся от смерти — к будущему, к жизни вечной:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

II

Пушкину пишется как никогда — и в то же время не сидится ему в болдинской изоляции. 30 сентября он едет к княгине Голицыной (по всей видимости, Анне Сергеевне; есть и другие дамы с тем же именем и с тем же титулом), чье имение находится на большой дороге, чтобы разузнать у нее, сколько карантинных выставлено на пути к Москве. Поездка напрасная, да к тому же придется потом объясняться с невестой, ревниво воспринявшей весть о контактах жениха с посторонней княгиней.

Вторую отчаянную попытку он предпринимает в ноябре. Доезжает до уездного города Лукоянова, затем до первого поста, где его заворачивают назад. А тут еще слухи, что к Наталье Николаевне посватался ее давний обожатель по фамилии Давыдов.

Встревоженный Пушкин 18 ноября жалуется невесте: «Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, быть может, сообщит, что вы вышли замуж. <...> Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение». Писано по-французски, а «мой ангел» вставлено по-русски.

Куда влечет в это время Пушкина его свободный творческий ум?

В самые разные стороны. В начале октября он напишет веселую поэму, которая потом получит название «Домик в Коломне». Октава, изысканная восьмистрочная строфа итальянского происхождения, применена для изложения анекдотического сюжета: влюбленный в девушку Парашу кавалер наряжается в женское платье и под именем Мавруши нанимается к матери своей пассии в кухарки. В финале кухарку застают за бритьем. После чего следуют явно пародийная «мораль» и дразнящее за-

вершение: «Больше ничего / Не выжмешь из рассказа моего».

Потом появляется предельно серьезный «Выстрел» с неразрешенной житейской дилеммой: надо ли отстаивать свою гордость до конца, как Сильвио, — или можно и поступиться ею, как это делает граф? В самом авторе живут оба эти характера. Свою литературную дуэль с Булгариным он продолжает и в Болдине.

Следующая «белкинская» повесть — «Метель», на полях которой в день лицейской годовщины появляется короткая запись: «19 окт. сожж. X песнь». Это о десятой главе «Евгения Онегина», где повествовалось о тайных сходках будущих декабристов. На эти собрания заглядывал сам автор. «Читал свои нозели Пушкин», — говорилось в третьем лице, побывать там предстояло, по-видимому, и Онегину. Не только печатать такое, но и писать — явный криминал. Потому автор свой недописанный текст сжигает.

Но при этом уцелевают несколько рукописных листов, на которых в загадочном порядке смонтированы строки из разных строф. Разобраться в этой тайнописи не смогут ни жандармский генерал Дубельт, в руках которого окажется пушкинский архив, ни первый текстолог поэта Павел Анненков. Лишь в 1910 году академик Петр Морозов найдет ключ к зашифрованному тексту и догадается, что это фрагменты десятой главы. Они станут печататься в собраниях сочинений Пушкина вслед за основным текстом «Евгения Онегина» с неизбежными отточиями — лишь две строфы предстанут полностью. Полемика пушкинистов по поводу прочтения отдельных мест этого текста продолжается по сей день, а поэт Андрей Чернов предложил свою творческую реконструкцию десятой главы, став своеобразным «соавтором» классика.

ЛП

От романтично-ироничной «Метели» с ее эффектным хеппи-эндом автор совершает скачок к стихотворной пьесе «Скупой рыцарь». С нее начнется драматический цикл, куда войдут «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» (новая версия вечной темы Дон Жуана — у Пушкина этот персонаж транскрибируется как Дон Гуан), «Пир во время чумы». Представляя в письме Плетневу из Москвы от 9 декабря свой грандиозный «творческий отчет» о работе в Болдине, Пушкин напишет: «Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий...» Впоследствии выражение «маленькие трагедии» станет неофициальным наименованием цикла, в XX веке под таким названием появятся театральные спектакли и кинофильмы.

«Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений», — сообщается в том же послании. Среди этих «мелочей» — легендарные «Бесы» и «Элегия», а также «Дорожные жалобы», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», «Герой», «В начале жизни школу помню я...». Примечательна широта лирического диапазона — от строгих стилизаций в античном духе («Труд», «Царскосельская статуя», «Рифма», «Отрок») — до субъективно-иррациональных ассоциаций в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы», предвосхищающих символистскую поэзию рубежа XIX—XX веков.

А еще в Болдине написаны важные тексты, которые можно отнести к литературной критике и эссеистике (хотя такого слова в ту пору не было).

«Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы». «Где нет любви к искусству, там нет и критики».

A. Nyman

Прасковья
Осипова-Вульф

Евпраксия Вревская,
урожденная Вульф

Анна Вульф.
Рисунок Пушкина

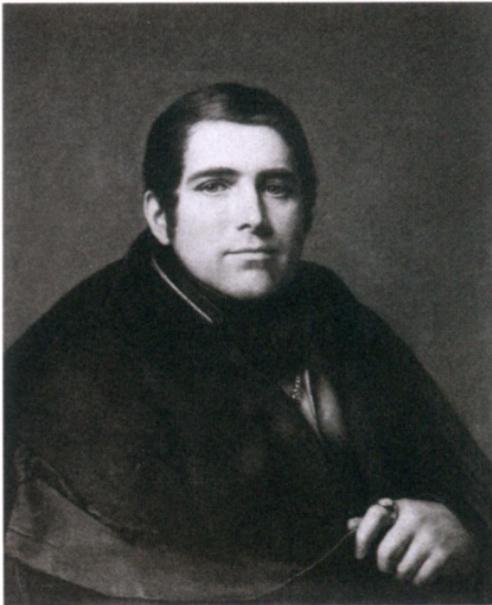

Тригорское.
Рисунок Пушкина

Николай I

Петр Плетнев

Александр
Бенкендорф

Дом Веневитиновых
в Москве,
где Пушкин читал
«Бориса Годунова»

Перстень
Пушкина.
С ним
он изображен
на портрете
работы
В. Тропинина

Портрет
Пушкина
работы
В. Тропинина.
1827 г.

Рисунок Пушкина
к поэме
«Домик в Коломне»

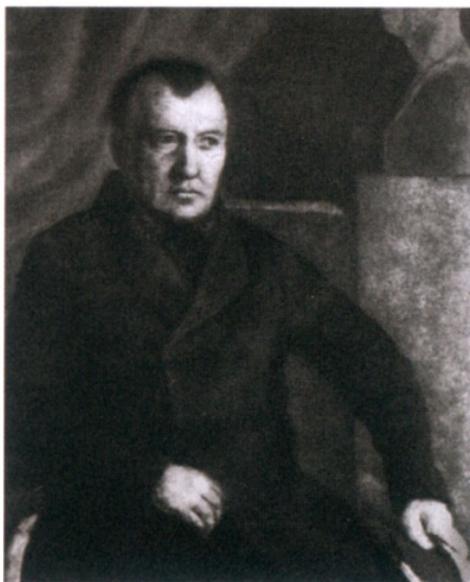

Усадьба Пушкина
в Болдине

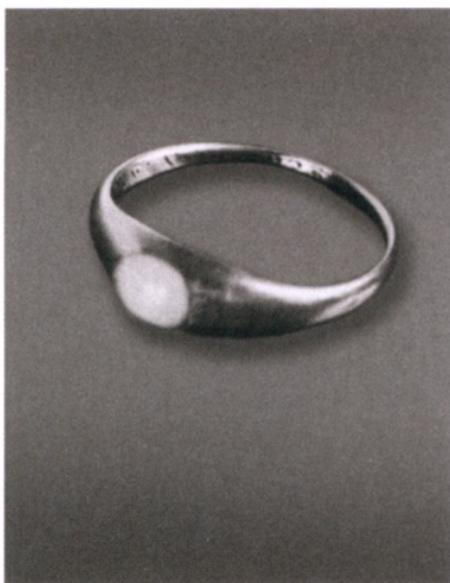

Вера Нашокина

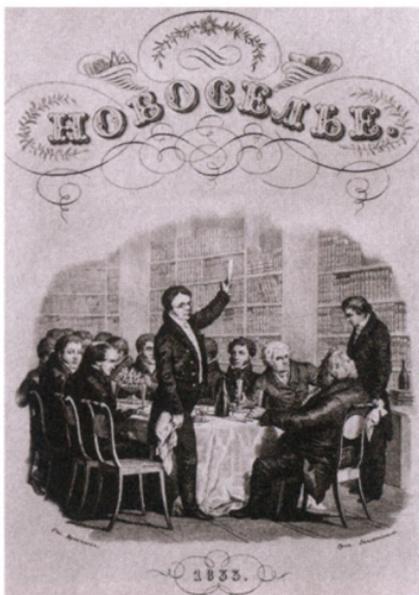

Павел Нашокин

Наталья Николаевна
Пушкина.
Художник А. Брюллов.
1831—1832 гг.

Золотое кольцо
с бирюзой —
подарок Пушкина
жене к годовщине
помолвки

Альманах «Новоселье».
1833 г.

Церковь
Большого Вознесения
в Москве

Александра
Смирнова-Россет

Дом Китаевой
в Царском Селе

Пушкин и Онегин.

Гравюра Е. Гейтмана по рисунку А. Нотбека. 1829 г.

**Дом-музей Пушкина
на набережной
Мойки**

**Кабинет Пушкина
в доме на Мойке**

Жорж
Дантес-Геккери

Дуэль Пушкина
с Дантесом.
Художник А. Наумов

Дети Пушкина. Рисунок Н. И. Фризенгоф. 1841 г.

Конюшенная церковь, где отпевали Пушкина

Памятник Пушкину в Москве

«Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще».

«Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?»

Все эти пушкинские афористические высказывания — из статей и заметок Болдинской осени. Эти три месяца — и нечто из ряда вон выходящее, и наглядная модель всего пушкинского мира. Здесь всё есть, все темы, жанры, стили. Еще одна жизнь прожита между сватовством и женитьбой.

ЛШ

Пятого декабря, помаявшись в карантинах на подступах к Москве, Пушкин приезжает в привычную для него гостиницу «Англия» в Глинцевском переулке.

Сразу погружается в поиски денег, просит Нащокина добыть займы две тысячи. Часто видится с невестой, выдерживает нападки озлобленной тещи. Наведывается в Остафьево к Вяземскому, тот находит, что друг его «в ударе».

Отпечатан наконец «Борис Годунов». Не обошлось без цензурных изъятий. Весь тираж закуплен Смирдиным и продается по десять рублей (с доставкой — одиннадцать). В первый же день продано 400 экземпляров.

Новый, 1831 год Пушкин встречает «с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной» (из письма Вяземскому). Речь идет о хоре Ильи Соколова и одной из его солисток. А начинается год с журнальных нападок на только что изданную трагедию. В «Северном Меркурии» Михаил Бестужев-

Рюмин за подписью «Издатель» помещает ядовитую реплику, переходящую в «куплетец»:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый год!..

Будут и другие насочки. И не только профессиональные зоилы осуждают «Годунова». Многие читатели искренне не понимают этого произведения и в письмах друг к другу зло о нем отзываются. «“Борис Годунов” слаб», — пишет лицейский директор Энгельгардт. «Галиматъя в шекспировском роде» — таков отзыв актера Василия Каратыгина. Михаил Погодин 20 января записывает в дневнике: «Все бранят “Годунова”».

Пушкин в «Борисе Годунове» опередил господствующие эстетические вкусы. И критики, и читатели редко умеют оценить по достоинству художественную новизну. Особенно когда она предстает не в вычурных, а в непривычно простых и свободных формах. И ясный, естественный язык начинают обычно ценить с большим историческим опозданием.

Неожиданное одобрение получает Пушкин от одного придирчивого читателя. «Его величество Государь Император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с большим удовольствием», — сообщает Бенкендорф. Вот уж неожиданность.

Защищать «Бориса Годунова» в прессе берется Дельвиг. Он пишет статью для «Литературной газеты», но внезапно заболевает «гнилой лихорадкой» и вечером 14 января умирает. Пушкин узнает об этом через четыре дня. «Вот первая смерть, мной оплаканная», — пишет он Плетневу. «...Постараемся быть живы» — такими словами заканчивается письмо.

Пушкин будет стараться — до конца.

LIV

Он присматривает дом на Арбате, между церквями Николы в Плотниках и Святой Троицы. Через маклерскую контору нанимает там квартиру на втором этаже. Ссужает 11 тысяч будущей теще на приданое невесте и на свадебные расходы. Пришлось для этого заложить болдинское имение.

Дня за два до свадьбы на Пушкина накатывает грусть. В доме у Нащокина встречает он ту самую цыганку Таню, пение которой слушал под Новый год. Просит ее спеть «на счастье». Как-то невесело звучит Танин голос:

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Недоброе предчувствие эти кони навеяли. Пушкин плачет, схватившись за голову, потом, не прощаясь, уезжает.

Семнадцатого февраля — мальчишник, или, как еще тогда говорили, «холостой обед». В дом на Арбате приглашены самые близкие: Нащокин, Вяземский, Баратынский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский... Руководит застольем братец Лев. Опять Пушкин грустен. Вечером он отправляется к невесте.

И вот среда, 18-е. Теща опять капризничает: на карету нет денег или еще на что-то там. Зять опять раскошеливается. Венчание происходит в церкви Большого Вознесения (Гончаровы живут в ее приходе).

Не обходится без накладок. Проходя согласно обряду вокруг аналая, молодые его задевают. Крест падает. Когда обмениваются кольцами, одно из них падает на пол. Дурные знаки...

Но свадебный обед в доме на Арбате проходит как надо. Туда заранее приезжают Нащокин с Вяземским, и десятилетний сын Вяземского Павел (ему три года назад Пушкин адресовал альбомный экспромт: «Душа моя Павел, держись моих правил...») исполняет роль «иконофора», встречая молодоженов с образом в руках. Гости любуются красотой новобрачной и радуются веселости супруга, который, увлекшись, говорит о русских былинах, о звучности народного языка.

«Я женат — и счастлив» — эти слова из письма Плетневу от 24 февраля вполне искренни. Он отдал достаточную дань донжуанству, романтике приятельских пирушек и оргий, культу мужского одиночества. Летом 1826 года он еще писал Вяземскому в нарочито фривольном духе: «Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная п<...>а — род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу». Но вспомним, что едва Пушкин получил свободу, как тут же кинулся свататься к почти незнакомой однофамилице. Почувствовал, как «холостит душу» холостяцкая неприкаянность.

«Благое супружество» — новый для Пушкина

опыт. И эмоциональный, и чувственный. Как художник он умеет ценить новизну и пользоваться ею.

Проведя три месяца в Первопрестольной, молодые супруги отправляются в Царское Село, где Плетнев уже снял им на лето дачный дом.

По пути останавливаются в Петербурге в гостинице Демута на набережной Мойки (забегая вперед отметим, что, поменяв несколько адресов, Пушкины поселятся совсем рядом на той же Мойке). Успевают за неделю встретиться со многими. Давние пушкинские друзья и знакомые благосклонно принимают Наталью Николаевну. Ее красоту хвалят и Элиза Хитрово, и дочь ее Дарья Фикельмон, и Екатерина Андреевна Карамзина, и ее падчерица Софья. Дамы находят, что женитьба пошла Пушкину на пользу. Долли Фикельмон, впрочем, ощущает некоторую тревогу. «Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение лица похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем...» — пишет она Вяземскому.

Двадцатого мая Пушкин посещает Плетнева. Тот представляет ему молодого писателя Николая Гоголя, произведений которого Пушкин пока не читал.

LV

Дом Китаевой в Царском Селе. Здесь десять комнат, открытая веранда, балкон. В мезонине Пушкин устраивает себе кабинет. Из Москвы потом придет обоз с вещами.

Утром, приняв холодную ванну и выпив чаю, Пушкин отправляется в кабинет. Работает, балуя

себя в минуты отдыха вареньем из крыжовника, до которого он большой охотник.

Потом прогуливается с женой возле озера. Обитатели Царского Села ходят поглядеть на поэта и на Наталью Николаевну — в белом платье, в красной шали и круглой шляпе.

Обретенная Пушкиным семейная гармония располагает его к поискам надежных основ исторического бытия. Всякие волевые попытки повернуть естественный ход событий видятся ему в негативном свете. Критически анализирует он в своих записках французскую революцию 1830 года. Прочитав неудачный роман Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», Пушкин принимается за собственное прозаическое повествование на ту же тему. Пишет от женского лица, чтобы патриотический пафос звучал интимнее, человечнее.

Он начинает мыслить как политик, и его стратегия — преодоление военных конфликтов. Большую угрозу видит он в Польском восстании, начавшемся в конце ноября 1830 года. Польша тогда объявила о своей независимости, а в феврале 1831 года в нее вошли русские войска. Симпатии Западной Европы на стороне поляков, и это, по мнению Пушкина, может обернуться бедой для России. «С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без Европейской войны. Дай-то Бог», — пишет он Нащокину.

По России гуляет холера. В Витебске от нее умирает великий князь Константин Павлович. Добирается зараза и до Петербурга, где на этой почве возникает страшный бунт простонародья: из лечебницы выбрасывают больных, убивают врачей. На Сенной площади появляется император Николай и призывает толпу к порядку.

В июле императорский двор приезжает в Царское Село. Незадолго до этого Пушкин обращается к Бенкендорфу с несколькими просьбами и проектами. Напоминает, что до сих пор пребывает в том чине, с которым вышел из Лицея, что ему полагается повышение на две ступени. Готов трудиться. Возможным делом ему видится редактирование «политического и литературного журнала» с явно утопической установкой приблизить к правительству «писателей с дарованиями». Может быть, Пушкин и сам осознает «непроходимость» такого предложения. Потому завершает послание просьбой разрешить ему пользоваться государственными архивами с целью написать «Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

Утром 22 июля в парке происходит случайная встреча четы Пушкиных с императорской четой. По ходу разговора Николай I упоминает о своем желании получить от нидерландского короля домик Петра I в Саардаме. Пушкин отвечает, что в таком случае просит назначить его в дворники. К этому моменту царь уже дал распоряжение о зачислении Пушкина в Коллегию иностранных дел «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого».

Царь о Пушкине говорит с высокомерной иронией: мол, он женат и небогат, надо дать ему средства. И Пушкин в письмах друзьям довольно ироничен: «Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики» (из письма Нащокину). Отношения достаточно дистанционны.

В составе царской свиты приезжают Жуковский — как наставник наследника престола (будущего императора Александра II) и 22-летняя фрейлина Александра Россет — умная, образован-

ная, изощренная в искусстве литературной беседы (вскоре она выйдет замуж за камер-юнкера Николая Смирнова). Пушкин любит с ней поговорить, что вызывает порой ревность Натальи Николаевны.

LVI

У Жуковского с Пушкиным этим летом возникают две общие литературные затеи. Одна — соревнование в сказочном жанре. Жуковский сочиняет «Сказку о царе Берендее» и «Спящую царевну», Пушкин — «Сказку о царе Салтане». Другой совместный проект — политические стихи, отклик на польские события. 2 августа Пушкин пишет пространное стихотворение «Клеветникам России», где обращается к французским парламентариям и журналистам, осуждающим подавление Польского восстания:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?

Через две недели Жуковский передает рукопись царю и царице. Стихи приняты благосклонно.

Двадцать шестого августа у Натальи Николаевны именины, на следующий день ей исполняется 19 лет, а 4 сентября она представлена императрице Александре Федоровне. В тот же день ротмистр Суворов, внук легендарного фельдмаршала, доставляет в Царское Село известие о том, что русские войска 26 августа взяли Варшаву, войдя в ее предместье под названием Прага.

Пятого сентября у Пушкина готово новое политическое стихотворение — «Бородинская годовщина». В нем обыграно совпадение даты взятия

Варшавы с «некруглой» девятнадцатилетней годовщиной Бородинского сражения. К побежденным полякам автор великодушен, а вот высокомерной Европе напоминает о событиях 1812 года, не советуя повторять попытку интервенции.

Жуковский прикладывает к двум стихотворениям Пушкина свою «Старую песню на новый лад», и в итоге составляется книжечка-брошюра. С одобрения Николая I она выходит в свет, отпечатанная в военной типографии небольшим тиражом в 200 экземпляров. Стихотворение «Клеветникам России» перепечатывает газета «Русский инвалид».

Книжечка имеет успех в официальных кругах, ее патриотический пафос импонирует и большей части публики. Недовольно только либеральное меньшинство: оно считает, что Пушкин с Жуковским угождают власти. Вяземский называет такие стихи «шинельными». Он полагает, что «нравственная победа» на стороне поляков, а русским гордиться совершенно нечем.

Подобные мнения на страницы прессы, конечно, не проникают. Споры ведутся в устных разговорах, в письмах, в записных книжках (как в случае с Вяземским). Пушкина неожиданно поддерживает Чаадаев. «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание», — пишет он автору «Клеветников России» и «Бородинской годовщины».

«Народные витии» Западной Европы об этих стихах Пушкина не услышат и никак на них не откликнутся, что сразу предсказал ехидный Вяземский. Да и российская правительственная бюрократия не очень заинтересована в продвижении патриотических стихов на Запад. «То спор славян между собою» — эта строка из «Клеветников Рос-

сии» окажется пророческой в нежелательном для автора смысле.

А что потом? Когда Пушкина посмертно назовут «солнцем русской поэзии», его имперские стихи 1831 года станут для прогрессивной общественности своего рода «пятнами на солнце». В советское время они будут замалчиваться, поскольку противоречат схематическому мифу о Пушкине-революционере, друге декабристов, борце с самодержавием и его жертве. В начале XXI века вопрос об оценке этих стихов, о их месте в поэзии Пушкина останется открытым. Современный читатель волен решать его по-своему. А помочь тут может пушкинское стихотворение «Эхо», написанное как раз по завершении «Бородинской годовщины»:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Поэт — эхо, откликающееся «на всякий звук». Этим достигается универсальность творимой художником картины мира. Существует в мире и такой «звук», как патриотическая гордость. Он не остался без пушкинского поэтического «ответа». Без «государственнических» стихов мир Пушкина был бы неполон.

Вскоре, по прочтении «Сказки о царе Салтане»,

Николай Гнедич назовет Пушкина «протеем». Протей в греческой мифологии — божество, способное менять облики. Пушкин как художник перевоплощается и в тираноборца, и в правителя, он умеет ощутить себя и отдельной личностью, и целым государством.

«Протеизм» — это не бесхарактерность, не приспособленчество. Это всеотзывчивость. Свойство не просто большого таланта, а художественного гения, человека-мира. Он творит бескорыстно, не придавая значения ни хвале, ни хуле. В сущности своей искусство самодостаточно и ни в чьем ответе не нуждается: «Тебе ж нет отзыва...»

LVII

Пушкины переезжают из Царского Села в Петербург. Нанятая квартира им не нравится. Дмитрий Николаевич Гончаров живет на Галерной, там же он находит жилье для сестры с мужем, в доме Брискорн, где они и поселяются 21 октября.

Выходит в свет книга «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». К Пушкину заходит юный выпускник Лицея Павел Миллер. Видит книгу на столе и спрашивает: «Кто этот Белкин?» В ответ слышит:

— Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно.

Но простота, краткость и ясность пушкинской прозы будут оценены не сразу. Не только при жизни автора, но и потом долго будут преобладать скептические оценки. Белинский отнесет «Повести Белкина» к «беллетристике». Лев Толстой скажет: «Повести Пушкина голы как-то», хотя сам в поздней своей прозе повернет в сторону аскетизма и ла-

конизма. А подлинным наследником Пушкина-прозаика станет Чехов.

Простота и сложность — два полюса искусства. Оба необходимы. За простотой, обретенной писателем в конце, в итоге пути, — небывалая глубина. «Она всего нужнее людям, но сложное понятней им», — скажет потом о такой «неслыханной простоте» Пастернак. За чрезмерную сложность художник платит непониманием профанов. За «неслыханную простоту» — недооценкой эстетов.

Начинается процесс оформления Пушкина на службу. Министр иностранных дел Нессельроде спрашивает императора, каким чином определить «известного нашего поэта». Ответ: отставного коллежского секретаря принять в службу тем же чином (полученным, вспомним, по окончании Лицея). Годовое жалованье — пять тысяч рублей в год, тоже весьма скромное.

Шестого декабря, по случаю «тезоименитства» Николая I, подготовлен пакет высочайших указов о награждениях и повышениях. Согласно одному из них коллежский секретарь Пушкин произведен в титулярные советники. То есть карьерный рост достиг отметки девятого класса по Табели о рангах. Приличные чины начинаются с восьмого, с коллежского асессора (вспомним, что Фамусов безродному Молчалину «дал чин асессора»). Недаром Пушкин за год до того саркастически писал в «Моей родословной»:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Царь, кстати, «Мою родословную» распространять не рекомендует, находя в этих стихах «много остроумия, но более всего желчи». Стихотворение между тем не столько остроумно, сколько парадоксально.

Пушкин спорит с теми, кто ставит ему в вину «аристократизм», — и вместе с тем не отрекается от своего происхождения, гордится своими предками. Есть аристократы, достигшие знатности ценой унижений и хитрости, угодившие «из грязи в князи». Они Пушкину чужды: «Не торговал мой дед блинами, не ваксил царских сапогов...» Своих предков Пушкин видит людьми гордыми, независимыми, готовыми пожертвовать и свободой, и жизнью ради блага отечества. И неважно, что поэт порой что-то домысливает, идеализирует и даже мифологизирует, — важна сама идея аристократизма («аристократия» по-гречески — «власть лучших») как воплощения нравственной высоты и благородства:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

«Нижегородский мещанин» — это Кузьма Минин, создавший в 1612 году земское ополчение вместе с аристократом князем Пожарским. Истинный аристократизм состоит не в презрении к «простым людям», а в великодушном чувстве равенства со всеми на свете. В первоначальном тексте стихотворения был эпиграф из песни Беранже: «Je suis vilain...» («Я простолюдин...»). Демонстративно называть себя «простолюдином» — это особенный аристократический шик.

Аристократический демократизм — это и вектор пушкинского творческого пути. Как художник

он идет к кристальной ясности, доступности — не в ущерб глубине. «Повести Белкина» — наглядное тому доказательство.

В качестве титулярного советника Пушкин зачислен в Коллегию иностранных дел с начала 1832 года, а 27 января он принимает присягу и дает расписку о непринадлежности к тайным обществам и масонским ломам.

К читателям приходит восьмая глава «Евгения Онегина» (до издания романа единым томом остается еще год с небольшим). И примерно в это же время бывший «архивный юноша» и добрый знакомый поэта Николай Мельгунов пишет Степану Шевыреву: «В нашей литературе настает кризис: это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходит мода, но он уже явно упадает талантом».

Евгений Баратынский, одобрявший первые главы «Онегина», по завершении романа отзывается о нем весьма прохладно. «...Форма принадлежит Байрону, тон тоже. <...> Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен», — пишет он Ивану Киреевскому.

Еще раньше от «Онегина» отрекся Николай Языков. Баратынский и Языков — самые сильные поэтические соратники Пушкина (Жуковский — иное, он предшественник и учитель). Обоих он обессмертил в «Онегине», адресовав им сердечные приветы («Певец Пиров и грусти томной...» — о Баратынском в третьей главе; «Так ты, Языков вдохновенный...» в четвертой главе). Но расходятся пути поэтов. Ничего не поделаешь, и не стоит верить в позднейший миф о «пушкинской плеяде», довольно далекий от реальности.

В отношениях между писателями импульс отталкивания сильнее, чем тяга к сближению. Сплотить поэтов и прозаиков в стройные ряды, как правило, никому не удается. Одна из первых попыток в этом направлении — литературный обед, устроенный 19 марта 1832 года книгопродавцем и издателем Александром Смирдиным. Акция приурочена к переезду смирдинского книжного магазина с Мойки на Невский проспект, в дом напротив Казанского собора.

Стол в зале для чтения накрыт на 80 персон. Тут, как потом вспомнят современники, «и обиженные, и обидчики». Не обходится и без агентов-доносчиков. Звучат тосты за здоровье государя императора, потом за звезд российской словесности: Крылова, Жуковского, Пушкина, Дмитриева, Батюшкова, Гнедича. Присутствуют Вяземский, Гоголь, Владимир Одоевский, Плетнев, Сенковский... Знаменитый графоман граф Хвостов тоже тут. Кстати, после того, как выпили за Крылова, великий баснописец захотел провозгласить тост за Пушкина, но его остановили: следующим должен быть Жуковский, а Пушкин уж потом.

Пушкин весел и оживлен. Сыплет остротами. Замечает, что цензор Василий Семенов (в прошлом лицеист) сидит между двумя редакторами официозной газеты «Северная пчела» Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. И кричит, сидя в отдалении: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе!» То есть между двумя разбойниками. Общий смех, и сам же Греч шлет остроумцу воздушный поцелуй. Булгарин, однако, в очередной раз затаит злобу.

Нет мира между литераторами, но временные перемирия возможны.

А одного из «разбойников» — Греча — Пушкин потом попробует привлечь к собственному проекту — изданию газеты «Дневник». В конце мая он получит на это устное разрешение Бенкендорфа. Хочется посостязаться с «Северной пчелой», имеющей десять тысяч подписчиков и приносящей не меньше 80 тысяч годового дохода. В сентябре даже будет изготовлен макет. Но потом Пушкин сам охладеет к затее издания в проправительственном формате. Медийный бизнес требует особенной деловой хватки, некоторой доли житейского цинизма. Среди пушкинских дарований такого не имеется.

LVIII

Шестого апреля исполняется два года с того дня, когда Пушкин получил у Гончаровой-старшей согласие на брак. По сему случаю он дарит беременной жене золотое колечко с бирюзой. На внутренней стороне надпись «А.Р. 6 avril 1832». А 19 мая появляется первое дитя Натальи Николаевны и Александра Сергеевича — дочь Мария. Пожалуй, самая известная из детей поэта (их всего будет четверо). Она станет фрейлиной, получит в замужестве фамилию Гартунг и доживет до 1919 года. Лев Толстой, познакомившись с ней, использует ее облик как «натуру» для создания образа Анны Карениной.

Из писем современников:

«Пушкин нажил себе дочь, но стихотворство его что-то идет на попятную» (Е. Энгельгардт).

«У Пушкина родилась дочь. Не следует ли и здесь подражания Байрону?» (М. Погодин).

К тому времени Пушкины уже перебрались в новую четырнадцатикомнатную квартиру на Фурштатской улице, в доме Алымова. И здесь они

проживут недолго — только до декабря. Обставляют жилище мебелью из магазина Гамбса. Цены изрядные: в счетах фигурирует, например, ширма в три створки из серого грушевого дерева за 300 рублей. Оплата часто производится с опозданием. В одной из комнат — злополучная статуя императрицы Екатерины, которую владелец хочет продать правительству для размещения в Царском Селе. Приходят эксперты — скульпторы из Академии художеств, составляют акт. Подтверждают, что стоит этот экспонат не меньше 25 тысяч. Увы, через три года «медную бабушку» придется продать владельцу литейного завода Францу Берду за три тысячи ассигнациями.

Осенью 1832 года Пушкин едет в Москву. Встречается с президентом Академии наук Сергеем Уваровым, в прошлом «арзамасцем», а ныне идущим в гору функционером (через год он станет министром просвещения и выдвинет доктрину «трех начал» русской жизни: православие, самодержавие, народность). Они направляются в Московский университет на лекцию историка Ивана Давыдова. «Здесь преподается теория искусства, а я привел вам само искусство» — так эффектно представляет Уваров Пушкина студенческой аудитории. Мягко стелет... Скоро он обнаружит свое истинное отношение к «самому искусству».

Лекция посвящена «Слову о полку Игореве». Вслед за Давыдовым на ту же тему выступает Михаил Каченовский, с которым Пушкин воюет уже много лет, жая его эпиграммами. Это первая личная встреча оппонентов. Давыдов и Каченовский сомневаются в подлинности «Слова», а Пушкин с

жаром отстаивает достоинство и достоверность древнерусского эпоса.

В октябре он берется за большое прозаическое повествование. Нащокин рассказал ему историю белорусского дворянина Павла Островского, который судился за свое имение с богатым противником и в итоге сделался разбойником. Нащокин сам видел этого человека в остроге. Пушкин начинает разрабатывать сюжет, дав главному герою фамилию Дубровский.

LIX

Новый, 1833 год Пушкины встречают на новой квартире, которую снимают с начала декабря. Дом Жадимировского на Большой Морской, угол Гороховой улицы. В двух шагах отсюда — дом княгини Голицыной, куда Пушкин поселит старую графиню в «Пиковой даме» и отправит к ней непрошеным гостем своего героя по фамилии Германн.

В январе Пушкин становится академиком*. Выдвинул его кандидатуру Александр Семенович Шишков — писатель, адмирал, потом министр народного просвещения, основатель собраний под названием «Беседы любителей русского слова». Как убежденный арзамасец, Пушкин еще в Лицее дразнил Шишкова эпиграммой, а много лет спустя, описывая в восьмой главе «Онегина» вышедшую замуж Татьяну, послал ему неожиданный привет по пово-

* То есть членом Императорской Российской академии, созданной в 1783 году Екатериной II и княгиней Е. Р. Дашковой и занимавшейся составлением академического словаря русского языка. В 1841 году Российская академия будет присоединена к Санкт-Петербургской академии наук, основанной в 1724 году по указу Петра I.

ду непереводаемого французского речения: «Она казалась верный снимок / Du comme il faut... (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)». «Комильфо», как мы теперь видим, стало русским словом.

Шишков простил. Он ценит в зрелом Пушкине чистоту языка и ясность смысла. После выборов (Пушкин получил 29 голосов из тридцати, вместе с ним прошли в академики Михаил Загоскин и Павел Катенин) Шишков подписывает Пушкину диплом.

Нельзя сказать, что на Пушкина сие событие производит сильное впечатление. Побывав на академическом собрании, он скептически оценивает качество поданного угощения (водка и винегрет) и желает академии нанять хорошего повара и закупать французские вина.

В литературной работе Пушкина в это время пересекаются три романские дороги: «Евгений Онегин» — «Дубровский» — «Капитанская дочка».

Роман в стихах Пушкин готовит для книжного издания. Приходится уступить его Смирдину за 12 тысяч да еще с обязательством не печатать его нигде в течение четырех ближайших лет. Условия жесткие. Книга выйдет 20 или 21 марта, а пока автор дописывает свои примечания к роману (они не «дополнение», а неотъемлемая часть текста), включает в него «Отрывки из Путешествия Онегина». Произведение приобретает целостность и в то же время открытость:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Роман есть Жизнь, а Жизнь есть Роман. Такое художественное уравнение — высшая точка в развитии отечественной словесности. Повторить этот подвиг в стихотворной форме невозможно, а русский прозаический роман с тех пор неминуемо оглядывается на «Евгения Онегина». Тип главного героя — сомневающегося и ищущего, тип героини — цельной и развивающейся женственной природы, открытость финала — всё это наше русское романное ноу-хау.

А тогда, в начале 1833 года, приближаясь, по дантовскому счету, к пункту «*nel mezzo del cammin di nostra vita*» («земную жизнь пройдя до половины»), романист Пушкин решает: куда идти дальше?

Начатый сюжет о Дубровском динамичен, но сам тип «благородного разбойника» неминуемо приведет к однозначному финалу. Либо добро торжествует и зло будет наказано, либо герой потерпит поражение (обдумывался вариант, при котором героя сдает полиции один из его людей). Оба варианта, конечно, далеки от той многозначной модели Романа Жизни, что явлена в главном труде Пушкина.

«6 февр.» — такая дата стоит под законченной частью рукописи. Пушкин больше к ней не вернется. Текст впервые будет опубликован в 1842 году, издатели дадут ему название «Дубровский». Последняя фраза рукописи «По другим сведениям узнали, что Дубровский скрылся за границу» — станет финалом, сюжетное многоточие превратится в точку. Произведение будет чтением «для детей и юношества», будет изучаться в школе.

А 31 января уже намечен план другого романа: «Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная

крепость — подступает Пуг<ачев>...» Это придуманная еще полгода назад завязка будущей «Капитанской дочки».

Для написания этой вещи потребуется большая работа с источниками, с архивными документами. И Пушкина такая перспектива привлекает.

LX

Мало кто видит эту погруженность в работу. Молва представляет совсем иной образ поэта. Вот фрагмент письма Петра Плетнева Жуковскому, пребывающему в Швейцарии: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадном сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной».

Это пишет, заметим, человек, которому адресовано открывающее текст «Онегина» посвящение: «Не мысля гордый свет забавить, вниманье дружбы возлюбя...» По-видимому, со слов Плетнева и Гоголь сетует в письме знакомому: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не заташат его в деревню».

Причина проста: многим просто не хватает внимания со стороны более чем занятого Пушкина, и эта вполне понятная обида творит миф о Пушкине как завсегдатае балов, как об азартном «тусовщике», говоря современным словечком.

А двадцатилетняя Наталья Николаевна спешит отвести душу, пока новая беременность не заточит ее дома. Огромный успех на бале-маскараде имеет

она в костюме жрицы Солнца. К ней подходит с комплиментами августейшая чета, и император объявляет ее царицей бала.

Девятнадцатого февраля Смирдин, как и год назад, устраивает большой литературный обед, приурочив к нему выход альманаха «Новоселье». На титульном листе — гравюра, изображающая аналогичное событие прошлого года. Греч, стоя с бокалом в руке, провозглашает здравицу, а напротив отчетливо виден сидящий за столом Пушкин. В альманахе впервые опубликован пушкинский «Домик в Коломне», написанный в Болдине в 1830 году. (Увы, тонкий пушкинский юмор не будет понят и оценен. Например, критик Николай Надеждин в «Телескопе» выставит автору «отрицательное число с минусом» и обзовет «Домик в Коломне» «рыхлым».)

А на следующий день Пушкин встречается с Гоголем, о чем тот с радостью извещает Погодина (того в свою очередь поэт хочет привлечь к совместной исторической работе). Пушкин в курсе новых замыслов Гоголя, он часто бывает первым слушателем его сочинений.

Он радуется выходу книги стихотворений Языкова, поддерживает рецензией издание стихов и переводов Катенина, хлопочет о посмертной публикации сочинений трагически погибшего в Твери Александра Шишкова-младшего, племянника президента Академии наук («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...» — так обращался к нему Пушкин в 1816 году в Царском Селе). Шишков вызвал оскорбителя жены на дуэль, а тот подстерег его у крыльца и убил четырьмя ударами кинжала.

Пушкин верен друзьям, коих у него немало.

LXI

Весна и начало лета 1833 года проходят у Пушкина в упорных исторических штудиях и денежных хлопотах, займах и перезаймах. Его семья снимает дачу на Черной речке («Миллерову дачу»). В конце июня Пушкин зовет из Москвы Нащокина, чтобы крестить «Гаврилу Александровича» (хочет дать имя одного из своих исторических предков), однако сын, появляющийся на свет 6 июля, получает имя Александр. Через две недели его крестят, для домашнего торжества в погребке Рауля заказано разнообразных вин на 62 рубля с полтиной.

А 12 августа Пушкин получает отпуск на четыре месяца для поездки в Оренбург и Казань. Своего рода творческая командировка — по местам, где происходит действие нового романа. О том, что уже начата «История Пугачева», автор предпочел умолчать.

Семнадцатого августа Пушкин с Соболевским выезжают из Петербурга. Нева провожает их бурей у Троицкого моста. В Торжке разъезжаются. Пушкин проводит день в гостях у Павла Вульфа, посетив любимые Малинники, навещает в Яропольце тещу.

Москва. Починка дорожной коляски затягивается на три дня. После чего Нащокин «шампанским, жженкой и молитвой» провожает друга в Нижний Новгород. Приближаясь к городу, Пушкин встречает этап заключенных, среди них молодая красивая женщина, укрывшаяся от солнца широким капустным листом. На вопрос, за что она осуждена, с невинным выражением отвечает: «Убила незаконнорожденную дочь пяти лет и мать за то, что напрасно журила». Пушкин в ужасе. Протягивает ей деньги. Потом он об этом расскажет Смирновой-Россет.

LXII

Пушкин гуляет по широким улицам Нижнего, заходит в Спасо-Преображенский собор, где видит чугунное надгробие Минину («нижегородскому мещанину»). Обедает у губернатора Бутурлина и прямо от него отправляется в Казань. Там встречается с Евгением Баратынским, который знакомит его с профессором Карлом Федоровичем Фуксом (медиком и краеведом) и его женой. С профессором Пушкину говорить интересно, особенно о Пугачеве, супруга же Фукса донимает поэта самодельными стихами, которые он из учтивости хвалит.

В Симбирске он еще больше разузнает о Пугачеве, который в этом городе побывал дважды — сначала как преступник в цепях, а потом как разоблаченный самозванец в клетке, выставленной на площади. Пушкин хочет повидаться с Николаем Языковым и отправляется в его родовое имение, весьма отдаленное. В селе Языкове, однако, он находит только старшего брата поэта — Петра. Тот оказывается и знатоком пугачевщины, и просто приятным человеком. Пушкин в письме жене признается, что готов его полюбить, как Плетнева или Нащокина. Сердце всё еще открыто для новых дружб.

В Оренбурге он сближается с Владимиром Далем, человеком множества дарований: врач, географ, литератор. Даль служит здесь по особым поручениям у военного губернатора Перовского. Год назад он приносил Пушкину свои «Русские сказки». Даль собирает народные слова и речения, и Пушкин энергично поддерживает его в этом перспективном начинании, а еще советует ему написать роман, жалуясь, что у самого начато целых три, а боится не закончить.

Даль организует для Пушкина в станице Берда встречу с очевидцами пугачевского бунта. Старики и старухи собираются в доме сотника, гость записывает их рассказы карандашом в книжку. Облик Пушкина привел народ в замешательство: шляпу не снял, на икону не перекрестился. И ногти длинные, как когти, — прямой антихрист! После разговора Пушкин раздает людям несколько серебряных монет, а некоторые брать боятся: небось фальшивые.

Не обходится без курьезов. Две барышни прослышали от жены Даля, что в их доме будет вечером Пушкин. Они забрались на дерево, чтобы посмотреть на поэта, увидели, как он хохочет, но ничего не услышали: рамы осенью уже двойные в окнах стоят. А Перовскому приходит письмо от нижегородского коллеги Бутурлина: мол, Пушкин под видом изучения пугачевского бунта едет собирать для правительства сведения о неисправностях.

Пушкин с Далем едут в Уральск. Как потом сам он скажет, поверять «мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев».

Пушкин просит 94-летнего старика Пьянова рассказать про то, как Пугачев был у него на свадьбе посаженным отцом. И слышит в ответ: «Он для тебя Пугачев, а для меня он был великий государь Петр Федорович». И еще старик передает доподлинную фразу Пугачева, произнесенную на свадьбе: «Улица моя тесна...» Эта бесценная находка войдет и в «Историю Пугачева», и в «Капитанскую дочку».

Уральские казаки во главе с атаманом Покатиловым дают Пушкину прощальный обед, кормят только что приготовленной икрой.

С Урала Пушкин направляется в Болдино, а по дороге еще раз заезжает в Языково. На этот раз он застаёт там всех троих братьев Языковых: Петра,

Александра и Николая. Он читает им своего «Гусара», рассказывает про Российскую академию, цитирует гоголевскую комедию «Владимир Третьей степени»...

Наутро — в путь.

LXIII

Вторая болдинская осень в жизни Пушкина длится с 1 октября по 9 ноября 1833 года. Закончена «История Пугачевского бунта», на которую возлагаются большие материальные надежды. «Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи», — сообщает Пушкин жене 8 октября.

Одновременно он пишет «Сказку о рыбаке и рыбке», поэму «Анджело» (вариацию на тему трагедии Шекспира «Мера за меру») и «Медного всадника», повесть «Пиковая дама». В начале ноября появляется «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

«Медный всадник» — поэма-вопрос. «Петра творенье» прекрасно, но гармония Петербурга достигнута ценой жертв, несчастьями множества людей, подобных бедному Евгению. Как разрешить противоречие между интересами государства и ценностью отдельной личности? Однозначного ответа здесь нет и быть не может. Читателю навеки оставлена возможность этического выбора. Возможно такое истолкование смысла поэмы: противоречие между государством и личностью неизбежно, надо мужественно принять его как данность. Другой возможный читательский ответ: нет, ценность каждой человеческой жизни абсолютна, и гармония, основанная на жертвах, мне не нужна (примерно

так мыслил Достоевский; процитировав «Люблю тебя, Петра творенье...», он возражал: «Виноват, не люблю его»). То есть ответов на поэму-вопрос как минимум два. А можно ли понять поэму как утверждение абсолютной ценности государства, имеющего право распоряжаться жизнями людей как строительным материалом? Мол, цель оправдывает средства, и человек — средство для решения больших государственных задач. Нет, такому тоталитаристскому («сталинистскому», если говорить в контексте XX века) истолкованию пушкинская поэма решительно сопротивляется.

И еще на этот раз в Болдине рождается «Осень» — стихотворение, которое при жизни автора света не увидит, а потом станет для многих читательских поколений многозначным символом — природы, поэтического вдохновения, бесконечной жизни. Эта вещь написана октавами, как и «Домик в Коломне», только ямб на этот раз не пяти-, а шестистопный, монументальный. Каждая строфа — объемная картина. Строфу седьмую («Унылая пора! очей очарованье...») дети станут заучивать в школе как отдельное произведение, это своеобразная поэтическая эмблема осени в нашей культуре. А строфа одиннадцатая — своего рода пароль при вхождении в мир литературного творчества. Нет в России пишущего человека, который бы не применил к себе слова: «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»

Последнюю же, одиннадцатую строфу автор, набросав было шесть строк, сокращает до полустиха: «Плывет. Куда ж нам плыть?» — после чего следует две с половиной строки, состоящие из точек. Это место, словно оставленное для восполнения, для продолжения. Это знак будущего.

LXIV

Из Болдина Пушкин приезжает в Москву, где дня три-четыре живет у Павла Нащокина на Остоженке. Тот собирается расстаться со своей сожительницей — цыганкой Ольгой Солдатовой и жениться на молодой Вере Нагаевой, внебрачной дочери своего троюродного брата, сановника преклонных лет. В доме Александра Нащокина, камергера и тайного советника, в Скатертном переулке Пушкин знакомится с невестой друга.

— Ну что, позволяешь на ней жениться? — спрашивает Павел Воинович.

— Не позволяю, а приказываю!

С Верой Александровной у Пушкина сразу складываются доверительные отношения. Отправляясь из Москвы домой, он берет с собой ее младшего брата Льва. Тот по большей части молчит, но наблюдает, чем занимается поэт на станциях, пока закладывают лошадей: выходит на дорогу потолковать со встречными мужиками и бабами о их житье-бытье.

Вечером 20 ноября Пушкин после трехмесячного отсутствия возвращается в Петербург. Уже не на Большую Морскую, а на Пантелеймоновскую, где Наталья Николаевна сняла новую квартиру, в доме капитана Оливио (его называют также Оливье). В бельэтаже. Цена аренды — 4800 в год против 3300 прежней квартиры, к тому же предыдущему хозяину Жадимировскому Пушкины должны выплатить тысячу рублей неустойки.

Но Пушкин считает, что всё в порядке. Жена на балу, и он учиняет сюрприз. Забирается в ее карету и посылает лакея вызвать Наталью Николаевну по срочному делу домой. Но не говоря, что в карете

кто-то есть. Со второй попытки удастся. Дама в роскошном розовом платье садится в карету и попадает в объятия супруга.

В конце ноября поэт берется переписывать «Медного всадника» на хорошей бумаге аккуратным почерком, крупными буквами — чтобы представить царю. Начинает вести дневник — очень лаконичный, где, в частности, 2 декабря записывает: «Вчера Гоголь читал мне сказку: *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.* — очень оригинально и очень смешно». Имеется в виду «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Два самых остроумных человека России понимают друг друга. Пушкин рассказывает, как нижегородский губернатор Бутурлин, радушно приняв столичного литератора, потом вдруг испугался и отписал нижегородскому коллеге Перовскому: не иначе этому гостю «дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях». Этот невыдуманный анекдот пригодится для фабулы «Ревизора». А Пушкин скажет потом: «С этим хохлом надо быть осторожным; он обирает меня так, что и кричать нельзя». Но, конечно, в шутку скажет.

А завершается 1833 год для Пушкина двумя ощутимыми ударами судьбы. Близость к царскому двору выходит боком. Адаптироваться к двусмысленному положению поэту не удалось.

В письме от 6 декабря Пушкин просит Бенкендорфа передать государю «стихотворение, которое я желал бы напечатать» (то есть поэму «Медный всадник») в издаваемом Смирдиным журнале «Библиотека для чтения» «на общих основаниях», то есть пройдя обыкновенную цензуру, не царскую.

И еще он извещает о написанной им «Истории Пугачевщины», с которой просит ознакомиться его величество.

Высочайший цензор разрешил печататься в журнале на общих основаниях, но в случае с «Медным всадником» проявил абсолютную жесткость.

Утром 12 декабря Пушкин вызван к Бенкендорфу. Получает от него свою рукопись с редакторскими карандашными пометами. Самый неприятный момент в жизни любого автора. Эти противные просительные знаки, NB и отчеркивания на полях... А каково автору, если он — первый поэт России, сделавший на новую поэму решительную ставку — в моральном и в материальном смысле... И если редактор — всевластный суверен, от чьих замечаний никак не отмахнешься...

Николай не принимает выражения «кумир на бронзовом коне», требует вымарать строфу «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою Царицей / Порфироносная вдова». Возмущенно отчеркнута вся сцена бунта Евгения, начиная со слов «Добро, строитель чудотворный...».

Уступить? Бросить кость, сделав сокращения? Не получится. Пушкин извещает Смирдина, что этой поэмы в «Библиотеке для чтения» не будет. Потом дело сведется к публикации отрывка под названием «Петербург». Читатель при жизни Пушкина не прочтет его итоговой поэмы, не услышит последнего слова поэта об истории, о государстве и личности.

А 30 декабря на балу у графа Алексея Орлова Пушкину сообщают: завтра император подпишет указ о присвоении поэту придворного звания ка-

мер-юнкера. С формальной точки зрения вроде бы ничего экстраординарного: по своему чиновному статусу претендовать на звание камергера Пушкин не может. Камер-юнкер — низший чин в придворной иерархии, но в общей Табели о рангах находится на приличном уровне. Попавший в камер-юнкеры вместе с Пушкиным Ремер — коллежский ассессор (то есть на ступеньку выше титулярного советника). Правда, придворному «товарищу» Пушкина всего 27 лет. А в 34 года начинать придворную карьеру...

В этот момент на балу у Орлова присутствует Лев Сергеевич Пушкин, который потом расскажет: брат, услышав новость, пришел в бешенство. Его увели в кабинет графа, чтобы успокоить. По воспоминаниям Нащокина, Виельгорский и Жуковский чуть ли не обливали друга холодной водой, а то он готов был отправиться к царю и нагрубить ему.

Запись в пушкинском дневнике: «1 янв. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы NN танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau». Маркиз де Данжо — мемуарист, подробно описавший жизнь при дворе Людовика XIV. Едва ли Пушкин всерьез примеряется к такой роли. Но придворный «шутовской кафтан» поносить придется.

Первый номер «Библиотеки для чтения» за 1834 год включает большое стихотворение Пушкина «Гусар». Гонорар за него — одна тысяча рублей — изрядный. Ровно столько Пушкин выплачивает 3 января домовладельцу Оливио. А купец Жадимировский через управу благочиния добивается от Пушкина неустойки за прошлое жилье — 1063 рубля 33 ¹/₃ копейки.

LXV

Четырнадцатого января 1834 года императрица Александра Федоровна записывает в своем дневнике по-немецки: «Представлялась красавица Пушкина».

Двадцать шестого января Пушкин в дневнике описывает свои приключения, последовавшие за представлением жены ко двору: «В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: *Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches.* (Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попечайте ему)».

Похожая история происходит в четверг, когда царь спрашивает у Натальи Николаевны:

«Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз?»

Пушкин фиксирует эти разговоры бесстрастно-протоколльно. Но его «ошибки» относительно дворцового «дресс-кода» не совсем случайны, о чем догадывается августейший начальник.

И в тот же день появляется запись, которую потом будут часто припоминать и цитировать все биографы: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».

«Шуанами» называли сначала участников вандейского восстания 1793 года в поддержку свергнутой монархии (этому посвящен первый роман Бальзака «Шуаны», вышедший в 1829 году). Потом — роялистов 1832 года, объединившихся вокруг гер-

цогини Беррийской — невестки свергнутого во время революции 1830 года Карла X. Александр Тургенев в 1837 году напишет Вяземскому, что Дантес вместе с «Беррийской дюшессой никогда не воювал и на себя всё налгал».

Потом выяснится: маркиз де Пина ни при чем, корнетом 8 февраля станет только Дантес, но это уже детали. Символично, что это записано ровно за три года (плюс один день) до 27 января 1837 года...

LXVI

Пушкин просит помощи в издании «Истории Пугачевского бунта». И получает ее. 28 февраля он записывает в дневнике: «Государь позволил мне печатать “Пугачева”; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения».

А 6 марта записано: «Царь дал мне займы 20 000 на напечатание “Пугачева”. Спасибо». Несмотря на близость ко двору, табачок по-прежнему врозь. Речь идет не о «гранте», не о «спонсорской» поддержке (таких форм еще не существует), а всего лишь о ссуде, которую историограф должен будет вернуть в течение двух лет, причем с процентами.

Но российская история у Пушкина — не только работа «для прокорма», это предмет страстного интереса. Чуть позже, в апреле, он встретится с Михаилом Сперанским, в ведении которого находится типография, печатающая книгу Пушкина. С увлечением слушает рассказы отставленного реформатора, делится с ним заветными мыслями: «Я гово-

рил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени».

Совсем другая интонация в описании балов на Масленицу. До наступления поста двор спешит выполнить и перевыполнить план по увеселениям. В последний день организуют целых два бала, создавая невероятный ажиотаж: «Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливым. <...> Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались».

Мать поэта, радовавшаяся светским успехам невестки, сообщает о приключившемся с ней выкидыше дочери Ольге: «И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленую, будучи два месяца брюхата». Винит тетку — фрейлину Загряжскую.

Наступает весна. «Нева вскрылась», как говорят петербуржцы. В Вербное воскресенье 15 апреля Пушкин провожает жену с двумя детьми в Полотняный Завод. По пути они заезжают в Москву. Там Наталья Николаевна встречается с сестрами Екатериной и Александрой, которые в ссоре со своей нервной матерью. Наталья Николаевна озабочена их судьбой, хочет пристроить их в фрейлины.

В уединении Пушкину не дают покоя: вызывают к обер-камергеру, чтобы «мыть голову» за то, что не был у обедни. Он исправляться не думает и вдобавок пропускает бал в честь совершеннолетия наследника. Гуляет в это время в толпе на набережной Фонтанки возле дома Нарышкина, куда приглашено 1800 гостей. «Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мной весь город проехал в каретах...» Вот удобная позиция для художника и историка.

Он часто пишет жене, но постепенно выясняется, что их переписка становится известной посторонним лицам. Московский почтовый директор Александр Булгаков, с которым у Пушкина были хорошие отношения и который о творениях поэта отзывался доброжелательно и толково, — этот человек вдруг оборачивается «негодяем Булгаковым», вскрывающим чужие письма и докладывающим о них куда следует. Пушкин в письме жене (не сохранившемся) просит ее соблюдать эпистолярную осторожность.

Начинается же всё с его писем жене от 20 и 22 апреля 1834 года, где он комментирует свое нежелание присутствовать на праздновании совершеннолетия наследника (в Пасхальное воскресенье 22 апреля): «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим

тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перешеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Три царя — это Павел I, Александр I и Николай I. «Порфирородный тезка» маленького Сашки — наследник, будущий Александр II.

Александр Александрович Пушкин стихов писать не будет, ссориться с царями тоже. Пойдет по военной линии, получит много орденов и станет генерал-майором свиты его величества в 1880 году, незадолго до того, как его августейшего тезку Александра II убьют бомбой на Екатерининском канале. Сам же умрет своей смертью в преклонном возрасте — в день, когда Россия вступит в Первую мировую войну.

Пока же наиболее актуальными оказываются слова «упек меня в камер-пажи под старость лет». 10 мая Пушкин напишет жене: «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться...»

Для Пушкина здесь важнее не политическая, а семейно-интимная сторона дела. Письмо в те времена бывало и литературным фактом, и жанром литературной критики (высказывая претензии к «Горю от ума» в письме Александру Бестужеву, Пушкин добавлял: «Покажи это Грибоедову»). Но свои письма жене он просит никому не показывать

и не давать «списывать»: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».

Это из письма от 18 мая, где Пушкин поздравляет жену с «Машиным рождением» (дочери два года), желает ей «зубков и здоровья». В этом письме примечательным образом соединяются любовь к семье и жажда свободы: «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки».

Лет двадцать... То есть всю сознательную жизнь. Пушкин никого не винит. «Ропот на самого себя» — это значит, человек-мир ощущает в себе некоторый ущерб. И внутреннюю гармонию свою он защитит любой ценой.

LXVII

Пушкину 35 лет. В день своего рождения он в большой компании (Жуковский, Вяземский, Виельгорский и др.) плывет на пароходе «Ольга» в Кронштадт. Семью князей Мещерских и Софью Карамзину провожают в Италию, куда из Кронштадта отправляется пароход «Александра» с более чем сотней пассажиров. Сам Пушкин о дальних странствиях уже не помышляет.

«Тетка» (фрейлина Загряжская) прислала имениннику корзину с дынями, земляникой и клубникой. «Боюсь поносом встретить 36-й год бурной моей жизни», — шутит он в письме жене.

А на следующий день — опять надо «представиться». Такова участь придворного. С неохотой надевает камер-юнкер свой мундир и отправляется на Каменный остров к великой княгине Елене Павловне. Та неожиданно оказывается очень мила, говорит с Пушкиным о Пугачеве. Но среди тех, кто представляется в этот день, есть один неприятный субъект — цензор Красовский, недобрым словом помянутый в пушкинских стихах. Великая княгиня из вежливости его спрашивает: «Должно быть, вам докучна обязанность читать всё, что появляется». А тот в присутствии первого поэта России бестактно отвечает: «Да, современная литература (*la littérature actuelle*) так отвратительна, что это мученье». «Великая княгиня скорей от него отошла», — пишет Пушкин в дневнике. Сколько в России будет еще таких функционеров, связанных с «актуальной литературой» лишь по долгу службы и ненавидящих ее...

Трудное время. Даже в письмах жене невозможно отвести душу. С горьким сарказмом предупреждает Пушкин Наталью Николаевну: «Но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность».

Никак не удастся уладить дела с болдинским имением и поставить там дельного управляющего. Оброк приходит ничтожный, приходится закладывать кистеневских крестьян. Родители Пушкина на грани разорения, он то и дело поддерживает их небольшими суммами.

Двадцать пятого июня Пушкин не выдерживает и пишет Бенкендорфу: «Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в про-

винции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно».

Письмо воспринимается двором как *faux pas*, как ложный шаг. Бенкендорф предъявляет письмо Николаю, тот велит сообщить вице-канцлеру, чтобы тот оформил отставку. В посещении архивов решительно отказано. Как пишет Бенкендорф заправшемуся камер-юнкеру со слов царя: «Правосие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенной доверенностью начальства». Доверие потеряно.

Царь жалуется на поведение Пушкина Жуковскому. Тот берется улаживать ситуацию и в воспитательных целях пишет беспощадно-оскорбительное письмо: «А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но еще и поведения непристойного...» И далее: «Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!» Жуковский просто приказывает другу покаяться и пойти на попятный.

Пушкин пишет Бенкендорфу два письма подряд (4 и 6 июля), формулируя в итоге «покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мной столь легкомысленно». Бенкендорф составляет записку, завершающуюся словами: «Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе». Высочайшая резолюция: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы

еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем всё это может кончиться; то, что может быть прощательно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства».

Вскоре Пушкин пишет об этом событии жене в довольно непринужденном тоне, слегка подшучивая над собой и над ситуацией в целом: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так ли? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцелуй детей и благослови их за меня».

«Предполагаем жить...» Остается гораздо меньше десяти лет: два с половиной года. Наталья Николаевна не забудет мужниных сетований и похоронит его не в камер-юнкерском мундире «как шута», а во фраке.

В дневнике 22 июля о тех же событиях сказано предельно кратко, уже без реверансов к возможным незванным читателям («...не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности»). Тут разговор с самим собой, и вывод в конце тревожный: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но всё перемололось. Однако это мне не пройдет».

LXVIII

Отпуск на три месяца для поездки по домашним делам получен. 21 августа Пушкин в Полотняном Заводе. Двухэтажный дом со всеми удобствами, даже с ванными комнатами. Роскошный дедовский сад, в оранжереях лимонные и апельсиновые деревья, даже ананасы произрастают.

Пушкин с женой и свояченицами вдоволь гуляют, играют в горелки. Но и для дела поэт находит время. Как-то мальчик-слуга застаёт его лежащим на животе на бильярдном столе, что-то напевающим и пишущим. В библиотеке Гончаровых оказалось немало книг, русских, французских и немецких, которые пригодятся для работы в Петербурге.

Двадцать шестого августа отмечают именины Натальи Николаевны и Натальи Ивановны (та в Яропольце, с Екатериной и Александриной так и не помирилась). Пушкин пишет теще: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом». Жене поэта 27 августа исполняется всего лишь 22 года.

Пушкины и Гончаровы 6 сентября перебираются в Москву, а через неделю глава семьи уже в Болдине, где его встречают первый снег и хозяйственные хлопоты. «20 снт. 1834 10 ч-53 м» — такая дата стоит в конце рукописи «Сказки о золотом петушке». Еще одно итоговое произведение — в сказочном цикле. Автор намечает план издания «Простонародных сказок». «Золотой петушок» — самая «взрослая» из них, философически серьезная. Царь Дадон, конечно, не карикатура на конкретного самодержца — это образ недалекого правителя на все времена. За расправу с мудрецом полагается немилость.

нуемый крах — аллегорический смысл прозрачен и неоспорим.

В апреле 1835 года «Сказка о золотом петушке» готова. Цензура вычеркнет стих «Царствуй лежа на боку» и финальное двустишие:

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Именно эти две цитаты станут в русском языке крылатыми фразами.

LXIX

В Петербурге Пушкины в середине октября опять меняют адрес. Прежний домовладелец измучил постояльца тем, что велел дворнику запирасть ворота в десять часов. Пушкину, возвращавшемуся домой поздно, приходилось с боем проникать в свое жилище. А теперь Вяземский отбыл за границу, и освободилась квартира в доме Баташева на Дворцовой набережной. Половину квартиры занимают Пушкины, вторую — Екатерина и Александра Гончаровы.

Жизнь придворная невыносима тогда, когда требует быть частицей толпы. В августе состоялось торжественное открытие Александровской колонны на Дворцовой площади. Пушкин был как раз в отъезде и избежал необходимости явиться туда в камер-юнкерском мундире. И далее он засчитывает себе в актив каждую возможность «прогулять» казенное мероприятие. «Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, — да что мне делать?» — запи-

сывает он в дневнике 5 декабря 1834 года. А на следующий день: «Я всё-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта». Имеется в виду лейб-медик Арентдт — мы еще вспомним это имя.

А вот о бале 14 декабря в дневнике рассказывается довольно добродушно: «Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8^{1/2} в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. <...> Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. <...> Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему».

Выходит в свет «История Пугачевского бунта», состоящая из двух частей: собственно истории и документальных приложений. Успеха книга не имеет. Даже печатных нападок немного, больше — кулуарных. Активизировался Уваров, успевший досадить Пушкину тем, что добивался цензурования его новых произведений «на общих основаниях». Пушкин записывает в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове:

это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен...» Дневниковым излиянием эмоций Пушкин не ограничится и скоро найдет повод нанести Уварову сатирический удар.

Пушкин думает пополнить книгу о Пугачеве новыми материалами из пугачевского следственного дела, доступ к которому автор получил, уже когда книга была напечатана. А может быть, этот труд — лишь подспорье для начатого романа о временах пугачевщины? В беспристрастном историческом жанре характер Пугачева не раскрыть, а сюжетный вымысел вдруг да приблизит к истине.

Весной выходит первая часть «Поэм и повестей Александра Пушкина» (вторая часть появится в августе) — здесь все поэмы в хронологическом порядке — за исключением «Гавриилиады» и «Медного всадника». Весной же написано «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», которое автор хочет выпустить отдельной книгой. Снова возвращается он мыслями к своему проекту трехлетней давности: политическая и литературная газета с книжным приложением каждые три месяца. Хотя душа его к газетному делу не лежит.

Всё это, однако, никак не может решить материальных проблем. То и дело приходится влезать в новые долги, закладывать семейное серебро, жемчуг, шали. Меж тем в семействе Пушкиных прибавление: 14 мая на свет появляется сын Григорий.

Счастливого отца в этот день нет дома, он 15-го возвращается из Тригорского, куда совершенно неожиданно укатил десять дней назад, вызвав замешательство и жены, и своей матери. Одна дорога заняла три дня туда и три обратно. Теще написал, что ездил «по своим делам». А дела состояли в том, чтобы вспомнить прошлое, взглянуть на опус-

тевшее Михайловское, поболтать в Тригорском с Прасковьей Осиповой, а в Голубове с Евпраксией Вревской.

Рассчитывал он и на встречу с осиповской падчерицей Александрой, уже года два как замужней и носящей фамилию Беклешова. Когда-то ей было адресовано стихотворение «Признание» с легендарным финалом: «Ах, обмануть меня не трудно! / Я сам обманываться рад!» Даже в «Донжуанский список» она попала. Хотя реальные любовные отношения у Саши были не с Пушкиным, а с ее родственником Алексеем Вульфом.

Простодушная Вревская потом поведает: «Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал по-прежнему, но теперь, кажется, он впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку с нетерпением, надеясь, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состарившиеся физические и моральные силы». Много лет спустя другой поэт — Александр Блок найдет для этого чувства такие слова: «...прошрое дохнуло хмелем».

Забегая вперед сообщим, что в сентябре Пушкин снова отправится в Михайловское, на более долгий срок. Заедет в Тригорское, снова разминется с Беклешовой и напишет ей: «Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для Вас три коробка признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами в образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время. <...> Простите мне мою дружескую болтовню». («Мария Ивановна» — пятнадцатилетняя младшая дочь Прасковьи Осиповой.)

Опять минутное возвращение во времена молодости...

LXX

Пушкин предпринимает очередную отчаянную попытку вырваться на свободу. В письме от 1 июня Пушкин через Бенкендорфа просит: «Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я пока еще обязан милостям его величества».

И опять — холодная карандашная резолюция: «Нет препятствий ему ехать куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок».

Пушкин смиренно «передает совершенно свою судьбу в царскую волю». Признается Бенкендорфу, что задолжал около 60 тысяч рублей. Но от «материальной помощи» в размере десяти тысяч отказывается, предпочитая ссуду в 30 тысяч, которая будет возмещена из жалованья за полгода. С 1 августа ему дан отпуск на четыре месяца.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Самое, может быть, личное, самое автобиографичное стихотворение Пушкина. По поводу его датировки есть разные версии — либо 1834-й, либо 1835 год.

Это незавершенный текст. Рядом с ним — прозаический конспект возможного продолжения: «Юность не имеет нужды в *at home*. Зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

Точку поставит судьба. К восьми строкам стихотворения добавить нечего.

LXXI

С 7 сентября и до конца октября 1835 года Пушкин живет в Михайловском, откуда пишет жене: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. <...> Что из этого будет; бог знает. Покамест грустно. Поцелуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь!»

Осенняя пора на этот раз оказывается отнюдь не плодоносной в творческом отношении. Одно большое стихотворение написано 26 сентября, зато из самых значимых, впоследствии оно станет легендарным:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня...

Пушкин вспоминает прошлое, няню Арину Родионовну, которая умерла семь лет назад. И как-то незаметно, исподволь грусть сменяется бодрыми мыслями о будущем. Он обращается к «младой роще», к «зеленой семье» из новых деревьев с приветствием: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» Пройдет время, и эти слова станут крылатыми, их будут вырывать из пейзажного контекста и применять к молодым поколениям. В том числе к поэтическим. Что, впрочем, не противоречит тексту, где речь дальше идет о внуке, который когда-нибудь «вспомянет» автора (повторение мотива, которым завершалась вторая глава «Евгения Онегина»: «И наши внуки в добрый час / Из мира вытеснят и нас»).

Любопытно, что здесь Пушкин заглядывает и в будущее русского стиха. Он отказывается от рифмы, по поводу которой недавно писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верный* и *лицемерный*, и проч.».

«Вновь я посетил...» — наглядный пример искусного белого стиха, где отсутствие рифмы компенсировано энергичными стиховыми переносами, целой сетью звуковых повторов («Знакомым шумом шорох их вершин»). Такая ритмика отзовется потом в «Вольных мыслях» Блока. А в XXI веке задача обновления стиха станет еще более актуальной.

Еще в Михайловском Пушкин пишет повесть «Египетские ночи» — о поэте-импровизаторе, о человеке, способном с ходу «говорить стихами». В самом Пушкине импровизационное начало всегда присутствовало, это проявлялось в склонности к

экспромтам, в интенсивности творческого труда, порой фантастической. Доводилось ему слушать импровизации Адама Мицкевича. Для Пушкина импровизация становится метафорой поэтической свободы. Недаром его персонаж-итальянец по заказу дилетанта Чарского начинает с вдохновенного монолога о природной независимости вдохновения от внешних факторов (тут Пушкин использует кусок из своей неоконченной поэмы «Езерский»).

Интересный замысел так и останется неоконченным. В 1916 году Валерий Брюсов предпримет попытку «дописать» Пушкина, что вызовет весьма скептическую реакцию современников. Думается, эксперимент самого Пушкина состоял в сочетании прозы и стиха в рамках одного произведения. И продолжить Пушкина в этом смысле — значит создать собственное произведение, где в прозаический сюжет органично внедрены стихи. Два удачных решения в XX веке были предложены — это роман Владимира Набокова «Дар» и роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

LXXII

«...При всём добросердечии своем, он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивайся с ним, волею или неволею. <...> Он не спешил взысканием; но отметка *должен* не стиралась с имени, но Дамоклесов меч не снимался с повинной головы, пока приговор его не был приведен в исполне-

ние» — так напишет потом про своего великого друга Вяземский.

Слово «злопамятный», пожалуй, слишком резкое, но стиль полемического поведения Пушкина описан в целом точно. Самому Вяземскому досталось за придирки к поэме «Цыганы». Ответ на них — эпиграмма «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик, ты хлопчешь?..»). Когда Пушкин спросил Вяземского, можно ли ее печатать, тот даже не понял, в чем дело. Много лет спустя Вяземский уразумеет, что именно он — прототип этого обобщенного «прозаика». Но такой эпиграмматический укол, конечно, вписывается в рамки дружеского литературного спора. Другое дело — выстрелы, как дуэльные, так и литературно-сатирические.

Осенью 1835 года созрела ситуация для того, чтобы расплатиться с Уваровым. Президент Академии наук, министр просвещения и председатель цензурного управления в одном лице — еще и отъявленный стяжатель. Его неблизкий родственник граф Дмитрий Шереметев (Уваров женат на его двоюродной сестре) тяжело заболевает. Графу всего 32 года, он сказочно богат (ему принадлежат усадьбы Останкино и Кусково и много еще чего), но ни жены, ни детей пока нет. Уваров (он старше родственника на 16 лет) всеми силами норовит заполучить его наследство. Однако Шереметев выздоравливает. Скандал.

И вот Пушкин публикует в «Московском наблюдателе» оду «На выздоровление Лукулла» (Лукулл — римский полководец, консул и страстный gastronome, память о нем сохраняет выражение «лукулловы пиры»), но это имя выбрано, конечно, с целью иронической маскировки. Как и подзаголовок «Подражание латинскому». Ода написана с юношеским задором. Ее персонаж, «как ворон, к

мертвечине падкий», препотешно мечтает о том, как сделается вельможей и разбогатеет: «...Жену обсчитывать не буду / И воровать уже забуду / Казенные дрова!» (коррупционера Уварова обвиняли в использовании дров академии для собственного жилья).

А выздоровевшему богачу автор желает пользоваться дарами жизни:

Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

Пророчество поэта блистательно сбудется: Шереметев женится, причем дважды, обзаведется законными наследниками и доживет до 1871 года (Уваров умрет, как и положено старшему, на 16 лет раньше). А тогда, в январе 1836 года, «весь город занят “Выздоровлением Лукулла”», как фиксирует в своем дневнике цензор Никитенко.

Высокий сановник жалуется наверх по поводу морального ущерба. От Пушкина требуют объяснений, но он отвечает, что его сатира не содержит намеков на конкретные лица. Действительно, с точки зрения эзоповской техники ода выполнена безупречно.

А своими именами поэт именует противников в эпиграммах, не предназначенных для печати, но мгновенно распространяющихся устно. Уваров сделал вице-президентом Академии наук своего любовника — князя Михаила Дондукова-Корсакова, человека не обремененного излишними познаниями. И вот пушкинский выстрел по «сладкой парочке»:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж<...> есть.

Соболевский потом будет говорить, что Пушкин пожалел об эпиграмме, «когда лично узнал Дундука». Да, наверное, злость прошла, но от эпиграммы этой (как и всех других) поэт никогда не отречется. Отправляясь на заседание академии в конце декабря 1836 года, он скажет Андрею Краевскому (тогда начинающему редактору, а впоследствии знаменитому издателю «Отечественных записок»): «Посмóтрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме». Это автоцитата, ведь еще в 1829 году стихотворение «Собрание насекомых», где речь шла о литературных противниках, завершилось строками:

Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

LXXIII

Тридцать первого декабря 1835 года Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой: «Я желал бы в следующем, 1836, году издать четыре тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Reviews доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя».

Государь разрешает, правда, «через Цензуры». То есть новое издание будет контролироваться Уваровым, а новоявленному редактору предстоит вступить в контакт с председателем Цензурного комитета Дондуковым-Корсаковым. Тот в письмах

Пушкину вежлив, хотя и назначает в цензоры трусливого профессора Крылова.

Издание получает название «Современник». Пушкин нацелен на тираж в 2400 экземпляров. Первый том выходит 11 апреля. Открывает его пушкинское стихотворение «Пир Петра Первого». В поэтическом разделе представлен также Жуковский.

Из своих произведений Пушкин помещает еще трагедию «Скупой рыцарь», «Путешествие в Арзрум». Гоголь участвует здесь и как прозаик (повесть «Коляска»), и как драматург («Утро делового человека»), и как критик (статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»).

Сколько ценных текстов! Но современникам Пушкина «Современник» будет не очень интересен. Не хватает информационной броскости, пестроты, развлекательного элемента. Расходится только треть тиража, который придется, начиная с третьего номера, сократить вдвое. В итоге всё равно продается не более шестисот-семисот экземпляров. «...Душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. <...> Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом!» — напишет Пушкин жене из Москвы 18 мая.

LXXIV

Весь 1836 год проходит у Пушкина беспокойно, взвинченно. Призрак дуэли начинает преследовать его уже с января, причем, что называется, на ровном месте. Дважды его сильнейшее раздражение без всяких оснований вызывают люди молодого возраста. Сначала вспышка беспричинного гнева обрушивается на 22-летнего графа Владимира Соллогуба (впоследствии довольно известного писате-

ля). Соллогуб с юных лет относился к Пушкину с трепетным почтением, считал за счастье случайные светские встречи с ним. И вдруг Пушкин (вероятно, из рассказов Натальи Николаевны) делает неадекватный вывод, что молодой человек на балу обращался к ней «с неприличными замечаниями». Адресует ему гневное письмо, тот, находясь в Твери, пытается оправдаться. В Пушкина стрелять он ни за что не станет, но и трусом оказаться не хочет. 5 мая Пушкин и Соллогуб встретятся у Нащокина и примирятся. А еще через полгода мы увидим Соллогуба рядом с Пушкиным уже в совсем иной роли...

Пустьяковая ссора приключается с чиновником Семеном Хлюстиным (за которого Гончаровы когда-то хотели выдать Екатерину). Этот человек имел неосторожность пересказать недоброжелательный выпад Сенковского о Пушкине да вдобавок еще похвалить прозу Булгарина. Опять взрыв, от которого недалеко до дуэли.

И примерно в то же время Пушкин начинает письменно выяснять отношения с князем Николаем Репниным. Они даже не знакомы лично, но до Пушкина дошел слух, что Репнин дурно отзывался об авторе «Выздоровления Лукулла». К счастью, князь проявляет такт и самообладание: он отвечает Пушкину так миролюбиво, что инцидент оказывается исчерпанным.

И это не просто нелепости или недоразумения. Как раз в это время предметом светских разговоров становится повышенное внимание к Наталье Николаевне поручика Кавалергардского полка Жоржа Карла Дантеса. Он пользуется покровительством

нидерландского посланника при русском дворе Луи Борхарда Геккерна. Дантесу — 25 лет, Геккерну — 45. Их связывают отношения более чем дружеские, что не мешает младшему из партнеров интересоваться женщинами и подробно о том докладывать своему покровителю. Может быть, репутация дамского угодника нужна Дантесу для маскировки интимных отношений с лицом мужского пола. А возможно, что Геккерн позволяет своему любимцу контакты с женщинами и получает удовольствие от совместного смакования подробностей.

Так или иначе, младший пылко исповедуется старшему в письме от 20 января 1836 года: «...Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив; поверяю тебе это, дорогой мой, как лучшему другу...»

«Она тоже любит меня» — это утверждение едва ли имеет под собой реальную почву, но напор Дантеса велик. Цель поставлена, и в ее осуществлении он рассчитывает на поддержку сердечного друга: «До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

Два закоренелых развратника затевают охоту на юную, 23-летнюю женщину, совершенно не искушенную в сердечных делах. Она в этой ситуации по сути обречена — как жертва, намеченная хладнокровным маньяком. Дантес виртуозно владеет техникой оболъщения и притом ничем не рискует. Его сердце не может оказаться разбитым в ходе любов-

ной игры: для него красивая женщина — лишь предмет забавы.

Происходит объяснение. В какие бы слова ни облекалось признание Дантеса, о чем, собственно, он просит Наталью Николаевну? Он предлагает замужней женщине, матери троих детей, находящейся на шестом месяце новой беременности, изменить мужу, завязав легкомысленную интрижку с неотразимым красавцем. Положительный ответ с ее стороны заведомо невозможен — ни по моральным, ни по физическим причинам.

Однако признание в роковой страсти не может не тронуть женщину, в ее сердце возникает ответная симпатия, и свой отказ она облекает в предельно лестные для собеседника формулировки. Дантес передает их в письме Геккерну от 14 февраля следующим образом: «Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, что я задыхаюсь и что мое положение ужасно; а когда она сказала мне: я люблю вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем мое сердце, ибо всё остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет Вам наградой...»

Слова «любовь» и «любить» очень многозначны. Разный смысл они имеют в мужской и в женской речи, варьируется их значение от одной исторической эпохи к другой. Когда Татьяна в восьмой главе романа в стихах говорит Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна», — это едва ли означает, что героиня не прочь вступить с героем в сексуальный контакт и только моральные условности мешают ей это сделать.

Так и здесь. Даже если Дантес не выдумал сам слова: «Я люблю вас, как никогда не любила», — они вполне могут означать симпатию платоническую, а мольба «не просите большего, чем мое сердце» — может быть истолкована как простое согласие на дружбу, на взаимоприятный светский флирт.

Пушкину, однако, об этом неизвестно. А контакты Натальи Николаевны с Дантесом вскоре прервутся по причине ее беременности. 23 мая в семье Пушкиных появится на свет четвертый ребенок. Что касается Геккерн и Дантеса, то они в мае 1836 года тоже создадут своеобразную семью, узаконят свои отношения. Жорж станет приемным сыном барона и будет именоваться Жорж Шарль де Геккерн Дантес.

LXXV

В ночь на 29 марта в возрасте шестидесяти лет умирает Надежда Осиповна Пушкина. Старший сын один сопровождает ее тело в Псковскую губернию, хоронит мать 13 апреля в Святогорском монастыре.

В начале мая Пушкин приезжает в Москву, живет он у Нащокина в Воротниковском переулке. Встречается с друзьями: Баратынским, Михаилом Орловым, Чаадаевым, Шевыревым. Знакомится с прославленным художником Карлом Брюлловым (кстати, его брат Александр четыре года назад запечатлел Наталью Николаевну на акварельном портрете).

Знаменитого актера Михаила Щепкина Пушкин подбивает к мемуарной работе, дарит ему тетрадь, в которую собственноручно вписывает: «Записки актера Щепкина» и первые строки: «Я родился

в Курской губернии Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке». После того как Пушкин в «Евгении Онегине» разработал перспективную модель русского романа, он исподволь творит еще один проект — невыдуманной прозы, того, что через полтора столетия станут называть «нон-фикшн». Может быть, подумывает о том, что и сам когда-нибудь возьмется за автобиографическое повествование, а пока энергично подвигает к этому других.

Год назад объявился старый знакомый Василий Дуров — тот самый, что изобретал различные фантастические способы добыть 100 тысяч рублей и выиграл у Пушкина вполне реальные пять тысяч. У его сестры, знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой имеются записки. Пушкин тут же уцепился за возможность стать их издателем. Скоро он встретится с легендарной женщиной и поместит отрывки из ее рукописи в «Современнике», поменяв предложенное ею название «Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александра» на простое «Записки Н. А. Дуровой».

Всех друзей и приятелей Пушкин зазывает писать для «Современника», хлопочет насчет распространения журнала в Москве.

Домой он возвращается вечером 23 мая. В этот день Наталья Николаевна родила дочь, родители назовут ее Натальей.

LXXVI

«Мое семейство умножается, растет, шумит около меня», — незадолго до того писал Пушкин Нащокину. Детский шум для него сродни шуму деревьев, семья подобна природе. Прибавить к этому книги — и ничего больше не надо.

Летом 1836 года Пушкины снимают дачу на Каменном острове. Глава семейства много работает. «Капитанская дочка» закончена вчерне 23 июля. Подправлен «Медный всадник» — автору всё-таки хочется «пробить» его в печать.

А Пушкин-лирик подводит итоги — поэтические и философские. У него намечается цикл стихотворений (во второй половине XX века пушкинисты станут говорить о «каменноостровском цикле»). Сюда входят «Отцы пустынноики и жены непорочны...» — переложение молитвы Ефрема Сирина, «Подражание италиянскому» — стихотворение об Иуде, «Мирская власть» — саркастическая реплика, вызванная тем, что в Казанском соборе в Страстную пятницу у плащаницы были поставлены солдаты-часовые. А в конце цикла по авторскому плану должно было стоять стихотворение «Из Пиндемонти», ставшее, пожалуй, наиболее известным из всех названных.

Имя итальянского поэта Пиндемонте понадобилось для прикрытия (Пушкин надеется опубликовать стихи в «Современнике»). Перед нами не перевод, а абсолютно оригинальное произведение, предельно искренняя исповедь автора. Итог многолетних пушкинских раздумий о личности и обществе, личности и власти, о свободе истинной и мнимой. Мысль автора остра и категорична, слова чеканны и тверды:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Эти стихи не просто написаны, они прожиты автором, отстаивавшим свободу собственной личнос-

ти вопреки неблагоприятным житейским обстоятельствам.

Человек-мир открыт любым идеям и идеалам, но опорная, базовая его ценность — собственная индивидуальность. «Себе лишь самому служить» — это не эгоизм, не самовлюбленность, это постоянная готовность к развитию.

Круг жизни пройден. Пушкин-художник исполнил свое предназначение.

Двадцать первого августа он пишет стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Традиция такого стихотворения-памятника древняя, идет еще от римского поэта Горация с его «Ergo monumentum» — эти два слова вынесены Пушкиным в эпитафию. Горация на русский манер перекладывали Ломоносов и Державин. У Пушкина есть некоторые словесные переключки с Державиным, но одическую условность он полностью преодолевает. С потомками он разговаривает без позы, не взирая на них с высоты пьедестала.

Залог своего бессмертия он связывает с дальнейшим развитием русской поэзии: «...славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». И завершается поэтическое завещание Пушкина не мотивом «увенчания» (как у Горация, а вслед за ним и у Державина с Ломоносовым), а обращением к поэзии как таковой, к Музе, которая будет вдохновлять и творческих наследников Пушкина:

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Итоговое стихотворение завершается на полемической ноте. И спор с судьбой тоже будет продолжен.

LXXVII

В начале сентября Пушкины переезжают в новую квартиру на набережной Мойки. Подписан контракт, в котором значится: «Нанял я, Пушкин, в собственном ее светлости княгини Софьи Григорьевны Волконской доме, состоящем 2-й Адмиралтейской части первого квартала по № 7-м, весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий, со службами, как-то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачешную, взойдя на двор налево, в подвальном этаже, во 2-м проходе; сроком вперед на два года, то есть по первое сентября, будущего тысяча восемьсот тридцать восьмого года».

Стоимость аренды — 4300 рублей в год. Арендатор обязывается не ломать капитальных стен с целью «неподвижного украшения», не рубить и не колоть в кухне дров, на лестницах «не держать нечистоты», от огня иметь «крайнюю осторожность», сообщать управляющему о всех приезжающих и отъезжающих, не держать в доме лиц, не прописанных в квартале.

Снова — денежные хлопоты, поиски новых займов.

Девятнадцатое октября 1836 года — день трижды знаменательный.

Завершается работа над «Капитанской дочкой». В бумагах Пушкина останется «Пропущенная глава», описывающая бунт в деревне главного героя и его родителей. Она увидит свет в 1880 году. Многим

читателям запомнится такое авторское размышление: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

Вскоре «Капитанская дочка» будет прочитана Пушкиным в доме Вяземского. Печатается она в четвертом номере «Современника» — без имени автора (может быть, для того, чтобы идеализированный образ Екатерины II не вызвал цензурных придинок со стороны императора, не любившего свою бабушку).

Кроме того, в этот день написано письмо Чаадаеву — ответ на его «Философическое письмо», опубликованное в журнале «Телескоп». Чаадаев говорит о фатальной оторванности России от европейской цивилизации, крайне скептически оценивает и прошлое нашего отечества, и его перспективы на будущее. Пушкин, вступая с другом в диалог, не оспаривает критический пафос Чаадаева, но при этом всё-таки стремится найти точку опоры в российском прошлом: «А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?» (оригинал по-французски).

Пушкин это письмо не отправит. Причиной тому — правительственные гонения, которые вызовет чаадаевское сочинение. Журнал «Телескоп» будет закрыт, редактора его Николая Надеждина сошлют, а самого Чаадаева объявят сумасшедшим. Пушкин решит, что его письмо может повредить адресату. Он ознакомит с ним своих друзей, а глав-

ное — пушкинский ответ Чаадаеву сохранит значимость как послание потомкам.

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Эти слова будут цитироваться многими мыслящими людьми, а в фильме Андрея Тарковского «Зеркало» идейной кульминацией станет мистический эпизод, когда в доме появляется незнакомая женщина, вручает юному персонажу книгу и он сбивчивым детским голосом читает заветные пушкинские слова. Они и в XXI веке остаются духовным ориентиром нашей интеллигенции.

А еще 19 октября — лицейская годовщина, двадцать пятая. Устройством празднования занимается Михаил Яковлев, «староста лицейский», «Паяс», музыкант, сочинивший мелодии к пушкинским стихам (в частности, к «Зимнему вечеру»: «Буря мглою небо кроет...»), директор Императорской типографии, где печаталась «История Пугачевского бунта». Он обменивается с Пушкиным письмами по этому поводу. Оба за то, чтобы собрались только «свои», лицеисты первого набора и выпуска. Последующие поколения — уже не то.

Первый раз Пушкин откликнулся на дату в 1825 году, находясь в Михайловском, большим стихотворением «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»). Там сформулированы идеалы лицейского братства, переданы персональные приветы Пушкину, Горчакову, Дельвигу и Кюхельбекеру, задан вопрос, обращенный в будущее: «Кому ж из нас под

старость день лица / Торжествовать придется одному?» (это будет Горчаков, который доживет до 1883 года, а 19 октября 1882 года встретит в одиночестве).

В 1827 году Пушкин сочинил афористичное восьмистишие «Бог помочь вам, друзья мои...», где последняя строка («И в мрачных пропастях земли!») — то ли дань памяти ушедшим, то ли привет ссыльным декабристам.

В 1828 году дело ограничивается шутивным экспромтом, поскольку автор собирается в гости к Осиповой в Малинники и покидает пирушку:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

На этот же раз Пушкин пишет обширный текст с историческим сюжетом. Это переключка и со стихами 1825 года, и в какой-то мере с юношеским «Воспоминанием в Царском Селе»:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

Дописать не успевают: шестьдесят четвертый стих только начат:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

С неоконченным текстом отправляется Пушкин около четырех часов дня в дом Яковлева. Это близко, на Екатерининском канале.

Собираются Гревениц, Данзас, Илличевский, Комовский, Мартынов, Мясоедов, Корф, Стевен, Юдин. Обедают «вкусно и шумно», согласно про-

токолу. Читают бумаги из лицейского архива, поют «национальные песни».

Пушкин начинает читать свое обращение к друзьям, но сразу же сбивается, умолкает...

Слезы душат. Предчувствие?.. Он обещает дописать стихотворение и приобщить потом к протоколу.

LXXVIII

Четвертого ноября, утром, Пушкин получает по городской почте издевательский «диплом», написанный по-французски — о том, что господин Пушкин принят в «орден рогоносцев». Председателем ордена назван Нарышкин, муж фаворитки Александра I. Намек на то, что Пушкин при дворе занимает теперь такое же положение. «Рогоносец» для Пушкина — самое обидное из всех оскорблений. Сколько раз он сам издевательски проходил в стихах по «мужьям рогатым», в том числе и тем, чьи жены были его любовницами...

В разговоре с женой Пушкин узнает, что совсем недавно Наталья Николаевна угодила в ловушку. Интригу затеяла ее подруга Идалия Полетика (жена полковника Кавалергардского полка, незаконная дочь графа Григория Строганова — двоюродного дяди Натальи Николаевны). Прежде у Полетики с Пушкиным были мирные отношения, но потом она за что-то затаила на него злобу. Полетика заманила Наталью Николаевну в свой дом, а там вероломно оставила наедине с Дантесом, заранее этого дожидавшимся*. Домогательства Дантеса Наталья Николаевна решительно отвергла, злополучный

* Стелла Абрамович в своей книге «Пушкин в 1836 году» указывает, что эпизод произошел в промежутке между 28 октября и 3 ноября, а наиболее вероятная дата — 2 ноября.

тет-а-тет был прерван внезапным появлением дочери Полетики, но сам факт такого свидания мог бросить тень на репутацию жены Пушкина.

А если учесть, что незадолго до того Геккерн-старший вел с Натальей Николаевной рискованные разговоры, прося ее проявить великодушие к его приемному сыну... В общем, анонимный пасквиль может быть мезьей Пушкиным.

Надо отвечать немедленно. Пушкин не сомневается, что этот удар нанесен Геккернами. Вечером он отправляет младшему из них вызов на дуэль без объяснения причин. Наутро письмо доставлено. Его вскрывает Геккерн-старший, поскольку приемный сын находится на дежурстве в полку. Дипломат немедленно отправляется на Мойку и просит у Пушкина отсрочки дуэли на 24 часа. Приходит и на следующий день, выпрашивает отсрочку еще на две недели.

(Кто на самом деле изготовил пасквиль? Кто отправил несколько его копий близким знакомым Пушкина? Будут называть имена князя Ивана Гагарина, князя Петра Долгорукова, потом под подозрение у пушкинистов попадет Идалия Полетика. Доподлинно же это останется неизвестным.)

Встревоженная Наталья Николаевна решает обратиться за помощью к Жуковскому. Для этого посылает своего брата в Царское Село. Жуковский приезжает, говорит с Пушкиным, а на следующий день отправляется в нидерландское посольство, чтобы как-то погасить пожар.

Геккерн встречает его любезно и огорошивает неожиданным сообщением: оказывается, приемный сын влюблен в сестру Натальи Николаевны. Жуковскому на минуту кажется, что речь об Александре, но нет — о Екатерине. И Геккерн дает согласие на этот брак.

Пушкин, услышав эту весть от Жуковского, взбешен. Конечно, он не верит в любовь Дантеса к Екатерине. Не сомневается, что эта затея предпринята Геккернами уже после получения вызова на дуэль.

Жуковский продолжает нелегкую миротворческую миссию. Подключает к делу фрейлину Екатерину Ивановну Загряжскую, давнюю знакомую семьи Гончаровых. У нее на квартире 14 ноября происходит встреча Геккерна и Пушкина, в результате которой дуэль отменена. Пушкин сдержан и молчалив.

Своим чувствам он дает волю, зайдя после этого к Екатерине Андреевне и Софье Николаевне Карамзиным, а на следующий день — к Вере Федоровне Вяземской. Он по-прежнему жаждет мщения.

Письменный отказ от вызова на дуэль он составляет в преднамеренно небрежной манере. Дантес через своего секунданта барона д'Аршиака отвечает заносчивым письмом. Пушкин поручает Владимиру Соллогубу в качестве секунданта вновь провести переговоры о дуэли. На рауте в австрийском посольстве говорит Дантесу грубые слова. Идет к Клементию Россету и приглашает его в качестве «запасного» секунданта вместо Соллогуба.

Уже намечена новая дата дуэли — 21 ноября. И тут Соллогубу удается найти примиряющее решение. И Дантес отказывается от своих амбиций, и Пушкин по поводу сватовства Дантеса к Екатерине письменно заверяет: «Нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека». Барон Геккерн от имени своего приемного сына делает формальное предложение Екатерине Гончаровой.

LXXIX

Но перемирие оборачивается для Пушкина моральным проигрышем. В свете начинают толковать: мол, женитьба Дантеса — жертва с его стороны. Благородный поступок. Спас честь любимой женщины, защитил ее от клеветы, от ревнивца-мужа. «Бедный Дантес!» — восклицает Софья Карамзина (фрейлина, дочь Н. М. Карамзина от первого брака).

Эту версию активно транслируют оба Геккерна. А старший из них навевается с визитом в дом Пушкиных и передает Наталье Николаевне письмо от приемного сына — о том, что тот отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Свою миссию он сопровождает весьма обидными устными комментариями. Это унижение. Для обоих супругов Пушкиных.

Двадцать первого ноября 1836 года Пушкин пишет два письма, которые не будут отправлены адресатам, но бесповоротно обозначат неизбежность того, что произойдет через два месяца.

Первое адресовано барону Геккерну, которого Пушкин недвусмысленно обвиняет в безнравственности: «Вы, представитель коронованной особы, Вы отечески сводничали Вашему незаконно-рожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили Вы».

Пушкин категорически обвиняет Геккерна и Дантеса в изготовлении анонимного письма. Заканчивает он беспощадными словами: «Дуэли мне уже недостаточно, и каков бы ни был ее исход, я не сочту себя достаточно отомщенным ни смертью

Вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать Вам и которого копию сохраняю для личного употребления. Я хочу, чтобы Вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть Вам в лицо...»

Вечером Пушкин знакомит с этим письмом Владимира Соллогуба — как секунданта, ввиду неизбежной дуэли. Он читает ему текст послания с такой страстью, что собеседник не смеет и рта открыть. Соллогуб спешит в дом Владимира Одоевского в Мошковом переулке, где по случаю приемного дня может находиться Жуковский. Всё ему рассказывает, и Жуковский немедленно отправляется на Мойку. Каким-то образом он уговаривает Пушкина не отсылать роковое послание.

Второе письмо адресовано Бенкендорфу. О пасквиле и несостоявшейся дуэли. Вновь Пушкин отстаивает свою версию: «...Я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества».

Письмо не будет отправлено, его потом найдут в бумагах Пушкина. А сам он будет 23 ноября принят Николаем I и пообещает ему больше не драться ни под каким предлогом.

Но для Пушкина это только отсрочка. Ненадолго. Не с Геккернами ему предстоит окончательно выяснить отношения, а с самим собой. Неотмщенная обида разлагает личность, как скажет потом один писатель. Убить в себе личность Пушкин не позволит.

Отвлечься помогает работа, ее предостаточно. «Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени: в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь», — пишет Пушкин отцу в конце декабря. А перед тем с глубоко затаенным сарказмом сообщает семейные новости: «У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо дом мой имеет вид модной и бельевой мастерской».

Десятого января 1837 года Дантес и Екатерина Гончарова венчаются. Как фрейлина двора невеста получает подарок от государя. Это денежная сумма, переданная через Наталью Николаевну. Дантесу разрешено не принимать российское гражданство, а будущих детей крестить не в православную, а в католическую веру.

Пушкин не в состоянии избежать встреч с Дантесом, не может он оградить от него и Наталью Николаевну. Та порой наивно ревнует Дантеса к сестре, не умея этого скрыть. Для Пушкина — мука непереносимая. Дантесу в этой ситуации вольготно, он безнаказанно ухаживает за свояченицей. 23 января на балу у Воронцовых он отпускает во всеуслышание рискованную шутку. Вот какую. У сестер общий педикюрщик, и как бы с его слов Дантес говорит Наталье Николаевне: «Ваша мозоль красивее,

чем мозоль моей жены». Это игра слов: имеется в виду не «мозоль» (*cor*), а «тело» (*corps*). Два французских слова произносятся одинаково — «кор». Сам Пушкин этого не слышит, но молва, конечно, всё до него доносит.

Его бесит казарменный каламбур, но что поделаешь: два молодых красивых тела тянутся друг к другу. Флирт не есть супружеская измена, но...

В кругу, где вращаются Пушкины, многие на стороне «бедного Жоржа», его брак воспринимают как жертву и его рыцарское увлечение Натальей Николаевной одобряют. Пушкина, этого «тигра», «грубияна» (а то и «урода»), не любят.

К ситуации подключается государь, советующий Наталье Николаевне быть осторожнее и дорожить своей репутацией. Согласно рассказу Николая I, записанному бароном М. Корфом, в двадцатых числах января Пушкин благодарил царя за заботу и признался: «Я и Вас самих подозревал в ухаживаниях за моею женой».

Он знает, что нового поединка не миновать. Выбора нет. Человек-мир выше выбора.

Решение созрело, и это дает Пушкину ощущение свободы и внешнее спокойствие. «Я только что перебесился, я буду еще много работать», — говорит он Владимиру Далю. Со многими встречается по литературным делам. Собиратель народных сказаний Иван Сахаров приходит на Мойку и на минуту застаёт в пушкинском кабинете Наталью Николаевну. Она сидит на полу, устланном медвежьей шкурой. Положила голову на колени мужу, сидящему в кресле. Возможна еще гармония, если жизнь продлится.

LXXXI

А на следующий день, 25 января, Пушкин пишет резкое письмо барону Геккерну, повторяя примерно то же, что содержалось в неотправленном письме двухмесячной давности. Вспоминая эпизод с анонимным письмом, Пушкин считает себя победителем. По его словам, он тогда заставил Дантеса играть «жалкую роль», а если у жены поэта и было какое-то чувство к «так называемому сыну» Геккер-на, то оно «угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном».

Увы, это не совсем так, но Пушкину важно защитить честь жены и не оставить никаких оснований для кривотолков. Письмо адресовано свету.

Точка поставлена.

Вечером Пушкин и Дантес с женами встречаются у Вяземских. Обе сестры спокойны и веселы. Глядя на самодовольного Дантеса, Пушкин не удерживается и проговаривается Вере Федоровне Вяземской: этот господин не знает, что его ждет. И еще одному человеку он доверится — свояченице Александре, по-настоящему ему преданной.

Наутро он посещает Александра Тургенева, остановившегося неподалеку на Мойке, в Демутовом трактире. Они рассматривают вместе исторические документы, привезенные из Парижа.

Пушкин возвращается домой. Является секундант Дантеса виконт д'Аршиак с письменным вызовом на дуэль. Пушкин принимает вызов не читая. Выходит из дому, встречается, как и днем ранее, с Евпраксией Вревской. Сообщает ей о том, что будет завтра. Вечером, на балу у графини Разумовской, зовет в секунданты молодого дипломата Меджениса — секретаря английского посольства. Вскоре, в

половине второго ночи, получает от него письмо с вежливым отказом.

Наступает 27 января, среда. В девять утра д'Аршиак письменно торопит с выбором секунданта. Пушкин письменно же отвечает, что привезет такого прямо на место встречи. Да пусть хоть сам Дантес найдет секунданта для Пушкина: «...я заранее его принимаю, будь то его ливрейный лакей». Это, конечно, издевка. Близко к тексту «Евгения Онегина», где главный герой привозит на дуэль с Ленским в качестве секунданта своего камердинера месье Гильо.

Д'Аршиак настаивает на соблюдении правил: секунданты должны предварительно встретиться. Делать нечего, в 11 часов Пушкин отправляется к лицейскому товарищу Константину Данзасу. Тот не может отказать, и предотвратить поединок не в его силах.

Секунданты обсуждают условия в здании французского посольства на Мильонной. Пушкин возвращается домой. Ходит по комнате, напевая. Видит в окно Данзаса. Тот входит, держа в руках бумагу — «Условия дуэли между господином бароном Жоржем Геккерном и господином Пушкиным», всего шесть пунктов. Пушкин туда не заглядывает. Данзас отправляется за пистолетами.

Пушкин завершился.

Человек-мир прошел полный круг своей орбиты.

Он на равных с жизнью и со смертью, которые сейчас выясняют отношения между собой.

На стороне жизни:

сознание свершенного подвига;

новые идеи и проекты;

молодая, красивая, пусть пока и неразумная
жена;
четверо детей.
На стороне смерти:
невыносимое общество;
непонимание читателей и критики, неуспех
«Современника»;
долги общей суммой в 140 тысяч рублей;
наконец, человек с белой головой, с которым
через три часа предстоит стреляться. Человек-
смерть.
Возможна еще одна жизнь. Выход на новый круг.
Пора!

LXXXII

Кондитерская Вольфа на углу Мойки и Невского проспекта. Пушкин в ожидании секунданта пьет не то лимонад, не то просто воду. Около четырех часов появляется Данзас.

С Невского они сворачивают на Дворцовую набережную. Там оживленно, многие возвращаются после катания с гор. Среди них и Наталья Николаевна, она не замечает, как проносятся сначала сани с Пушкиным и Данзасом, потом сани с Дантесом и д'Аршиаком. Троицкий мост. Петроградская сторона. Каменный остров — там, вдали, прошлогодняя дача Пушкиных. Набережная Черной речки, где тоже доводилось им дачу нанимать.

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Половина пятого. Всё произойдет очень быстро.
Двадцать шагов между противниками. У каждого — пять шагов до барьера.

Секунданты заряжают пистолеты.

Пушкин первым подходит к своей границе между жизнью и смертью.

Дантес стреляет еще по пути к барьеру.

Пушкин падает. Роняет пистолет. Пуля в животе. Льется кровь. Но нет, он не сдаётся:

— Attendez-moi! Je me sens assez de force pour tirer mon coup!

(«Подождите! Чувствую достаточно сил, чтобы сделать мой выстрел!»)

Ему подают запасной пистолет, и, приподнявшись, собрав последние силы, он нажимает на курок.

Есть! Дантес валится на землю! Браво!

Но нет, человек-смерть не убит. Умело заслонился рукой. Пуля отскакивает от медной пуговицы мундира, слегка ранив хладнокровного стрелка.

Пушкин один и говорит уже сам с собою:

— Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но чувствую теперь, что нет.

Человек-мир обретает последнюю гармонию.

В страшную минуту он оказался среди чужих людей. И везут его в чужой карете, присланной старшим Геккерном. Не к доктору — домой. Рана не перевязана. Почему секунданты не озаботились заранее насчет медика?

— Боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев, — говорит Пушкин Данзасу.

Осенью 1819 года поручик Щербачев получил смертельное ранение в живот во время дуэли с известным бретёром Руфином Дороховым, с которым поссорился в театре.

Пушкину больно. По пути приходится несколько раз останавливаться. Около шести часов вечера

карета, миновав широкий Певческий мост, подъезжает к дому на Мойке.

Надо вперед послать Данзаса, чтобы он успокоил Наталью Николаевну.

Выходит Никита, берет на руки барина. Тот ему: — Что, брат, грустно тебе нести меня?

Жена в передней — сразу в обморок. Пушкин, когда его вносят в кабинет, кричит ей: «N'entrez pas!» («Не входи!»). Не надо, чтобы она видела его окровавленным. А когда он уже уложен на диван, велит ее впустить. Сразу говорит ей главные слова:

— Будь спокойна, ты ни в чем не виновата.

Докторов Данзас находит случайных: Шольца (который вообще-то акушер) и Задлера. Рана смертельная — это ясно. Позже являются Спасский — домашний доктор Пушкиных, и Арендт, лейб-медик. Они не пытаются утешить обреченного пациента. Спасский напоминает ему о христианском долге. Пушкин соглашается: возьмите первого ближайшего священника.

Приводят отца Петра, что служит на Конюшенной площади. Пушкин исповедуется, причащается.

Арендту пора уходить. Пушкин через него просит прощения за Данзаса. Ждет царского ответа.

Арендт не застаёт царя во дворце: тот в театре. Около полуночи к доктору приезжает фельдъегерь с поручением доставить Пушкину записку, в которой карандашом начертано: «Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение».

(Обещание монарх сдержит. Скостит 40 тысяч пушкинского долга двору, остальные 100 тысяч частных долгов возьмет на себя опека. Вдове будет назначена пенсия.)

Страшные боли начинаются в четвертом часу утра. Зачем эти мучения? Лучше бы умереть спокойно. Пора. Жену просите, жену.

Она рыдает, ее уводят. Теперь время друзей. Жуковский, Виельгорский, Вяземский, Александр Тургенев, Данзас один за другим приходят проститься. Здесь ли Плетнев, Карамзины?

Детей зовите! Он благословляет каждого.

Смерть идет.

Владимир Даль, сменяя Спасского, остается с Пушкиным ночью.

Утром Пушкину беспрестанно подают холодную воду. Он трет себе виски и лоб льдом, держит кусочки льда во рту. Внезапно наступает облегчение.

Умиравший просит морошки, зовет жену, чтобы она его покормила. Съедает две-три ягоды. Довольно.

Наталья Николаевна, выйдя от мужа, говорит:

— Он будет жив, он не умрет.

Пушкин просит Спасского, Даля и Данзаса повернуть его на правый бок. Они слышат его слова:

— Жизнь кончена.

И потом — последнее:

— Тяжело дышать. Давит.

ЭПИЛОГ

И тут же начинается жизнь вечная.

Примерно через 100 лет Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» опишет памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве. Выбрав для этого неожиданный трагикомический ракурс.

Второстепенный персонаж романа, бездарный поэт Рюхин, только что спровадивший своего коллегу в психиатрическую больницу, на обратном пути видит из кузова грузовика, «что близехонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар».

Далее следует внутренний монолог антипатичного персонажа. При всей абсурдности в этой речи содержится значительная доля истины: «Вот пример настоящей удачливости... — тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунового человека, — какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглюю...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

Правда в том, что бессмертие Пушкина обеспечено и его произведениями, и его судьбой. Пушкин будет нужен потомкам и как художник, и как человек. Русский читатель соединит в своем сознании ритм пушкинских стихов и прозы со стремительным ритмом его биографии. С Пушкиным как с человеком-миром можно будет обсудить любой вопрос.

Пушкин — будет.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА

- 1799, 26 мая (6 июня по новому стилю)* — родился в Москве, в доме Скворцова (несохранившееся здание на углу современных Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка). Отец — Сергей Львович Пушкин (1771—1848), чиновник Московского комиссариата. Мать — Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал (1775—1836).
- 1806—1811* — гостит в летнее время в селе Захарове (Московской губернии Звенигородского уезда) — имении бабушки, Марии Алексеевны Ганнибал.
- 1809—1811* — написаны на французском языке пьеса «L'Escamoteur» («Похититель») и поэма «La Tolyade» («Толиада»).
- 1811, июнь* — приезд с дядей Василием Львовичем Пушкиным в Петербург.
- 12 августа* — Пушкин сдает вступительный экзамен в Лицей.
- Октябрь* — переезд на жительство в Царскосельский лицей (комната № 14).
- 19 октября* — торжественное открытие Царскосельского лицея в присутствии Александра I.
- 1813, конец года* — написана первая дошедшая до нас поэма — «Монах».
- 1814, 4 июля* — выход в свет стихотворения «К другу стихотворцу» в № 13 журнала «Вестник Европы». Дебют Пушкина в печати.
- 1815, 8 января* — чтение Пушкиным стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» на публичном экзамене в присутствии Г. Р. Державина.
- 1816, 23 марта* — посещение Пушкина в Лицее В. Л. Пушкиным, Н. М. Карамзиным и П. А. Вяземским.
- Июнь—июль* — Пушкин часто бывает у Карамзиных, живущих в Царском Селе.
- Лето* — знакомство с П. Я. Чаадаевым.
- 1817, 9 июня* — выпускной акт в Лицее. Чтение Пушкиным стихотворения «Безверие».
- 13 июня* — Пушкин определен на службу в Коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря. Жи-

- вет вместе с родителями и сестрой в доме на набережной Фонтанки, у Калинкина моста.
- Июль* — отъезд в отпуск в Михайловское. Знакомство с семьей Осиповых.
- Август* — Пушкин принят в литературное общество «Арзамас», ему присвоено имя «Сверчок».
- Начало работы над поэмой «Руслан и Людмила».
- 1817, *сентябрь* — 1820, *май* — участие в кружке «Зеленая лампа».
- 1819, *июль* — написано стихотворение «Деревня».
- 1820, *26 марта* — чтение законченной поэмы «Руслан и Людмила» у Жуковского, который дарит Пушкину свой портрет.
- Середина апреля* — Пушкин дает объяснение по поводу своих политических стихотворений петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу.
- 5 мая* — утверждение Александром I письма о прикомандировании Пушкина к канцелярии генерал-лейтенанта И. Н. Инзова в Екатеринославе.
- 6 мая* — отъезд из Петербурга в Екатеринослав.
- 16—18 мая* — прибытие в Екатеринослав.
- 26—28 мая* — отъезд из Екатеринослава на Кавказ с семейством Раевских.
- Июнь—июль* — начало работы над «Кавказским пленником».
- После 23 июля — 14 августа* — выход в свет первого издания «Руслана и Людмилы».
- 5 августа* — отъезд с Раевскими из Пятигорска.
- 15 августа — 21 сентября* — пребывание в Крыму.
- 21 августа* — приезд из Симферополя в Кишинев.
- Ноябрь* — поездка в имение Давыдовых Каменку (Киевской губернии Чигиринского уезда).
- 1821, *январь — первая половина февраля* — пребывание с Раевскими в Киеве.
- 20 февраля* — окончание поэмы «Кавказский пленник».
- 9 апреля* — встреча с П. И. Пестелем.
- 1822, *конец августа — начало сентября* — выход в свет первого издания «Кавказского пленника».
- 1823 — окончена поэма «Бахчисарайский фонтан».
- 9 мая* — начато писание «Евгения Онегина».

- Начало августа* — Пушкин переезжает из Кишинева в Одессу.
- 1823, *конец года* — 1824, *начало года* — начата поэма «Цыганы».
- 1824, *10 марта* — выход в свет первого издания «Бахчисарайского фонтана».
- 23—31 мая* — поездка в командировку в Херсонский, Елисаветградский и Александрийский уезды для сбора сведений о саранче.
- 11 июля* — «высочайшее повеление» о переводе Пушкина на жительство в Псковскую губернию под надзор местного начальства.
- 30 июля* — отъезд из Одессы в ссылку в Михайловское.
- 9 августа* — приезд в Михайловское.
- 1825, *15 февраля* — выход в свет первого издания первой главы «Евгения Онегина».
- 7 ноября* — окончен «Борис Годунов».
- Между 30 ноября и 4 декабря* — получение Пушкиным известия о смерти Александра I.
- 13—14 декабря* — написана поэма «Граф Нулин».
- 14 декабря* — восстание гвардейских полков на Сенатской площади в Петербурге с участием многих друзей и знакомых Пушкина.
- 30 декабря* — выход в свет книги «Стихотворения Александра Пушкина».
- 1826, *между 11 и 27 мая* — прошение на имя Николая I об освобождении с приложением подписки о непринадлежности к тайным обществам.
- 24 июля* — Пушкин получает известие о казни 13 июля декабристов П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, П. Г. Каховского, С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина.
- 28 августа* — резолюция Николая I о доставке Пушкина в Москву «под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта».
- 4 сентября, утро* — отъезд с жандармским офицером из Михайловского в Псков. Вечером отъезд из Пскова с фельдъегерем в Москву.
- 8 сентября* — приезд в Москву и аудиенция у Николая I.
- 12 октября* — чтение Пушкиным «Бориса Годунова» в доме Веневитиновых.

- 9 ноября* — приезд в Михайловское.
19 декабря — приезд в Москву.
26 декабря — Пушкин присутствует на вечере у княгини З. А. Волконской в честь уезжающей в Сибирь княгини М. Н. Волконской.
- 1827, *начало января* — отправка с женой декабриста А. Г. Муравьевой в Сибирь стихотворения «Во глубине сибирских руд».
27 января — Пушкин дает показания у московского обер-полицеймейстера по делу о стихах «Андрей Шенье».
Начало февраля — выход в свет поэмы «Цыганы».
Начало июня — выход в свет первого издания поэмы «Братья-разбойники».
- 1828, *5 апреля* — начало писания поэмы «Полтава».
2 октября — Пушкин адресует Николаю I письмо (не сохранилось) с признанием в авторстве «Гавриилиады».
Конец декабря — на балу в Москве Пушкин знакомится с Натальей Николаевной Гончаровой.
- 1829, *конец марта* — выход в свет «Полтавы».
1 мая — граф Ф. И. Толстой от имени Пушкина просит у Н. И. Гончаровой руки ее дочери.
Начало мая — отъезд на Кавказ.
27 мая — приезд в Тифлис.
10 июня — отъезд из Тифлиса в Арзрум.
21 июля — отъезд из Арзрума.
20 сентября — приезд в Москву.
- 1830, *1 января* — выход в свет первого номера «Литературной газеты», издаваемой А. А. Дельвигом при участии Пушкина.
6 мая — помолвка Пушкина и Н. Н. Гончаровой.
20—29 мая — поездка Пушкина с Н. Н. Гончаровой к ее деду Афанасию Николаевичу Гончарову в имение Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии.
18 августа — Пушкин навещает умирающего дядю Василия Львовича (дата его кончины — 20 августа).
31 августа — отъезд из Москвы в Болдино.
Начало сентября — приезд в Болдино.
25 сентября — закончен роман в стихах «Евгений Онегин».
5 декабря — возвращение из Болдина в Москву.

- 22—23 декабря — выход в свет «Бориса Годунова».
- 1831, начало февраля — Пушкин снимает квартиру на Арбате в доме Никанора Хитрово.
- 18 февраля — свадьба Пушкина в церкви Большого Вознесения на Малой Никитской улице в Москве.
- 20 мая — на вечере у П. А. Плетнева Пушкин знакомится с Н. В. Гоголем.
- 25 мая — приезд Пушкина с женой в Царское Село.
- Середина сентября — выход в свет книги «На взятие Варшавы», включающей три стихотворения В. Жуковского и два стихотворения Пушкина — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».
- Конец октября — выход в свет книги «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».
- 22 октября — Пушкины поселяются в доме Брискорн на Галерной улице (ныне дом 53).
- 14 ноября — Пушкин зачислен на службу в Коллегию иностранных дел в прежнем чине коллежского секретаря с жалованьем пять тысяч рублей в год.
- 1832, 19 февраля — Пушкин присутствует на обеде сорока восьми литераторов в библиотеке А. Ф. Смирдина в связи с переездом ее в новое помещение на Невском проспекте.
- Первая половина мая — переезд Пушкиных с Галерной улицу на Фурштаттскую (дом 20).
- 19 мая — рождение дочери Марии.
- 27 сентября — посещение Пушкиным Московского университета.
- Начало декабря — Пушкины переезжают в дом Жади-мировского на углу Большой Морской и Гороховой улиц.
- 1833, 31 января — начата «Капитанская дочка».
- 19 февраля — выход в свет «Домика в Коломне» в альманахе «Новоселье».
- Март — выход в свет «Евгения Онегина».
- 6 июля — рождение сына Александра.
- 7 июля — получение письма с извещением о том, что Николай I разрешает Пушкину поездку в Оренбург и Казань на четыре месяца.
- 17 июля — отъезд Пушкина из Петербурга.
- 29 июля — отъезд из Москвы.

- Сентябрь* — пребывание в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске.
- 1 октября* — приезд в Болдино.
- Середина октября* — отъезд из Болдина в Москву.
- Ноябрь* — Пушкины переезжают в доходный дом Оливио на Пантелеймоновской улице (дом 5).
- 12 декабря* — Пушкин получает от Бенкендорфа рукопись «Медного всадника» с цензурными пометами Николая I.
- 30 декабря* — Пушкину присвоен придворный чин камер-юнкера.
- 1834, *1 марта* — выход в свет «Пиковой дамы» в журнале «Библиотека для чтения».
- 4 марта* — письмо Бенкендорфа с сообщением о том, что Николай I приказал выдать Пушкину 20 тысяч рублей заимообразно на печатание «Истории Пугачевского бунта».
- 25 июня* — Пушкин подает прошение об отставке, которое отзывает 6 июня.
- Август* — Пушкины переезжают в дом Баташева на Дворцовой набережной (ныне — набережная Кутузова, 32).
- Сентябрь* — поездка в Болдино, написание «Сказки о золотом петушке».
- Конец октября* — выход в свет «Истории Пугачевского бунта» в двух частях.
- 1835, *март—май* — в журнале «Библиотека для чтения» публикуются «Песни западных славян», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке».
- 5—15 мая* — поездка в Тригорское.
- 14 мая* — рождение второго сына Григория.
- 1 июня* — Пушкин просит у царя через Бенкендорфа разрешения уехать в деревню на три или четыре года. В этой просьбе ему отказано.
- 16 августа* — Николай I дает распоряжение министру финансов о выдаче Пушкину ссуды в 30 тысяч рублей.
- Сентябрь* — выход в свет четвертой, последней части «Стихотворений Александра Пушкина».
- 31 декабря* — в письме Бенкендорфу просит разрешения издать в 1836 году четыре тома статей «наподобие английских трехмесячных Reviews» (будущий журнал «Современник»).

- 1836, *ночь на 29 марта* — смерть матери Пушкина Надежды Осиповны.
- 8 апреля* — отъезд из Петербурга в Псковскую губернию с телом матери.
- 11 апреля* — выход в свет первого тома «Современника».
- 13 апреля* — похороны Н. О. Пушкиной в Святогорском монастыре.
- Май* — поездка в Москву.
- 23 мая* — рождение младшей дочери Натальи. Приезд Пушкина из Москвы в Петербург на дачу на Каменном острове.
- Июль* — выход в свет второго тома «Современника».
- 1 сентября* — заключение контракта на наем квартиры в доме княжны С. Н. Волконской (ныне набережная реки Мойки, 12) на два года.
- Начало октября* — выход в свет третьего тома «Современника».
- 19 октября* — закончена «Капитанская дочка». Письмо Чаадаеву с откликом на его «Философическое письмо». Участие Пушкина в праздновании лицейской годовщины в доме М. Л. Яковлева.
- 4 ноября* — получение Пушкиным трех экземпляров «диплома» «ордена рогоносцев», разосланного также его знакомым.
- 5 ноября* — Пушкин вызывает Дантеса на дуэль письмом, которое получает Геккерн, посещающий Пушкина в тот же день.
- 6 ноября* — дуэль отсрочена на 15 дней.
- 14 ноября* — дуэль отменена ввиду того, что Дантес объявил о своей женитьбе на свояченице Пушкина Е. Н. Гончаровой.
- 16 ноября* — Пушкин вновь настаивает на дуэли и просит В. А. Соллогуба быть секундантом.
- 17 ноября* — переговоры секундантов — Соллогуба и д'Аршиака. Пушкин отказывается от своего вызова.
- 21 ноября* — Пушкин пишет письма Геккерну и Бенкендорфу, но не отправляет их.
- 23 ноября* — Пушкин принят Николаем I.
- Вторая половина ноября — декабрь* — выход в свет четвертого тома «Современника».

1837, 10 января — свадьба Дантеса и Е. Н. Гончаровой.

25 января — оскорбительное письмо Пушкина Геккерну и ответное письмо Геккерна с вызовом на дуэль.

27 января — дуэль Пушкина и Дантеса на Черной речке у комендантской дачи, Пушкин смертельно ранен.

29 января, 2 часа 45 минут — кончина Пушкина.

1 февраля — отпевание Пушкина в Конюшенной церкви.

5 февраля — Александр Тургенев доставляет тело Пушкина в Святогорский монастырь, где поэт, согласно его воле, похоронен на рассвете 6 февраля.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Летопись жизнь и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.

Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826—1837. М., 2001—2009.

Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. М., 1982.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985; 3-е изд. В 3 т. СПб., 1998.

Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году. Хроника. М., 1994.

Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). 2-е изд., доп. М., 1989.

Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1985.

Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978.

Вацуро В. Э. Избранные труды. М., 2004.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 2001.

Легенды и мифы о Пушкине. Сборник статей / Под ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1999.

Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981.

Непомнящий В. С. Пушкин. Избранные работы 1960—1990-х гг. В 2 т. М., 2001.

Сурат И. З., Бочаров С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002; М., 2008.

Томашевский Б. В. Пушкин. В 2 т. 2-е изд. М., 1990.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.

Тынянов Ю. Н. Пушкин. Роман. Л., 1974 (имеется множество других изданий).

Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина. В 2 т. 7-е изд. М., 2010.

Цявловская Т. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Статьи и исследования. М., 1987.

Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. М., 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
I	11
II	12
III	14
IV	16
V	20
VI	25
VII	26
VIII	28
IX	30
X	34
XI	37
XII	42
XIII	44
XIV	47
XV	50
XVI	52
XVII	54
XVIII	57
XIX	61
XX	64
XXI	66
XXII	68
XXIII	70
XXIV	72
XXV	73
XXVI	76
XXVII	80
XXVIII	82
XXIX	86
XXX	89
XXXI	92
XXXII	97
XXXIII	103
XXXIV	104

XXXV	107
XXXVI	113
XXXVII	118
XXXVIII	120
XXXIX	122
XL	125
XLI	126
XLII	129
XLIII	131
XLIV	135
XLV	139
XLVI	144
XLVII	145
XLVIII	148
XLIX	153
L	157
LI	158
LII	160
LIII	161
LIV	163
LV	165
LVI	168
LVII	171
LVIII	176
LIX	178
LX	182
LXI	184
LXII	185
LXIII	187
LXIV	190
LXV	194
LXVI	195
LXVII	199
LXVIII	203
LXIX	204
LXX	208
LXXI	209
LXXII	211
LXXIII	214

LXXIV	215
LXXV	219
LXXVI	220
LXXVII	223
LXXVIII	227
LXXIX	230
LXXX	232
LXXXI	234
LXXXII	236
Эпилог	240
Основные даты жизни и творчества А. С. Пушкина ..	242
Краткая библиография	250

Новиков В. И.

Н 73 Пушкин / Владимир Новиков. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 253[3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 60).

ISBN 978-5-235-03691-8

Для передвижения в пушкинском мире современному читателю, особенно молодому, нужен компас, считает писатель, доктор филологических наук, профессор МГУ Владимир Новиков, автор биографий Блока и Высоцкого в серии «ЖЗЛ». Таким компасом он видит свою новую работу — жизнеописание Александра Сергеевича Пушкина, представленное как опыт доступного повествования, из которого читатель может почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые сведения. При этом автору удалось уловить динамику реальной судьбы великого русского поэта, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия».

УДК 821.161.1.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

знак информационной
продукции **16+**

Новиков Владимир Иванович
ПУШКИН

Редактор **И. И. Никифорова**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 13.12.2013. Подписано в печать 26.02.2014.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 10,4+1,3 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.
E-mail: dsei@gvardiya.ru

Типография ОАО «Ярославский полиграфический комбинат».
Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03691-8

ISBN 978-5-235-03691-8

9 785235 036918 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ